
ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Так мужает молодость...
Рассказ Валерии Герасимовой
«МЕНЯ НЕЛЬЗЯ БРОСИТЬ»
Николай Погодин:
В ГОСТЯХ У ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

Товарищи Н. С. Хрущев и Д. С. Полянский с участниками совещания передовиков сельского хозяйства Северного Кавказа в Ростове-на-Дону.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 7 (1756)

12 ФЕВРАЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Теперь главное состоит в том, чтобы использовать имеющиеся возможности и резервы для резкого увеличения производства зерна, технических культур, мяса, молока и других продуктов уже в нынешнем году и в ближай-

Фото А. Новикова.

шие годы. Можем ли мы решить эту задачу? Безусловно. Это в наших силах, это зависит от нашей работы, от работы всех тружеников социалистического сельского хозяйства.

Н. С. ХРУЩЕВ

В Грузию для участия в совещании передовиков сельского хозяйства республик Закавказья прибыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Перед началом работы совещания Никита Сергеевич посетил районы Восточной Грузии.

На снимках:

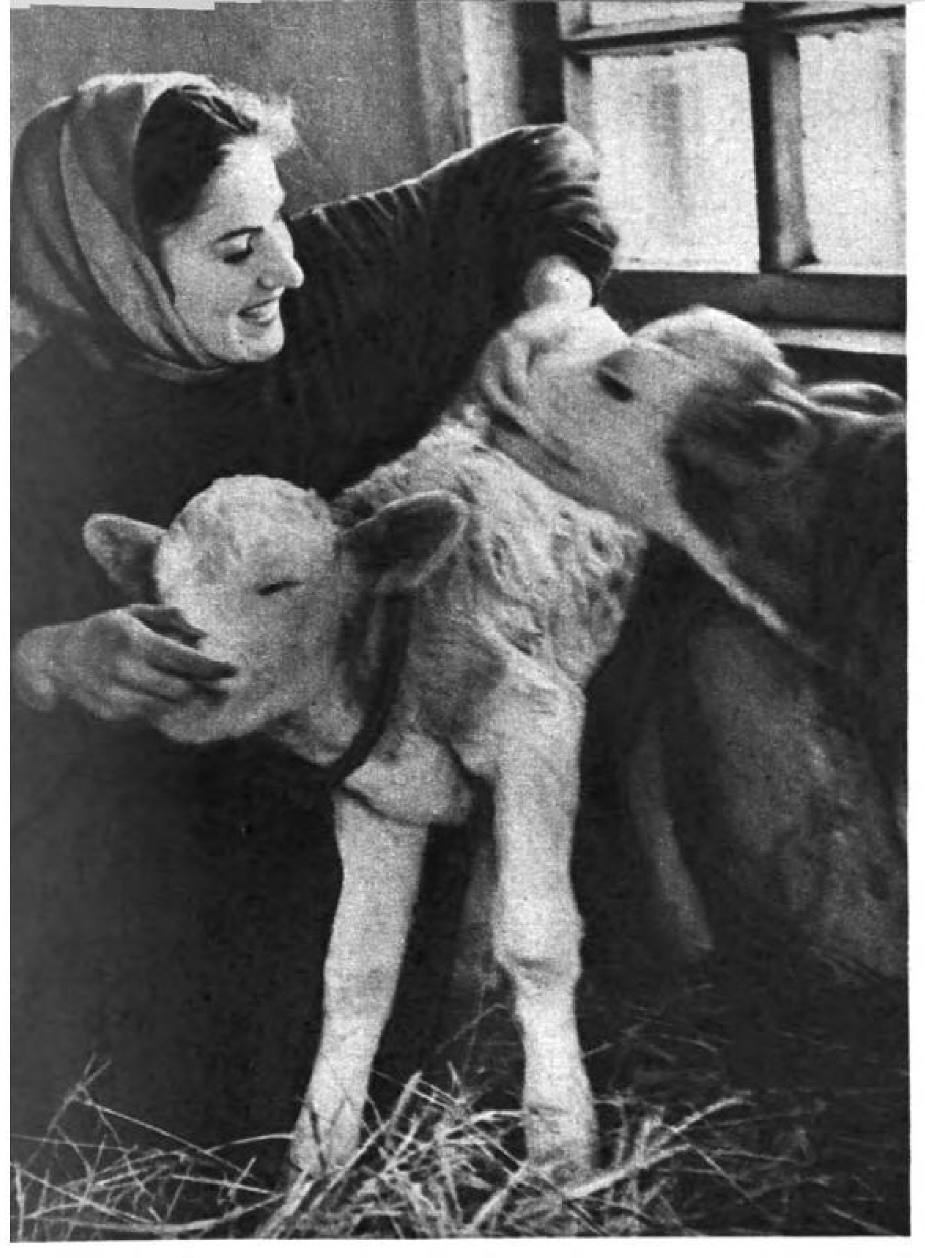
Н. С. Хрущев беседует с работниками Мухрованского молочного совхоза.

В обстановке единодушия и деловитости проходило совещание.

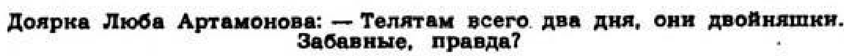
Группа передовиков сельского хозяйства республик Закавказья — участников совещания.

Доярка Люба Артамонова: — Телятам всего два дня, они двойняшки. Забавные, правда?

А. А. Чусляев: — Это подсчитано и это будет!

ПРОВЕРЕНО,

О. КУПРИН

Фото М. САВИНА.

Он говорил о своем колхозе. О прошлом и будущем. О трудностях и победах. Изредка его прерывали аплодисментами, они прокатывались из конца в конец громадного Кремлевского зала, затихали, и опять слышался его ровный, уверенный голос. Наверняка многих занимал вопрос: сколько лет этому совсем еще молодому человеку?

— Вы давно председателем работаете? — спросили оратора.

— Семь лет.

— Сколько вам лет?

— Тридцать три года.

— Вот молодец!

Потом шли цифры обязательств. А потом опять реплика:

— Это вы сами подсчитали?

— Сами подсчитали, — был ответ.

— На вас сверху никто не давил в отношении этих цифр?

— Нет. Это реальные цифры.

— Это хорошо подсчитано и будет выполнено?

— Это подсчитано и это будет!

Такой разговор произошел на январском Пленуме ЦК КПСС между Председателем Совета Министров СССР Никитой Сергеевичем Хрущевым и председателем колхоза имени Мичурина, Саратовской области, Анатолием Александровичем Чусляевым. Об этом разговоре знает вся страна. А мне хочется рассказать о том, что было до и после этого разговора.

* * *

Машина тяжело карабкается на очередной холм и вдруг останавливается. Сели. Колеса глубоко ушли в слежавшийся наст. Теперь надо ждать, пока кто-нибудь вытянет.

До вершины холма рукой подать. Холмистая пустыня кончилась. Вдали деревенька. Это Красный полуостров — вторая бригада колхоза имени Мичурина. Там я уже побывал. Вон длинное и широкое строение — четырехрядный коровник на двести голов, построенный в прошлом году. Чуть дальше — еще строение, поменьше. Свинарник. Над входом там прибита аккуратная дощечка, а на ней цифра: «1960». Значит, тоже прошлогодняя постройка. Если приглядеться, можно разобрать силуэты непонятных очертаний. Что это? А, это старые, полуразвалившиеся помещения для скота. Их скоро вообще сломают. Это прошлое. Это уже история.

Далеко видно с холма. А что, если мысленно перенестись, скажем, в 1953 год? Как раз в том году возвратился Чусляев в родные места из Саратова. Три года он учился в областной школе председателей колхозов. Другая картина открывалась тогда с этого самого места: коровник и свинарник да редкие домишки под соломенной крышей. Кормов не хватало. Колхозников в иных артелях на ферму калачом не заманишь. Приходилось нанимать доярок со стороны. Как раз в Красном полуострове колхоз был самый что ни на есть захудалый. Близко районный центр, а там рынок. Туда «полуостровитяне» наведывались почаще, чем на свои животноводческие фермы. А поля? Тоже похвастать было нечем.

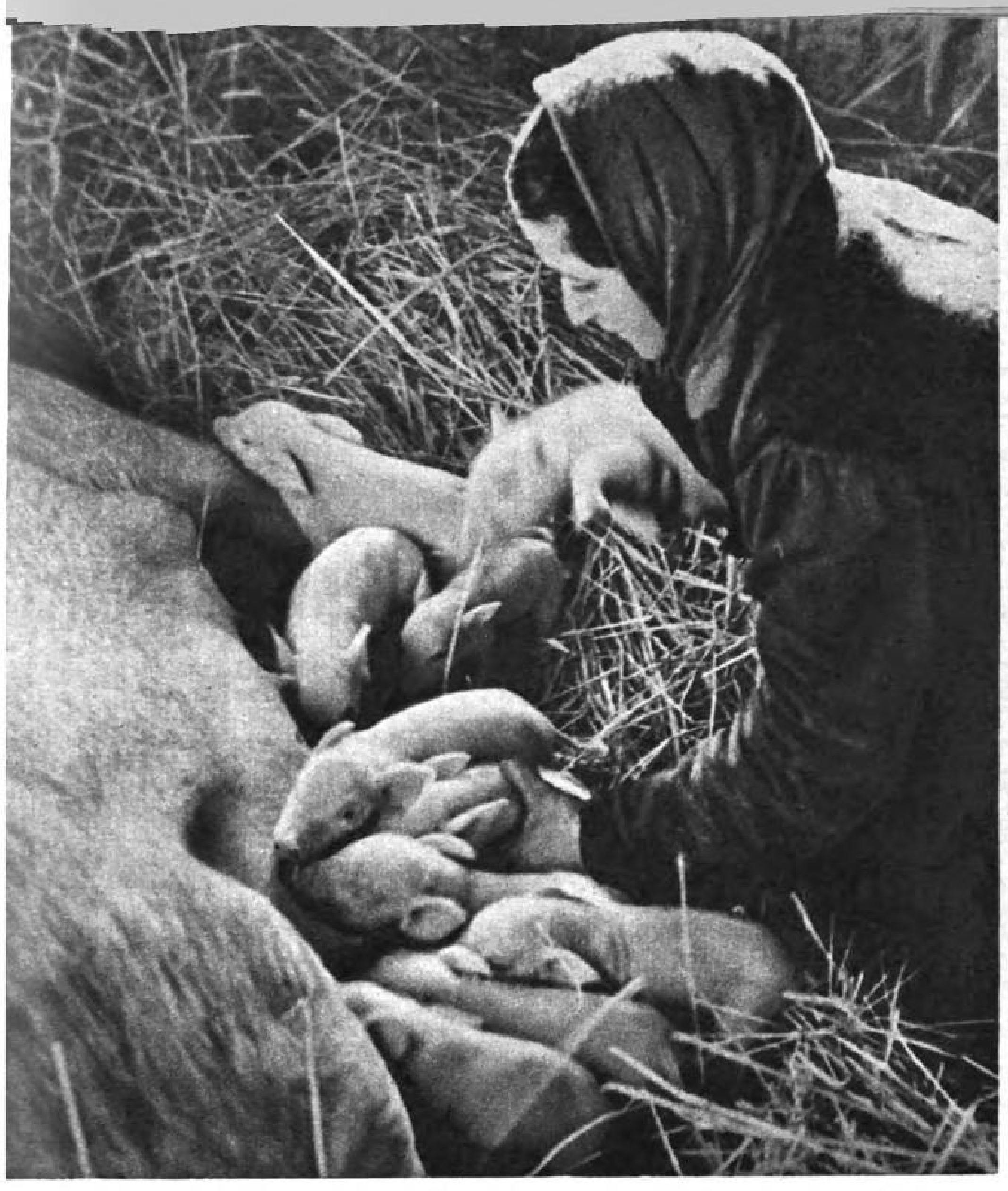
...Машину нашу вытащили довольно скоро. Ехал мимо колхозный грузовик, остановился, зацепил тросом «Победу», и вскоре очутились мы в Памятке, третьей бригаде колхоза имени Мичурина.

...Около трактора собрались механизаторы. Человек десять. Обеденный перерыв. Известный в округе острослов и балагур Дмитрий Алексеевич Феоктистов, как видно, уже не в первый раз дает свои комментарии к событиям последнего месяца. А событий было много. Председатель колхоза выступил на Пленуме ЦК партии. С того дня идут по здешним деревням одни и те же разговоры. Обязательства взяли большие, вся страна теперь о них знает. Гости — один за другим. Ходят, подсчитывают, взвешивают все «за» и «против».

— Приезжает Буднюк, председатель из «Большевика»,— начинает Феоктистов.— Сымает шапку, кланяется. «Здоро́во, мичуринцы!» И пошел и пошел... У вас, мол, хорошо, а у нас вроде бы даже лучше. Пой, милый, пой, думаю. Чем-то кончишь. Соревноваться с тобой мы, конечно, будем. Не на тех напали не сдрейфим. У нас всё, как говорится, в лучшем виде. Зябь ранняя, глубокая, считай, на всю площадь сева. Удобрений вывезли — дай бог всякому! А он свое гнет: мы, да у нас... Ох, покажем осенью им кузькину мать! Платочек подарим, чтобы нос вытирали почаще.

В колхозе Феоктистова величают не иначе, как Чапаев: крут больно, рубит с плеча.

Бригадир комплексной бригады Николай

Свинарка Е. Н. Свистунова: — Поросятам всего два часа, они еще ничего не умеют...

Бригадир Н. К. Комков и звеньевая А. А. Батыгина в золотой сокровищнице колхоза — складе семенного фонда.

ПОДСЧИТАНО...

Кузьмич Комков — полная противоположность Феоктистову. Ему уже давно за пятьдесят. Тут, в Памятке, он и родился. Землю здешнюю знает, как половицы в собственной избе. Осенью 1929 года первым записался в колхоз. Был конюхом, трактористом, до укрупнения председательствовал в артели, что была в той же самой Памятке. Говорит он тихо, не спеша, словно рассказывает о чем-то само собою разумеющемся.

— Как обещали, так и будет. Зерновых, значит, возьмем по 128 пудов с гектара. В прошлом году 120 взяли. На Пленуме обещал председатель дать кукурузы на зерно по 40 центнеров. Моя бригада по 45 даст, а зеленой массы — по 300. А чего ж не дать, коль можно? Молока, значит, от каждой фуражной коровы надоим в среднем по 2 600. Всё мы в точности подсчитали, проверили. Народ у нас знающий, к земле почтительный. Взять хоть Феоктистова, хоть Шурупцева...

А с Иваном Яковлевичем Шурупцевым приключилась в прошлую весну небольшая история. Отсеялся он довольно быстро. А появились всходы — увидели все, что допустил Иван Яковлевич огрехи. Лет пять назад никто бы слова не сказал — не такие уж большие они были, а тут возмутился народ. Да еще как! Больше всех переживал сам Шурупцев, ходил мрачный, неразговорчивый, только иной раз жаловался товарищам: «И как угораздило, ума не приложу. Сам знаю, что виноват. А тут колет в глаза тем огрехом каждый, кому не лень. И дома покою нет. Приду обедать, я за хлеб — жена за огрех». Кончилось тем, что специальное выездное партийное бюро посвятили тому огреху. Не знаю, имел ли в виду председатель и этот случай, когда говорил Никите Сергеевичу Хрущеву, что всё подсчитано и всё, что обещано, будет, но перед Пленумом произвел он, кроме экономических расчетов, еще и психологические, это уж точно.

...Анатолий Александрович Чусляев сидит в правлении и читает письма. Их с каждым днем приходит все больше и больше.

— Вот один пенсионер пишет,— говорит председатель, обращаясь не то ко мне, не то к самому себе.— Прочитал он мою речь на Пленуме. Поздравляет, желает успехов, и все такое. А под конец говорит, что спрячет ту газету, в которой речь, и будет хранить ее до осени, до той поры, когда я отчитываться буду. Проверит, стало быть, не набрехал ли я партийному Пленуму. Так что учтите,— председатель повернулся к колхозникам, сидевшим в то время в правлении,— лежит газета, ждет своего времени. И не одна, наверное, газета, много их...

Сгущаются сумерки. Засветились высокие окна колхозной мастерской. Заканчивался еще один будничный день. Диктор по радио сообщил, что в клубе сегодня кинокартина, которую детям до 16 лет смотреть нельзя. Репродуктор на стене замолчал, но не надолго. Чуть позже к микрофону в конторке третьей бригады, как и каждый день, подойдет Николай Кузьмич Комков и объявит наряды на завтрашний день.

А мы с председателем пока читаем письма и говорим о колхозных новостях.

— Да, в нашем деле без подсчетов не обойдешься,— говорит Чусляев.— Масса дел заключена в каждой хорошей цифре. За последние годы крутой перелом в людях произошел. Раньше норовили на рынок сбегать, а теперь приходят и требуют побольше работы. А почему? Колхоз силу свою показал. В 1957 году доход у нас был чуть больше 3 миллионов, а в прошлом — 8 миллионов 650 тысяч. За два года колхозникам 105 домов построили. И за те же два года — два больших коровника, два телятника да два свинарника. Больше миллиона за мастерскую уже выплатили. Цифры и цифры, а за ними целая революция в психологии. Например, обязались мы по всему колхозу собрать зерновых 120 пудов с гектара. На Пленуме я сказал, что все цифры реальные. А эта реальна, кроме всего прочего, так сказать, и с моральной стороны. Комков такой урожай уже вырастил — значит, каждый может. Недавно приходили ко мне двое, говорят, что хотят из города к нам перебираться. Чего скрывать, бежал раньше народ из села. И сейчас это есть, но, во-первых, куда как меньше, а во-вторых, появляется и обратное движение. Это уже что-нибудь да значит. Хотите еще одну цифру? Тоже все рассчитано. В этом году коров у нас будет на 60 процентов больше, чем в прошлом. А резервы есть такие, что в 1962 году в два раза увеличим стадо по сравнению с шестидесятым. И учтите: закупать скот у колхозников не будем. Только воспроизводство...

Кругом белым-бело. Спит под толстым льдом речка Хопер, деревца на ее берегу закопались по колени в снег. И точно так же, как сквозь белую пелену снега по маленьким, но красноречивым деталям можно угадать буйную здешнюю весну, так и после путешествия по зимнему колхозу можно представить весну хозяйственную, беспокойную.

Исполнилось 80 лет со дня рождения Климента Ефремовича Ворошилова. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР послали юбиляру приветствие, в котором говорится: «От всей души желаем Вам, наш дорогой товарищ Климент Ефремович, здоровья и многих лет жизни на пользу советского общества».

В связи с восьмидесятилетием, за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством К. Е. Ворошилов награжден орденом Ленина.

КОСМИЧЕСКИЙ ГЕРКУЛЕС В ПОЛЕТЕ

В эти дни весь мир вновь и вновь восхищается победой советской науки и техники.

4 февраля с помощью усовершенствованной многоступенчатой ракеты осуществлен запуск нового тяжелого спутника Земли. За свой поистине грандиозный вес — 6 483 кг — он получил за рубежом название «космического геркулеса», «сверхспутника».

Советские люди шаг за шагом идут по большому пути освоения космического пространства.

«Летающий автобус» на орбите Земли

Ю. КРЫЛОВ,
кандидат технических наук

Мир уже привык к тому, что из Советского Союза в космос регулярно отправляются тяжелые космические корабли.

Давайте вспомним...

На космических кораблях весом в четыре с лишним тонны, до отказа насыщенных научной аппаратурой, мы находили место для четвероногих космонавтов. Их пребывание в космосе дало возможность накопить факты, необходимые для того, чтобы с чистым сердцем принять смелое решение об отправке в космос человека. Для этого надо еще более усложнить аппаратуру, проверить ее действие и замерить возникающие в полете нагрузки, обеспечить все условия, необходимые для нормального функционирования живого организма.

А с точки зрения инженера-ракетостроителя это означает одно: увеличение потребной полезной нагрузки.

Новый советский искусственный спутник Земли весит уже 6 483 килограмма. Это целый «летающий автобус».

Существует и другая, едва ли не более важная задача освоения космоса, заставляющая стремиться к увеличению веса полезной нагрузки, поднимаемой первыми ступенями ракеты.

Это—подготовка полетов к планетам солнечной системы. В частности, поэтому была разработана новая мощная многоступенчатая ракета, первое испытание которой успешно прошло в январе 1960 года. Вес верхних ступеней ракеты, предназначенных для межпланетного полета, должен быть весьма большим. Последняя ступень, отправляющаяся в путь, исчисляемый десятками миллионов километров, должна, например, нести научную аппаратуру, радиопередатчики, систему ориентировки в пространстве, источники энергии и средства исправления возможных отклонений от расчетной траектории.

Поэтому в числе проблем, которые нужно решить для осуществления полетов к планетам солнечной системы, одна из основных — возможность выведения на орбиту сверхтяжелых космических кораблей.

Между тем каждый лишний килограмм полезной нагрузки отзывается на стартовом весе ракеты, усложняет требования к ее конструкции и двигателям.

В многоступенчатых ракетах увеличение веса верхних ступеней, несущих полезную нагрузку, также приводит к существенному, хотя и меньшему увеличению начального веса и также резко повышает требования к совершенству конструкций и экономичности двигателей.

А как найти коэффициент усложнения автоматики, системы контроля и управления, системы синхронизации работы двигателей и ступеней ракеты?

Более тонны добавочного веса по сравнению с прежними космическими кораблями означает еще одну проверку возможности полета к планетам солнечной системы или посылки в космос человека. Именно так воспринял весь мир сообщение ТАСС о запуске в Советском Союзе нового тяжелого искусственного спутника Земли.

---

14 февраля исполняется одиннадцатая годовщина со дня подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

Цветы дружбы

ЛИ ЧЖИ

Громаду-вышку взглядом я окинул, —
С ней по соседству чудо-деревцо.
Я вспомнил вдруг веселую бакинку,
Смеющееся девичье лицо.

На нашей стройке, рук не покладая,
Трудилась ты, как на земле родной,
И нежный персик в Северном Китае
Ты посадила бережно весной.

Громада-вышка небо задевала,
Росток зеленый тоже вверх пошел.
Его водой ты часто поливала:
Скорей бы он поднялся и расцвел.

Прощанье помню... Ждал далекий город...
Ты к деревцу с улыбкой подошла:
Появятся бутоны скоро-скоро...
Цветами дружбы ты их назвала.

Тебе, мой друг, сегодня шлют поклон
Те промыслы, где ты трудилась с нами,
И деревцо, что яркими цветами
Усеяно уже со всех сторон.

Рукой касаюсь сильной нежной ветки...
Друзей далеких сердцу не забыть!
Где ты теперь! В Баку! А может быть,
В Сибири, на площадках семилетки!

Я у цветов спросил и у ветвей,
Но те молчат, но ты-то непременно
Нам отвечай и приезжай скорей:
Чудесные повсюду перемены!

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

Полезный вес—6,5 тонны

— Утолить жажду в условиях невесомости не так-то просто. Лишенная веса вода выскальзывает из открытого сосуда и мелкими шариками плавает в воздухе. При вдохе шарики могут попасть в легкие, а не в желудок.

Демонстратор Московского планетария Тамара Степанова (крайняя слева) рассказывает посетителям о том, как ведутся наблюдения за спутниками.
Фото В. Седачева.

Лектор Московского планетария Маргарита Фридриховна Матсон рассказывает посетителям о будущих полетах к далеким небесным телам, о кораблях-спутниках. Особый интерес вызывает, конечно, новое достижение советских людей — запуск корабля-гиганта, весящего без малого 6,5 тонны.

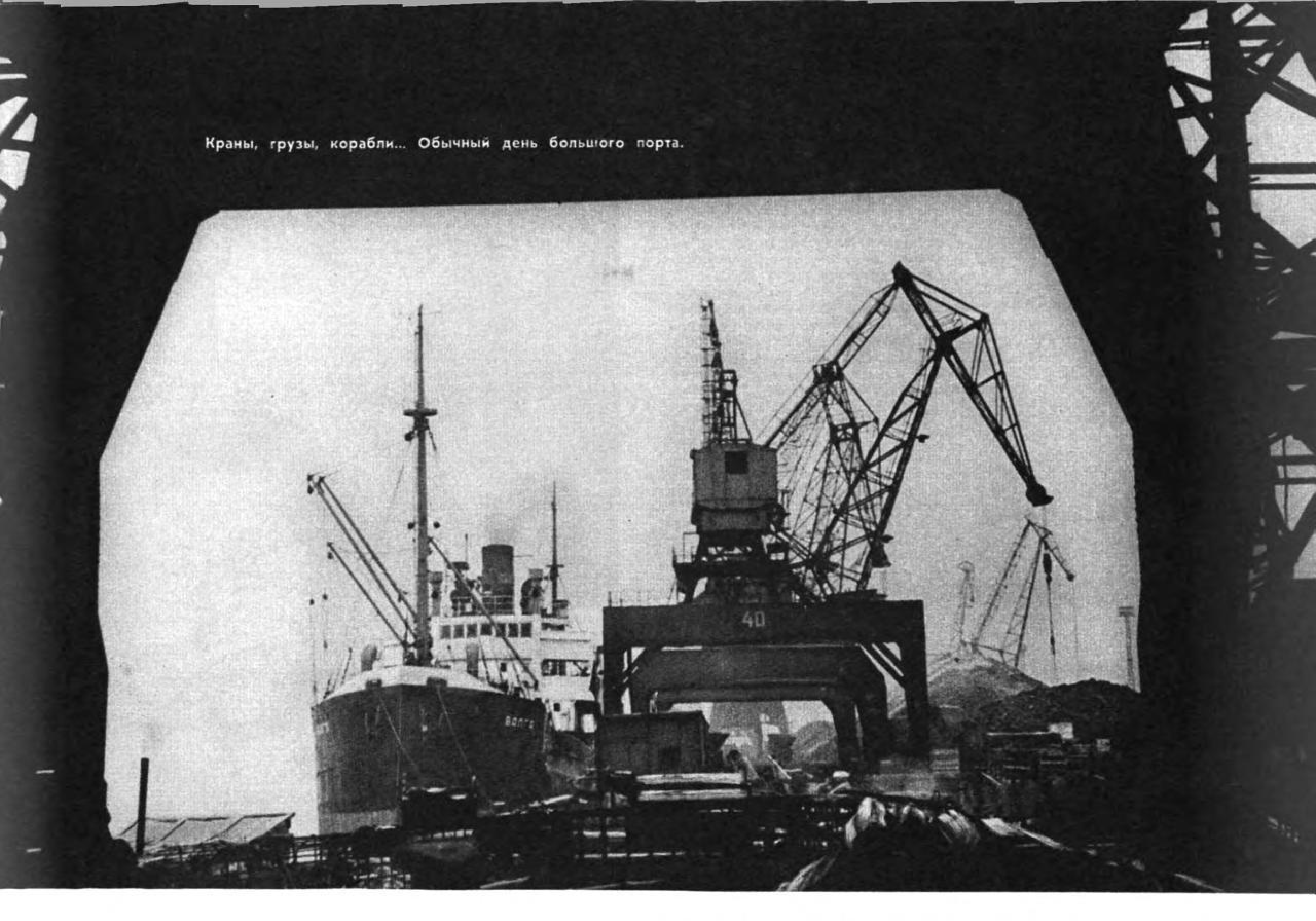
Беседа кончается, но посетители еще долго не расходятся, продолжают разговор о корабле-спутнике.

— Представляете, какой мощной и совершенной должна быть ракета, способная вывести на орбиту такой огромный корабль? — говорит невысокий пожилой человек. — Я, к сожалению, не имею отношения к созданию спутников, работаю механиком на Ростсельмаше. Но я же понимаю, что с такими ракетами можно вывести на орбиту космическую лабораторию.

— Шесть с половиной тонн! — восклицает юноша. — В таком корабле космонавт мог бы расположиться с удобствами.

С гордостью и радостным волнением говорят люди самых различных профессий и возрастов о новом достижении нашей науки.

А. ГОЛИКОВ

Краны, грузы, корабли... Обычный день большого порта.

КОРАБЛИ УХОДЯТ В МОРЕ

Г. ГУРКОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

В этом кабинете часто называются цифры.

Цифры, которые потом превращаются в турбины и экскаваторы, в сахар и текстиль, в руду и химическое оборудование.

Цифры, которые весомо и зримо рассказывают о большом и важном деле — о международных торговых связях Советской страны.

Наша беседа с министром внешней торговли СССР Николаем Семеновичем Патоличевым тоже началась с цифры.

— Знаете, как увеличилась торговля Советского Союза с зарубежными странами за первые два года семилетки? — спросил министр. И ответил: — Прирост товарооборота за этот период в два раза больше, чем весь объем внешней торговли СССР за предвоенный тысяча девятьсот тридцать восьмой год.

Николай Семенович говорил о том, как бурно растет товарообмен с государствами социалистического содружества, о новых соглашениях с Румынией, Венгрией, другими братскими странами, о крепнущей торговле с молодыми государствами Азии и Африки, с Кубой.

— У нас существуют хорошие торговые отношения с Англией и ФРГ, Финляндией и Австрией, Францией и Швецией,— продолжал министр.— Успешно развивается торговля с Италией и Японией. Современное состояние внешнеторговых связей СССР с многими зарубежными странами хорошее. Перспективы многообещающие.

— А как обстоит дело с ограничениями на торговлю с нашей страной, с пресловутым «эмбарго», запрещающим капиталистическим государствам — членам военных группировок поставку в СССР оборудования и многих промышленных изделий?

— Сама жизнь рвет и опрокидывает всякие ограничения в торговле,— отвечает министр.— Тщетность попыток задержать стремительное развитие советской экономики ясна теперь всему миру. Те капиталистические страны, которые все еще придерживаются «ограничительных списков», оказывают плохую услугу своим промышленникам и коммерсантам. Деловые люди Запада заинтересованы в торговле с нами, мы постоянно получаем новые и новые предложения.

Должен сказать, что и промышленники Соединенных Штатов Америки проявляют все больший интерес к торговле с Советским Союзом. Нами уже размещено несколько крупных заказов на американское оборудование. Мы приветствуем такую инициативу американских бизнесменов и хотели бы надеяться, что торговые дела с США в дальнейшем пойдут лучше.

Внешнеторговые связи СССР ширятся год от года. И это еще раз неопровержимо доказывает могучую жизненную силу нашей политики, политики мирного сосуществования и активного международного сотрудничества. Мы хотим развивать взаимовыгодную торговлю со всеми, кто этого хочет. Никита Сергеевич Хрущев не раз подчеркивал, что торговля является важным средством смягчения международной напряженности. Обмениваться товарами, а не

снарядами, торговать, а не воевать — таков зов времени.

...Мы шли широкими коридорами Министерства внешней торговли и видели на дверях справа и слева таблички. Три слова, коротких и выразительных: «Тише, идут переговоры». Мы встречали темнокожих арабов и сухопарых англичан, стремительных итальянцев и спокойных, сдержанных скандинавов.

Идут переговоры. Это значит, что завтра на заводах Индии застучат новые советские станки, а по дорогам Украины пойдут австрийские авторефрижераторы. Это значит, что шотландская хозяйка испечет хлеб из золотого зерна, взращенного рукой алтайского хлебороба, а слесарь из Свердловска, отправляясь на лыжную прогулку, наденет сработанный в стране Суоми шерстяной свитер. Это значит... Впрочем, нужно ли много слов, чтобы рассказать о том, что дает людям международная торговля?

* * *

До Кубы мы плыли два часа.

Плыли на маленьком буксире «Меднис» — ветеране Рижского торгового порта. Буксир вышел навстречу кубинскому пароходу «Байя де Нуэвитас», чтобы доставить лоцмана.

Палуба судна по общепризнанным международным правилам является частью территории государства, под флагом которого идет судно.

Чтобы побывать на той части Кубы, которая называется «Байя де Нуэвитас», нам не пришлось просить визы.

Ровно в полночь в открытом море мы подошли к кубинскому пароходу и уже через несколько минут, получив согласие капитана, поднялись на борт.

Мы не были знакомы. Мы стали друзьями.

Третий помощник капитана Федерико Хедмэн, жгучий брюнет с бронзовым лицом, оживленно рассказывал о том, как в сентябре «Байя де Нуэвитас» заходила в Вентспилс.

— Да, тогда мы тоже везли сахар. А взяли промышленное оборудование. Нас так встречали!

Он восторженно крутит головой.

Кто-то приносит учебник русского языка и начинает по складам произносить слова:

— Советский...

— Друг...

Нас наперебой угощают соком манго, крепчайшими сигарами. Сильвио Флорес, высокий пожилой негр с задумчивыми глазами, взял свою голубую гитару, и мы услышали песни, которые поет сегодня революционная Куба.

На гитаре Флореса наклеены вырезки из газет — клятва кубинских патриотов «Родина или смерть!», портреты Фиделя Кастро, Никиты Сергеевича Хрущева...

Помните, как было?

Когда империалисты пытались задушить кубинский народ экономической блокадой, Советский Союз пришел на помощь. Кубинский сахар изменил свой традиционный маршрут и двинулся с далекого острова к советским берегам. А на Кубу пошли с нефтью и сельскохозяйственными машинами корабли Страны Советов.

Торговля означала для Кубы жизнь.

Вот почему радостная улыбка озаряет сегодня лицо кубинца, когда он слышит слово «советский». Вот почему тысячи людей приходят к причалам Гаваны, когда на рейде появляются корабли с алым флагом...

Мы видели в Рижском порту погрузку тракторов «Т-28». Их строит харьковский завод. Тракторы с Украины завоевали доброе имя на полях Польши и Мексики, Ганы и Индии, Греции и Финляндии.

Могучие краны опускали маленькие зеленые «Т-28» в трюмы теплохода «Сена». Нет, это не французское судно. Оно принадлежит Латвийскому государственному пароходству и регулярно совершает рейсы в порты Франции.

На этот раз судно идет в Гавр. Харьковские тракторы, должно быть, пришлись по душе французским крестьянам. В прошлом году фирма «Актиф» закупила сто машин. А сейчас просит принять заказ еще на четыреста тракторов.

«Москвичи» отправляются в Стокгольм, хлопок — в Бремен, руда — в Копенгаген...

Уходят в море корабли.

Они везут мирные грузы.

Они везут дружбу.

У матросов кубинского парохода «Байя де Нуэвитас

НА СНИМКАХ:

1. Гюнтер Хиллебранд, директор международной корпорации «Фон Кохорн», США: — Есть такой вариант... 2. Тов. Крюгер, заместитель генерального директора объединения «Хемиаусрюстунген», ГДР: — Качество гарантируем. 3. Мицуо Футаки, фирма «Тоё Мэнка Кайся, лимитед», Япония: — Договорились! 4. Судан — СССР. Протокол о товарообороте на 1961 год подписан. Объем торговли увеличивается более чем в два раза. 5. Освальд Берстен, директор фирмы «Голодец», Англия: — Это интересно! 6. Г-н Фурати, коммерсант, Тунис: — Надо подумать. 7. Д-р Альберто Леви, главный администратор фирмы «СИРЦЕ», Италия: — А может быть, так?..

1

2

3

хорошее настроение. На берегу их ждут друзья.

В Гвинею. Советские машины помогут отвоевать землю у джунглей.

4

5

6

7

Преподаватель Л. М. Махов принимает работы по начертательной геометрии у студентов первого курса.

Втузовцы

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Всякий раз, когда бываешь на Ленинградском Металлическом заводе, непременно приметишь здесь перемены. То помолодел и словно раздвинулся старый цех. То в пролетах появились новые уникальные станки-автоматы. А под сводами этого корпуса возник большой, как палуба океанского корабля, испытательный стенд...

И вот сегодня мы обратили внимание еще на одну и несколько необычную перемену в жизни завода. В полдень в светлом цехе гидротурбин, как всегда, стих шум станков, погасли искры электросварки, опустели пролеты. Но далеко не все ушли на обед. Группа токарей направилась в техническую библиотеку, другие, примостившись у разметочных плит, сборочных стендов, наспех закусив, листают тетради, книги, разбирают чертежи...

Перехватив наш взгляд, начальник сборки Георгий Александрович Бугров говорит:

— Это наши втузовцы!

На заводе вновь возродился втуз. Еще в годы первой пятилетки, когда отечественное энергомашиностроение только начинало развиваться, на Выборгской стороне в корпусах старейшего завода был создан единственный в Союзе заводской втуз. Студенты его работали в цехах и учились. Токари и слесари становились мастерами, техниками, технологами, конструкторами, начальниками участков, отделов.

— Где только не встретишь наших питомцев!— рассказывает директор втуза Владимир Иванович Смоловик.— Главный инженер Калужского турбинного завода Игорь Константинович Назаров — наш втузовец. Шесть лет сидел он на одной парте с токарем Петром Сергеевичем Чернышевым, ныне главным инженером нашего Металлического. Директор Харьковского турбинного Михаил Иванович Бойченко и директор завода гидромеханического оборудования Леонид Павлович Бабинцев — тоже наши выпускники. А сколько их трудится в цехах и конструкторских бюро!

За десять лет втуз выпустил 568 инженеров. Это специалисты особого склада. Они обладают высокими теоретическими знаниями и богатым практическим опытом.

Когда в 1959 году в стране широко обсуждались проблемы перестройки высшего образования, металлисты внесли предложение возродить заводской втуз. Предложение встретило поддержку правительства. Снова создан завод-втуз. Двери его открыты для всех, кто тянется к знаниям.

Токарь Юрий Брятов мастерски обрабатывал сложные детали гидротурбин, но не имел даже среднего образования. Летом друзья поздравили его с получением аттестата зрелости, а осенью — с зачислением в заводской втуз.

Слесарь Валентин Белкин — тоже студент. После десятилетки окончил техническое училище. Потом пришел на завод: собирал турбины для Китая, Польши, Румынии. Подружки Вера Камешкова и Валя Комкова уже имеют дипломы техников-конструкторов. И вот пошли дальше учиться.

Заводу нужно много хороших специалистов. Большой скачок предстоит свершить ему. В программе ближайших лет—машины невиданной мощности: 500, 800 тысяч и миллион киловатт! В этих огромных по масштабу работах участвуют все 245 втузовцев. В их распоряжении заводские лаборатории, технические библиотеки. Лекции читают опытные преподаватели. Среди них те, кто учился тут в тридцатые годы. Как-то рабочий Валентин Белкин зашел в техническую библиотеку и попросил учебник — к зачету готовился. На обложке он увидел знакомую фамилию — В. Орго.

— Как? Это же заместитель главного конструктора гидротурбин! — воскликнул он, обращаясь к библиотекарю.

— Да, это он. И учился Орго когда-то во втузе, так же как сейчас вы.

Бывший слесарь Виктор Маркович Орго, получивший образование в заводском втузе,— ныне известный ученый, автор многих сложных машин, лауреат Ленинской премии.

...В стране их пока всего пять, заводов-втузов. Тот, о котором мы только что рассказали, старейший среди них.

→ Кончился рабочий день. Начинается вечер учебы.

Будни втузовцев. В цехе Василий Богданов растачивает вал, а в аудитории постигает химию (на цветном снимке справа).

57
ЛЕНИНГР
МЕТАЛЛИЧЕС
ИМЕНИ СТ

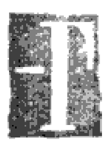

МЕНЯ НЕЛЬЗЯ БРОСИТЬ

Рассказ

Валерия ГЕРАСИМОВА

Рисунки П. Пинкисевича.

Где же ремни? — на всю квартиру прозвучал сердитый мужской голос. — Всегда у н и х такая история!

В коридоре скрипнула дверь. Это соседка Глебова лично наблюдает за происходящим.

— Уходит, — довольно явственно произнесла она.

«Нужны ремни, значит, укладывает одеяло и подушки», — подумала Елена.

Мать и сын нервно прислушивались. Но делали вид, что в смежной комнате ничего особенного не происходит. Елена Николаевна принялась обметать пыль с этажерки, а Костя развернул старый журнал. Но, может быть, потому, что в тринадцать лет душевной выносливости меньше, чем в сорок, Костя сдался первым. Когда мать нагнулась, чтобы поднять книгу, упавшую с этажерки, мальчик выскользнул из комнаты. «Куда? Неужели попросит его остаться? Этого допустить нельзя!» Елена Николаевна бросилась к двери. Но тут же вороватo мелькнуло иное: «А что, если пожалеет и останется? По-своему к мальчику он привязался. А ремни вот так же искал прошлой зимой под Новый год; и все-таки не уехал, остался...» Тогда она нашла нужное слово, движение. Как бы невзначай заглянула в его комнату, и само собой получилось, что через минуту прижималась к его груди, а он гладил ее волосы и ворчливо повторял: «Ладно, ладно уж...»

После этого было несколько хороших дней. Виталий вопреки своей, мягко говоря, бережливости купил по случаю почти новый холодильник — только одна стенка была слегка помята. И полки для книг прибил, а главное, снова начал заниматься с Костей гимнастикой. Станут рядком и под радио...

Где же все-таки Костя? Неужели Виталий затеял с мальчиком длинный разговор?.. Хотя на него это не похоже: всегда краток. Принципиально краток.

А вдруг Глебова заманила его к себе и под видом сочувствия выпытывает? Нет, Костя гордый, чуткий — на это он не пойдет.

Елена Николаевна торопливо вышла в коридор. В комнате, где шли сборы, что-то грохнуло, потом раздался скребущий звук протащенного по полу, видимо, нагруженного чемодана.

Неужели заберет даже книги, которые когда-то дарил? Скажем, Бальзака? На него похоже...

Елена Николаевна заглянула в кухню, не там ли Костя.

Соседка, богомольная тетя Паша, варила себе что-то постное: пахло жареным луком, грибами. Кости не было.

В коридоре большой коммунальной квартиры есть темный закоулочек. Когда-то Костя сделал там себе «норку»: положил на пол ветхую бабушкину шубейку, а сверху натянул брезентовую плащ-палатку. Ее привез с фронта товарищ Андрея. Все, что от него осталось. На память.

Елена угадала: в полумраке тупичка она увидела Костю. Видно, притаился здесь, чтобы никто не видел его горя. Мать не окликнула, не стала утешать. Словно виноватая, тихонько отошла.

Надо Виталия удержать! Любой ценой, но удержать! Поступиться своим самолюбием, достоинством. Все равно. Дело не в ней. Какое право она имеет лишать сына того, что ему так нужно? Отнять веру, что живут они, «как все», как всем полагается жить?

Чтобы еще раз пройти мимо комнаты, где продолжались сборы, Елена снова пошла на кухню.

— Твое молоко, что ли, задумалось? — спросила тетя Паша. — Тóмным так и несет! Кипятить надобно!

— Я позабыла, — смутилась Елена Николаевна.

— Забыл забытка и прибил прибитка, — начала старуха одно из своих пугающих присловий. — Кисли, да не перекисливай. А твоему, — кивнула она головой на стену, — вечор почту принесли, ваши никто не отозвался, так я от себя крюк поставила.

«Крюк» — это подпись тети Паши.

Из-под миски с огурцами тетя Паша вытянула голубенький бланк. Телеграмма... Так и есть! Ему, Гущину.

И тут же, на кухне, Елена поступила так, как не считала для себя возможным когда-нибудь поступить. В то мгновение, когда тетя Паша склонилась над плитой, она распечатала голубенький бланк: «Гости уехали навсегда Винницу. Провожай вещами. Ждем. Матовы», — пробежала она текст.

Потом сунула телеграмму в карман и почти выбежала из кухни.

В комнате уже был Костя. Как ни в чем не бывало упорно перелистывал все тот же номер журнала.

Настороженно на него взглянув, Елена Николаевна прошла за шкаф. Старый, оставшийся от матери шкаф делил комнату на две половины. За ним стояла ее кровать. Там, вдумываясь в каждое слово, она еще раз прочла телеграмму. Сразу же бросилась в глаза неувязка: «Гости уехали навсегда Винницу... Провожай вещами». Кого же «провожать вещами», раз гости уже «уехали»? И что это за «Матовы»? За четыре года совместной жизни с Виталием этой фамилии она никогда не слышала.

Все это не что иное, как х о д Клавдии Степановны. Расшифрованный текст надо читать так: «Гостенко уехали навсегда в Винницу. П е р е е з ж а й с вещами. Жду. Мать».

Она, эта мать, за долгие годы работы в универмаге научилась иносказательно выражаться. Вовремя извещала нужных ей клиентов о том, что их интересовало...

Чутье у нее завидное. «Нюх, как у гончей», — откровенно говорил о матери сам Виталий. И сейчас учуяла, что надо сделать последний рывок! Схватить за горло!

Какая все-таки удача, что телеграмма попала ей в руки! Пройдет острота положения, и она, конечно, передаст ее Виталию. Объяснит, что по вине тети Паши завалялась на кухне. Но если он сейчас узнает, что комната для него наконец свободна, это будет последним толчком...

Нет! Решиться на это невозможно!

Подумать, а ведь еще вчера вечером твердо ему заявила, что все кончено и что она этому даже рада!

И правда, почувствовала нечто похожее на горькую радость.

В ответ он не произнес ни слова: не обидел, не переспросил, — только повернулся на каблуках, вышел. А наутро со свойственной ему энергией принялся за эти сборы. Да! Она не ошибалась: по-своему Виталий сильный человек. На этот раз это даже не так, как тогда, под Новый год: теперь он решил бесповоротно...

Что же ей все-таки делать с телеграммой? Выглянув из-за шкафа, Елена бросила взгляд на сына — оттуда не увидит! — нагнулась и сунула бумажку в щель между шкафом и полом. Когда же выпрямилась, сердце трепетало не в груди, а где-то высоко, почти в горле...

— Погуляй-ка, сынуля, пока светло, — подойдя к Косте, сказала Елена и сама почувствовала, что голос ее звучит виновато, чуть ли не искательно. Да и не были между ними приняты такие словечки, как «сынуля», «мамуся».

— Хорошо, сейчас, — тихо ответил Костя.

Он как-то странно взглянул на нее.

Но ведь он ничего не видел — не стеклянный же в самом деле старый шкаф! — а когда-нибудь сам поймет, что в ее смятении была и забота о нем, Косте...

Вот за это и стоит побороться с такой, как Клавдия Степановна... Первый раз в жизни Елена употребила свойственное той оружие. Всю жизнь люди такого рода ее обманывали. А она лишь «анализировала». Анализировала тонко, умно, стараясь быть как можно объективнее...

Нелепое племя донкихотов!

Клавдия Степановна, например, за время своего пребывания заведующей секцией готового платья нажила себе дачу. И не простую, а зимнюю. А когда по части ревизий стало тревожней, с тихим достоинством вышла на пенсию. Конечно, в п р я м о й форме она едва ли воровала. Слишком осторожна. Но разве вовремя кое-кого известить, что получен дефицитный товар, или неприметно упрятать от «обычных» покупателей венгерскую цигейку — такое уж преступление?!. Вот и ходит спокойно по земле представительная дама! Да разве она отдаст в «чужие руки» своего Витюлю! А если и отдаст, то туда, где повыгодней. Так пусть же ее «провожай вещами» пылится под шкафом!

Неожиданно Елена Николаевна почувствовала себя ловкой, сильной, немножко коварной. Еще посмотрим, кто кого!

Вдруг, словно пушечный выстрел, хлопнула дверь. Ушел. Забрал свои вещи и навсегда ушел. Или пока за такси?

А Костя от громового удара так и дернулся всем своим худеньким телом.

Уже не таясь соседей, Елена выскочила в коридор и распахнула дверь в его комнату. Да, все собрано. Трезвая голова! Такая трезвая, что на опустевшей полке не видно ее Бальзака! Снял даже единственную картинку со стены...

Ее точно сковало морозом. А надо ходить, улыбаться, говорить.

— Небось, насвинил? — встретила ее в коридоре сочувственным вопросом ответственная по квартире Евдокия Фетисова. — Давайте подмою!

Словцо «насвинил», которое Фетисова применила к человеку, известному в квартире своей аккуратностью, говорило об иной, далеко не «коммунальной» его оценке.

В ответ Елена лишь молча покачала головой. Да и нелепо, чтобы знатная ткачиха, к тому же депутат райсовета, в выходной свой день возилась с ведром и тряпкой.

И все же, ощутив дружескую поддержку, она едва не заплакала. Чтобы так не случилось, торопливо прошла в свою комнату. Теперь Костя уже не притворялся, что читает

Ленинградский металлический завод. Токарь-втузовец Анатолий Зайцев (верхний снимок).

Техники-конструкторы Вера Камешкова и Валя Комкова. Всегда они вместе: вместе учились в техникуме, вместе поступили на завод и во втуз, а сейчас вместе решают какую-то сложную задачу.

журнал. Он молча, напряженно прислушивался.

Звонок... Конечно, он! С такси. Что же! Надо с полным самообладанием, а что еще лучше — с чуть приметной иронией ему открыть... Подготовив это сложное выражение лица, Елена открыла дверь. И вскрикнула от радости. Перед ней было не мужское, каменно-красивое лицо, а совсем иное... Немолодое, подкрашенное и все же бесконечно доброе.

— Алиса! Какое счастье!

А гостья уже протягивала ей ярко-оранжевую авоську с зелеными грушами.

— «Приветик»! — спародировала она какую-то бодренькую пошлячку.— Где наш общий сын? А эти плоды, несомненно, пригодятся для вбивания гвоздей. Правда, работник прилавка уверял, что, мол, еще «дойдут». Не верь! После окаменения немедленно перейдут к гниению...

Когда Костя увидел Алису, на его лице впервые за сегодняшний день мелькнула улыбка.

У Алисы Викторовны Гефт несколько необычная профессия. Она кукольница. Когда-то была актрисой, играла даже у Мейерхольда. Случайно повредила ногу — «проклятая биомеханика!» И научилась радовать людей иным: создает замечательные маски животных, птиц, рыб.

Да и лицо ее похоже на масочку старенькой, лукавой и все же доброй лисы. Недаром в младенческие годы Костя называл ее не Алиса, а просто Ли́са. Прозвище закрепилось. Даже глаза у кукольницы словно вшитые, блестящие бусинки. Только они разные: один зеленоватый, лукавый, другой темный и грустный.

— Костя, дитя мое, прости мне это подлое приношение. Иного не было. Сварите компотик. Или предназначьте для гостей.

Зеленый глазок гостьи весело поблескивал.

Но тут Алиса умолкла.

— Что случилось? — спросила она просто.

Костя потупился.

— Собственно, ничего...— начала было его мать.

— «Мерзавец»? — зорко взглянула на нее Алиса. Так, в пародийно-трагическом тоне, она обычно называла очередного обидчика той или иной своей подруги.

И с какой же неутомимостью, с каким искусством улаживала с этими «мерзавцами» самые сложные, самые запутанные конфликты!

— А сейчас давай завяжем ребенку уши!

Алиса Викторовна схватила чайное полотенце.

— В нем дырочка! — смеясь, отбивался Костя.— Я услышу!

— В таком случае не можешь ли подсластить нам существование? Поезжай-ка в центр за тортом «Идеал». Знаешь, в Столешниковом? Или тебя больше устраивают конфеты?

Экстравагантный в желто-красную полоску свитер Алисы заметно пообтерся на худых ее локтях, не первый год таскала она и поношенное клетчатое пальто. Но всем ее друзьям была известна ее широкая, хотя и несколько бестолковая щедрость. Не удалось отвертеться и Косте.

— Не оскорбляй меня, дитя! Я кредитоспособна!

Но когда мальчик ушел, темный глаз ее серьезно и печально уставился на Елену.

— Уходит? — спросила она.

— Да,— кивнула Елена.

Губы Алисы покривились.

— Причина?

Стараясь собраться с мыслями, Елена молчала.

— Только попроще, без разницы в мировоззрении.

— Не знаю, с чего и начать. Уж очень мелко... Одно это с телевизором...

— С телевизором? — насторожилась Алиса.

— Да так... пустяки. Купил он на днях «Темп». Внесла и я свою долю. Прихожу, а он уже у себя поставил. Хотя смотреть там неудобно: комната-то меньше нашей.

— Зато, видно, взнос больше,— резонерски вставила Алиса.

— Не в этом дело. Ему даже в голову не пришло, что можно было поступить иначе. И так всегда, во всем! Когда я не удержалась, съязвила: «Нам по билетам входить?»,—он даже не понял. Книжный шкаф у него всегда на запоре, стол тоже...

— Он, что же, любитель книг?

— Нет. Говорит, «надо быть в курсе». Покупает новинки. И хорошее и плохое... В театр, по-моему, иногда ходит, тоже чтобы «быть в курсе». Да что шкаф! Сам он словно на запоре. Вот вчера пришла я с работы. Устала, как черт. Докладывала на коллегии министерства о новых средствах химической защиты кабеля. Целый год над этим билась...

— Неужто провалили?

— Нет. В целом поддержали, но чтобы доработала. Плохо, что вылез этот Мохов, стал подкапываться. Боится, что его «липовые» достижения лопнут. А я привела цифры, факты. Посадила его в калошу...

— Ты не отвлекайся,— снова перебила Алиса.

— Ладно. Пришла домой, озноб меня бьет. Кости нет: школьный вечер. Легла к себе за шкаф, и так мне захотелось, чтобы он зашел, дал бы хоть чаю горячего. Знаю, что дома: под его дверью свет. Не мог он не слышать, что я вернулась. До того дошла, что вот этот стул как грохну об пол!.. Он является: «Не мешай мне работать». И все. Понимаешь, все! Не чувствует он чего-то самого главного. Даже удивляется: «Не пью, не курю, чего тебе еще надо? На все мои доводы есть у него одна фразочка: «Ты меня не учи». Или еще: «Не дури...»

— Так он же не лингвист, а техник!

— Хотя бы сейчас без шуток!

— Нет, милая, сейчас мне совсем не до шуток.— Темный глаз Алисы смотрел мрачно.— Не скажу, чтобы нарисованный образ меня пленял. Но бывает кое-что похуже.

— Хуже?

— Да. Одиночество.

— Нет! Это не хуже. Я даже рада, что наконец освобожусь...

— Не лги,— спокойно произнесла Ли́са.— Представь себе реально: к тебе заходит только молочница, от силы — электромонтер; получаешь ты лишь служебные извещения или серенькие жировки. Особенно плохо тебе по праздникам. Скажем, под Новый год ты даже организуешь елочку. И вот вы с Костей молча около нее сидите. Мило?

Помолчали, Алиса смотрела на подругу все так же безжалостно.

— В твоем возрасте не дают себя бросить,— медленно произнесла она.

— Не понимаю... Как это «не дают бросить»? — пожала Елена плечами.— Ты бы, например...

— Оставь мой «пример». Он нетипичен. Я одинокая старая женщина. И, как чеховский мещанин, даже «горжусь этим».— Алиса грустно усмехнулась.— А ты совсем другое: настоящий, положительный элемент. К тому же моложе меня. Хотя и у тебя вот этого с каждым годом будет все больше и больше.— Сухонькой, словно игрушечной, ручкой Алиса коснулась виска подруги там, где поблескивали белые нити.

Женщины снова помолчали.

— Скажи, он у тебя прописан?

— Нет. Особая история...

— Даже этого не могла провернуть! Закурю, чтобы не расстраиваться от подобного бреда...— Прямо из кармана Алиса вынула помятую сигарету, задымила.

— Тогда он потерял бы право на комнату Гостенко. А Клавдия Степановна с ними судилась...

— Какие Гостенко?

— Супружеская чета. В сорок первом эвакуировались из Винницы. Когда Виталий был на фронте, Клавдия Степановна не то сдала, не то продала им его комнату. Гостенко утверждают, что продала за сорок тысяч. Но пойди докажи! Нашлись, однако, и у них какие-то зацепки. Вот Виталию и пришлось поселиться в одной комнате с мамашей.

— Тут он тебя и встретил? — Зеленый глаз Алисы сверкнул.

— Я понимаю, о чем ты... Нет! Нет! Не так все просто! — Елена почти умоляюще протянула к ней руки.— Ведь четыре года тому назад в комнате рядом жила моя мама. А когда мама умерла, он...

— Туда въехал? Мило. Ну, ладно, не буду. Вижу, что такая постановка вопроса тебя убивает. Хотя уверена, что ему куда приятнее иметь тебя и Костю за стеной, чем подобную мамашу под боком!

— Теперь он мог бы жить один. Сегодня я узнала, что Гостенко наконец уехали..

— А он это знает? — В обоих глазах Алисы мгновенно отразилось одно чувство — тревога.

— Пока нет,— не глядя ей в лицо, с усилием ответила Елена. Тонкие ее пальцы нервно мяли окурок, брошенный Алисой мимо пепельницы.

— А если его старушка явится сюда с этой радостной вестью?

— Она сейчас на даче...

— Чудесно! — оживилась Алиса.

— «Старушка»,— улыбнулась Елена.— Она выглядит чуть старше меня. Подтянутая, модная, волосы «под бронзу». Замечательно сохранилась...

— Еще бы!.. Не чета тебе. На работе, небось, не «сгорела»! Да не гляди ты на меня так! А то, честное слово, водки захочется! — Алиса выхватила из кармана еще одну сигарету.— Слушай меня внимательно! Сама я бездарно прожила свою женскую жизнь. Но ведь чужие болезни виднее. И тебя я хочу излечить. В том, что происходит, виновата ты сама. Как я понимаю, на работе ты проявляешь изобретательность, терпение и, что самое в тебе удивительное, деловую хватку... Однажды я, не без страха, взялась за статейку, посвященную химику-новатору Голубевой. Кое-что даже поняла. Скажем, как спасти древесину от гниения «Голубевской» пропиткой. Вспомнила, как ночами, сидя вот за этим столиком, ты выводила какие-то иероглифы. Но... «давайте не будем»! Это еще не некролог. Так вот, пойми: если женщина надеется устроить себе какую ни на есть личную жизнишку, она тоже должна серьезно потрудиться. Конечно, приятно, что твои телеграфные столбы простоят, скажем, полсотни лет... А вот Виталий не продержался с тобой и четырех! Прости за грубую аналогию, но ведь и его нужно было обработать «на прочность».

— «Обработать»? Но с Андреем я никогда...

— Бога ради, не ссылайся на Андрея. К сожалению, такие, как он, косяками не ходят. А на этот раз тебе попался заурядный столб. Столб как таковой. Надо было постигнуть законы его существования.

— Льстить, лицемерить или, как выражается тетя Паша, «угождать»?

— На крайностях не настаиваю. Предлагаю иное: кормить, и при этом как можно вкуснее, ухаживать, а по мере сил развлекать... А самое основное — казаться его глупее. Это при всех обстоятельствах. Поверь, так называемые «умные женщины» вольно или невольно оскорбляют мужчин...

Философствуя, Алиса оживилась — губы ее змеились вольтеровской улыбкой.

— Но Андрей говорил...

— Опять Андрей! Пойми, этого уже нет. Скажи лучше, чем же тебя привлек данный объект?

Взглядом опытного хирурга Алиса всматривалась в лицо подруги. Та не торопилась с ответом, словно задумалась.

— Я встретила его, когда после гибели Андрюши прошло пять лет. Мы с Костей совсем одни... А ты сама сказала, что значит под Новый год одной сидеть. Это верно... Я была тогда красивее...

— Ты и сейчас красивая. Всегда красивая. Похожа на Вивиан Ли. Только на русский лад. Продолжай.

— Крутились вокруг меня какие-то типы... Один лысый вдовец «с солидными намерениями» и дачей в Кратове. Скучный, как вот этот дождик...— Елена кивнула на окно, за ним мерцал дождливый, осенний день. — Другой... Это было что-то неопределенное, грязноватое, «расхристанное», как о таких говорила моя мама. Где-то он пописывал, что-то сочинял. Фамилию забыла, а псевдоним до сих пор помню: «Красный Буй». Он так мне представился, а я спросила: «Вы там живете?»

Елена тихонько рассмеялась. Алиса наслаждалась молча.

— Стало страшно. Вдруг с тоски, от сереньких жировок возьму да и кинусь к одному из них. Тут Соня — а ведь ты ее знаешь, ее заботу обо мне — познакомила меня с «одиноким порядочным инженером». Это и был Виталий. Он сразу же показался мне крепким, прочным...

— «Прочный, крепкий»! Вот я и говорю — изделие-то деревянное...

— Перестань, Алиса. В этом есть своя правда. С ним наша жизнь стала иной. Смешно сказать, но вот этот стол почему-то всегда шатался, а он сразу что-то подпилил, подбил, и...

— Перестал шататься? — деловито осведомилась Алиса.

— Конечно, это мелочи. Но с ним все стало как-то прочнее...

— Еще бы! Веками творимая легенда — «мужчина в доме»! — Алиса даже возвела к потолку свои разноцветные глаза.

— Нет, в этом было и иное. Ведь Костя рос без отца, скучно ему было, одиноко, знаешь, я думаю, даже немножко страшно. Почему? Не знаю. Родился он такой слабенький. Вдруг появляется энергичный, сильный человек. Ведь он даже зарядку приучил его каждый день делать, обтираться холодной водой. На футбол, на бокс с собой таскал. Костя так и приник к нему.

Елена встала, подошла к окну.

— Что же он не едет? Ведь и вещи собрал...

— Ты покури,— сказала Алиса, роясь в кармане.

— Я же не курю, ты знаешь...

— А сейчас покури. На, вот...

Елена взяла сигарету, чиркнула спичкой, неумело затянулась.

— Молодцом! — одобрила Алиса.— Жаль, что мы, бабы, водчонку не любим. Да отойди ты от окна! Знаешь, я почему-то думаю, что твой мерзавец вместо того, чтобы искать такси, преспокойно отсиживается в кафе. Уверена, что к своей мамаше он не слишком рвется. У него с ней, наверно, «коса на камень»! Кровь-то одна, волчья!

— Нет, нет! Конечно, в нем это есть. Но есть и другое. Честное слово, другое! Мне прямо говорит, что больше всего ценит во мне, что я... иная, совсем иная, чем его мать... Он ведь по-своему любил меня.

— Ох, уж это «по-своему»! Побасенка всех столбов,— горько усмехнулась Алиса.

Елена провела рукой по лбу: она была очень бледна.

— Ну, вижу, как ни верти, а жить без него ты не можешь,— вздохнула Алиса.— Значит, задача у тебя сейчас одна — научись с ним обращаться. Для женщины это искусство одно из древнейших — им еще Далила воспользовалась. Если он останется — а я в этом уверена,— разработай план и действуй. Кое-что я тебе подсказала. Но это лишь схема. Нужна повседневная, талантливая работа. Кстати, почему ты отшила этого... Грай-Воронского?

— Буй-Красного,— улыбнулась Елена.

— В определенной дозировке ревность, как мышьяк,— вещь целебная. И вот еще... Небось, твой предмет не без честолюбия. Держу п и, что восьмого марта, а по срокам еще ближе — седьмого ноября, тебя в приказе, как всегда отметят. Вот и притащи его на свое торжество. А дома по-прежнему склоняйся перед могучим интеллектом...

Внимательно всматриваясь в знакомое лицо Елена о чем-то раздумывала.

— Скажи, а откуда тебе известны все эти... правила? — наконец тихо спросила она.

Алиса ответила тоже не сразу; даже сигарета догорела в худых ее пальцах.

— Должно быть, потому, что сама никогда не умела ими пользоваться...— еще тише ответила она.

Раздался звонок. Женщины тревожно переглянулись.

Но это был Костя — он явно повеселел.

— Тетя Лиса, изюм в шоколаде любите? — спросил он, положив на стол коробку.

— Пожалуй, единственное, что еще люблю...— Зеленый глаз Алисы усмехнулся.— Поди, поставь-ка чайник...

Когда мальчик вышел, Алиса сжала руку подруги своей горячей, сухой.

— Знаешь, что я тебе скажу? Чем вот так в ожидании мучиться, возьми да пойди куда-нибудь... Не надо тебе видеть всю эту агонию. Пусть уж без тебя... И мальчику будет спокойнее.

— Пойти? Куда?

— Загляни, например, к Соне. На мой взгляд, она курица, но утешать умеет, как никто. Приголубит и домашней сдобой угостит.

— А Костя?

— Ну, с Костей я лепкой займусь. Согласна?

Через минуту Елена затягивала «молнию» на лучшем своем платье — как-никак, идет в «академический» дом. По бледным губам провела столбиком помады.

— Говорю, красивая женщина,— одобрила Алиса,— а вот жить не умеет... Ну, давай — на прощание...

Женщины молча, серьезно поцеловались.

Уже на лестнице «академического» дома веяло чем-то солидно-благоустроенным. Жили здесь или действительные академики, или «члены-корреспонденты». С той поры, когда Голубева была тут в последний раз, произошли некоторые перемены: лестница была устлана красной ковровой дорожкой.

Но обо всем этом женщина не раздумывала. Вот увидит сейчас Соню — и без слов, без мудрых рассуждений кинется к ней на шею. Кинется и заплачет... Да, заплачет! С умной, едкой Алисой она не могла бы этого допустить. А с теплой, кроткой Соней можно. Все можно! Она не осудит, поймет и совсем поматерински прижмет к своей большой, теплой груди... В смятении Елена не воспользовалась лифтом. С трудом перевела дыхание у двери с металлической карточкой «Е. В. Тулупов». Нажала кнопку. За дверью все ближе шаги. Неторопливые, мягкие... Конечно, Соня. Вот сейчас откроется дверь — и она кинется к ней...

Дверь открылась. Но прежде чем Елена успела что-нибудь произнести, к ее груди прижалась Соня. Она всхлипывала:

— Ленка, родная, вчера Маечку привезли из роддома... Я так счастлива! Чудный парнишка... Похож на меня, честное слово, похож! — Доброе, круглое лицо Сони сияло.— Глазенки — смородинки! Как у меня в детстве! Пойдем, пойдем!.. У нас там весь синклит собрался...

Соня выхватила из рук Елены пальто.

— Как всегда, вешалки нет? Бог с ней! Вот только обернусь немножко — пришью... Идем, родненькая!

В самой большой комнате действительно собрался семейный синклит: был здесь и молодой дед, профессор Тулупов, и корректный его зять с дородной матерью, и сияющая Майка, и, наконец, с тазиком в руках домработница Екатерина Ивановна.

К прибытию новорожденного все было умело подготовлено. Комната, в которой до этого жили молодые, превратилась в чудесную детскую: в центре, под легким голубым пологом, возвышалась кроватка. На полу лежал похожий на крем, почти съедобного вида коврик.

— Пенопласт,— уловив взгляд Елены, с улыбкой пояснил профессор.

— Подойдите, дорогая, не стесняйтесь! — как бы даруя ее высокой милостью, предложила дородная дама.

В это время из кроватки послышалось нечто похожее на скрип.

— Да он сыренький! — прикоснувшись к пеленкам, отчаянно вскрикнула Соня.— Екатерина Ивановна, тальк, пожалуйста!

Женщины склонились над белой куколкой: их руки ловко перепеленывали младенца. Майка тоже приблизилась к кроватке, но лишь наблюдала. По правде сказать, к этой стройной, изящной блондинке мало шла роль матери.

— Леночка, родная! — полуобернулась к подруге Соня.— Прости, голубчик!.. Поболтай пока с дедкой!..

— Прошу вас, Леночка! — любезно распахнул профессор дверь.— Чай на столе.

Как всегда, он был особенно любезен с вдовой своего друга. Но, как всегда, если им приходилось оставаться наедине, легкого, непринужденного разговора не получалось.

Елена Николаевна помешивала чай в темно-синей с золотом чашке, Евгений Владимирович искусно нарезал сыр.

— Так-то, дорогая, старое старится, а молодое расцветает,— вздохнул он.— Закон жизни, ничего не поделаешь!

Елена давно заметила, что такие фразы профессор произносит автоматически, лишь понижая и повышая голос. Словно на всякий случай жизни он сделал запас многозначительно-банальных фраз. И, когда нужно, без всяких усилий их извлекает. «Наверно, это удобно,— подумала Елена,— соорудил между собой и миром удобную прокладку. И укрыл себя за ней...»

Через столовую, вежливо поклонившись, прошел красивый мальчик, младший сын Тулуповых — Алик. В руках у него была ракетка от настольного тенниса.

— Жертва пинг-понга! — улыбнулся профессор, проводив сына любовным взглядом.

Продолжая, видимо, начатый у кроватки взволнованный разговор, в столовой появились Соня и мать зятя. Речь шла о «розовом» и «голубом»... Не без усилий Елена поняла, что ждали девочку и наготовили вещей розового цвета; оказался мальчик, и кое-что так и осталось — розовое, например, одеяльце.

— Предрассудок! — спокойно произнес Евгений Владимирович.

Как ребенка, любовно-снисходительно он потрепал жену по щеке. Соня махнула мягкой, доброй ручкой, засмеялась. Только мать зятя никак не могла успокоиться.

Елена приподнялась:

— Мне пора, я ведь на минутку...

— Леночка! Родная! — воскликнула, искренне горюя, Соня.— Не убивай!

— Поговорим...— не меняя выражения лица, шепнула Елена.

Учуяв в этом шепоте что-то такое, Софья Алексеевна торопливо вышла за ней в переднюю.

— Что, Леночка, что? — испуганно спросила она.

— Он уезжает!..

— Бросает?! — сразу же поняв, о ком идет речь, воскликнула Соня. В голосе ее звучал ужас. Это слово Елена повторить не смогла. Молча кивнула. — Главное, не торопись! — зашептала Соня.— Можно поправить... Помнишь, как тогда, зимой? Я с Виталием поговорю... Евгений Владимирович говорит...

В самые затруднительные моменты у нее почти непроизвольно возникало имя мужа. И, глядя в добрые, голубенькие глазки, вслушиваясь в сбивчивую речь, Елена почувствовала почти спокойную безнадежность.

— Прощай, Соня! — поцеловала она мягкие, пушистые волосы.

— Почему «прощай»? — еще больше испугалась Соня, даже приложила к груди свою пухленькую ручку.

— Ба-бу-ся! — послышался из столовой звучный голос ее мужа.

— Только не делай глупостей! Только не делай!..— умоляюще зашептала Соня.— Ведь я знаю, ты сумасшедшая! Не будешь?

На глазах ее сверкнули слезинки... В дверь заглянула красивая, чуть посеребренная голова профессора. Соня метнулась к мужу...

Когда Елена спускалась по широкой лестнице, до нее донеслись приглушенные звуки скрипки. Кто-то музицировал...

Она шла к метро, прямая, высокая; внутри у нее все застыло. Зато не так уж болело. И женщина опасалась сделать лишнее движение; только бы не вернулась эта боль... Так недвижно съехала она по эскалатору к платформам.

Поезда приходили и уходили. А женщина в сереньком пальто один за другим их пропускала. Куда ей торопиться?

Кто-то ее толкнул. Елена поспешила в вагон. Поезд пронес ее почти под всей Москвой. Минуя свою обычную остановку, «Красные ворота», она вышла на станции «Сокольники».

Здесь они часто бывали с Андреем. Особенно зимой, когда лыжи... Случалось, доходили до Богородска. Елена неторопливо пошла по асфальтированной дорожке в глубь парка. Вот пруд, где они когда-то катались на лодке. Он стал куда больше...

Впрочем, то, что творилось в природе, что было вокруг, до нее доходило плохо. Который час? Она не могла на это ответить. Вот только хорошо — мало людей. Никто не помешает.

Елена опустилась на скамейку у пруда.

Надо понять что-то самое ей нужное, самое необходимое. Но что?

«Розовое»... «голубое»,— некстати зазвенели в ее памяти взволнованные голоса...

Тихонькое безумие тех, кто привык прятаться от простой и грубой правды жизни!

Нет! Им с Андреем все эти розовенькие цветочки, вся эта сладенькая чепуха были не нужны!

Казалось, чего проще было бы Андрею убедить себя в том, что он, подающий надежды ученый, нужнее в тылу, чем на фронте? Его друг Женя Тулупов в последний момент передумал — от брони не отказался. Андрей поехал один... А через полтора года и война кончилась. Разве Тулупов не проявил дальновидности? Сколько раз, читая его труды, она в этом убеждалась! А добросовестность профессора, его умение работать по двенадцать часов в сутки? Чего же она не может ему простить? Свежего цвета лица? Счастливой семейной жизни? Неужели это зависть? Разве плохо, если бы Алику не нужна была чужая рука, чтобы выводить его на зарядку?

В здоровой, дружной семье и дети росли сильными! Конечно, Соня с годами стала слишком «домашней» и даже не вспоминает, что когда-то увлекалась математикой. Но разве и теперь не залюбуешься на ее милую, все еще свежую красоту? Так для кого же из них была открыта настоящая правда жизни? Кто угадал верные пути?

Елена даже передвинулась на скамейке точно для того, чтобы с новой позиции было бы еще удобнее видеть то, что так беспощадно ей открывалось...

Соня не отрицала, что в дни войны как могла удерживала мужа. Да, она отстояла, как Соня выражалась, «его большую жизнь».

А она?

Исчезла скамейка, темный пруд, серое небо... Сейчас Елена видела последний час расставания. Андрей, искоса поглядывая на нее, все посвистывал, а она молча, дрожащими руками укладывала в брезентовый мешок нехитрые его вещи. Знала, что должна быть матерью, но не позволила себе ни вздоха, ни слезы. Не пощадила ни себя, ни этого удивительного человека! Ведь тот же Тулупов с благородной откровенностью говорит, что Андрей был талантливее его, что именно он был одним из первых создателей радиолокатора.

Всю жизнь карабкалась в какие-то заоблачные кручи... Зачем? Чтобы потом сорваться в мутную лужу?

Брошена! А как назвать это иначе? Брошена и страдает. Страдает оттого, что какой-то плотный брюнет сейчас грузит в такси свои чемоданы...

Казалось, женщина в сером пальто, откинувшись на скамейке, дремлет. Но из полуопущенных век ее глаза почти бесстрастно смотрели куда-то вдаль... над упругой темной водой, над грязным месивом берегов. Грязно и холодно... И внутри так же... Почему так странно взглянул на нее Костя, когда она вышла из-за шкафа? Неужели увидел? Холодно и грязно. Теперь уже всегда будет так. Всегда...

— Гражданочка, подвиньтесь, пожалуйста,— послышался голос.

Елена подвинулась. На скамейку рядом с ней опустилась женщина. Была она не одна — с двумя детишками: мальчиком и еще совсем маленькой девочкой.

С минуту, видимо, отдыхая, они сидели молча. Потом мать достала из сумки сверток, развернула и дала ребятам по яблоку. Затем вынула еще что-то.

На ней было почти такое же пальто, как и на Елене, только на голове не берет, а синий платочек.

— Ножичка перочинного с вами не будет? — приятным голосом спросила она.— Пирог-то ломать больно не хочется... Начинку просыплешь.

Елена вспомнила, что в ее сумочке за подкладкой засунуто старое лезвие от бритвы. Она достала.

— Не подойдет,— вздохнула соседка.— Руку еще порежешь. Как, галчата, до дома не потерпите? — обратилась она к детям.

Как видно, терпеть они все же не хотели: пирог пришлось ломать. Ломала женщина его как-то удивительно ловко: на равные части, не насорив, не просыпав начинки.

— Не хотите ли? С калиной,— приветливо предложила она Елене.

Сама она не ела. Так же, как Елена, откинулась на спинку скамьи и на что-то засмотрелась.

— Осень вступила в свои права,— наконец негромко, задумчиво произнесла она.

И эта литературно заштампованная фраза почему-то не прозвучала смешно.

— Да, похолодало,— ответила Елена и как бы впервые внимательно взглянула на соседку.

Лицо как будто ничем не примечательное. Таких много. Но в глубине серых глаз светится что-то свое, заповедное. Что? Может быть, и сама она не знает?

— А вы, что же, здесь на прогулке? — спросила Елена.

— Мы из Богородска; прямичком на автобусе. К папке в больницу наведывались,— сказала женщина.— Знаете, на Матросской тишине больница? По нервным болезням. А он вот не принял.

— Как это не принял? — удивилась Елена.

И точно впервые оглядела смирных ребят. Оба небогато, но аккуратно одеты. На девочке красное вельветовое пальтишко, на мальчике теплая курточка. Он из нее немножко вырос, торчат красноватые руки подростка.

Девочка румяная, улыбчатая, похожа на приземистый, крепкий грибок; мальчик серьезен, почти строг: он как бы несет ответственность за благополучие этого грибка.

— Нет, я не в том смысле, что нас не принял... к нам-то он вышел, поговорил... А вот этого не принял.— Женщина тряхнула опустевшей сумкой.— Конечно, я понимаю — для ребят оставил. И пирог и яблоки. А мне говорит: у нас здесь всего вдосталь.

— Только врет,— басом, видимо, подражая кому-то, вставила девочка.

Брат тихонько дернул ее за рукав. Ребята засмеялись. Улыбнулась и мать.

— Перестань ты, Катюха, господа ради! Просто он у меня очень принципиальный: не хочу, мол, на твоем горбу сидеть! Вот, говорит, поправлюсь, заступлю на работу... Да где уж! — Женщина оборвала.

— Тяжелая болезнь? — спросила Елена.

— Не то что тяжелая, а такая, что не отпускает. После войны с контузией пришел. А был совсем хороший... Конечно, по инвалидности получает. Но все стесняется. Характер такой. Особенно, что мамаша его с нами живет. А я говорю: брось, Вася! Что бы мы без нее делали? Вот эта,— женщина кивнула на девочку,— фактически у нее на руках...

— И часто вы его навещаете? — осторожно спросила Елена.

— А как же? Поддерживаем...— просто ответила женщина. Вопрос ее, видимо, несколько удивил.

— А где вы работаете?

— Я-то? Швея-мотористка. Фабрика «Клара Цеткин». Может, слыхали?

Елена кивнула. Однажды, в день 8 Марта, выступала там по путевке райкома.

— Ну, компания, пошли.— Женщина поднялась, натянула перчатки на свои большие, крепкие руки...

— Что ни говори, осень,— вздохнула она всей грудью,— вступила в свои права.

И в голосе ее звучала не печаль, а какое-то доверчивое, молодое ожидание...

За ней двинулась и Елена. Теперь женщины переговаривались о самых незначительных вещах: не портит ли ткань стиральный порошок «Чайка», почему часто меняются учебники?

Не то захотелось Елене узнать что-то о случайной знакомой, не то показалось страшновато остаться одной, но она проводила ее до остановки автобуса. Помогла подсадить Катюху и еще долго смотрела вслед двум убегавшим красным огонькам. Потом повернулась и медленно пошла к станции метро по усыпанной листвой дорожке.

Ни прежняя унизительная боль, ни недавнее опасное спокойствие к ней не возвращались. Рождалось что-то иное... И было это иное неопределенным, неоформленным, как эти тяжелые, менявшие очертания тучи.

И тут, как это бывало в самые трудные минуты ее жизни, услышала она знакомый голос. Добрый, но, как всегда, чуть насмешливый голос Андрея:

«Ну, успокойся, успокойся, давай-ка разберемся... Тебе плохо потому, что тебя, неглупую, самостоятельную и, пожалуй, все еще красивую женщину, могут бросить? Обидно, конечно. Но как и куда можно все это бросить? Даже я — как ты меня ни любила — не мог бы этого сделать. Я тебя утешаю? Нет! Ты сама знаешь. Знаешь лучше, чем кто-либо».

Женщина прислонилась к дереву и ощутила горьковатый, крепкий запах влажной коры.

«Хорошо пахнет? Верно? Ты всегда это любила! И даже снегом почему-то немножко попахивает. А вот трава кое-где еще зеленая. Удивительная свежесть. Мы про такое говорили: «Пахнет огурцом». И где-то журчит вода. Совсем по-весеннему. Она холодная, прозрачная, в ней тоже что-то снеговое; и корабликами несутся по ней листья... А потом и впрямь все покроется тихим, голубым снегом...

Что же, выходит, и твою любовь ко всему этому можно «бросить»? Нет, это всегда будет с тобой! А люди, разве они не интересны? Какие уроки житейской мудрости преподавала тебе наша милая Алиса, какого циника разыгрывала, а потом взяла и созналась, что сама этим не пользовалась. Почему? Да потому, что она тоже из небросаемых. И сколько теперь вас, таких женщин! Вот и на автобусе едет сейчас с ребятишками в свой Богородск одна из них. Ей-то, пожалуй, потяжелее, чем вам! Согласна?

А что касается твоего брюнета... Здесь ты не совсем права. Ты же знала, что он чужой тебе человек. Чужой в чем-то основном, непоправимом. Знала? Конечно! Но тебе хотелось счастья. Хотя бы немножко. Понятно. Только зачем уж так на него обижаться? Ведь и он ждал от тебя иного, чем ты есть: чтобы было немножко от тебя и куда больше от его мамы. Несовместимо? Пожалуй. Но он вправе такое искать, и — кто знает! — может быть, когда-нибудь и найдет. Ведь и ты от него хотела невозможного. Чтобы побольше того, за что ты любила меня, и совсем немножко от него... Ровно настолько, чтобы, скажем, не отказаться от брони. Такие сочетания бывают. Тот же Тулупов. Впрочем, он совсем неплохой человек. Но разве таким ты любила бы меня так, как любила? А ведь и я любил тебя за то, что ты меня тогда не удерживала. В тебе уж не так все плохо. Мы ссорились — это правда; иногда ты ревновала меня. Даже к этой розовой Соне. Понимаешь теперь, как это глупо? Мы ведь были созданы друг для друга. Фраза совсем как из старого романа. Но это правда. Так бывает. А помнишь, я однажды сказал, за что больше всего тебя люблю? За то, что ты всегда оставалась сама собой. За то, что тебя нельзя бросить. Никому и никогда.

Ты слабая, ничтожная женщина? Не надо уж так... Влезла же в неприятность... Могла бы отсидеться, поддакивать Мохову. Он таких любит. Любит и продвигает. А теперь придирется к первой же твоей ошибке. Постарается вышвырнуть. Он умелый: изобразит из тебя невежду, завистницу. Ты не побоялась оказаться смешной. Это очень много. И если не согнешься,— докажешь свою правду. В министерстве тебя поддержали? И справедливо — дело стоящее! Мне нравится. Только доработать? Видишь, это — начало победы. Лишь бы не согнуться! Вот еще почему сейчас ты так боишься остаться одной. Оберегаешь свой тыл. Только подумай хорошенько. Уж так ли тебе нужен этот коротконогий человек?

«В таком возрасте не позволяют себя бросать...» Справедливо. Вот и отними у него эту возможность. Поди и отними... Ты удержала его в прошлый раз, но разве что-нибудь изменилось? Нет. Ни в нем, ни в тебе. И, сталкиваясь с тем, что ему в тебе чуждо, но что есть ты сама, он все так же говорил: «Не дури».

А я говорю: «Дури! Дури так, как не снилось таким, как Гущины!»

Только не как это... с телеграммой. И как ты могла, честное слово! Не понимаю, как могла? Знаешь, ты даже меня этим унизила. Да, да, меня...»

Женщина прижалась лицом к шершавой коре. Плечи ее вздрагивали.

«Ну, не плачь, не плачь! Все поправимо. Не спорь со мной. Говорю: поправимо! Только, смотри, не опоздай! Поспеши!»

Стемнело. Сумрак скрыл осенний лесной беспорядок. По мокрому шоссе с приятным шелковистым посвистом проносились машины. Их разноцветные огоньки напоминали что-то веселое, детское, елочное... Когда показался зеленый огонек такси, Елена торопливо подня-

ла руку. Обычно этой роскоши она себе не позволяла.

В метро, с обычной его сутолокой, многие обратили внимание на высокую, стройную женщину в сером пальто. Она бежала вниз по эскалатору совсем как мальчишка...

Дверь ей открыла Фетисова. Ее лицо сразу же выразило «моральную поддержку».

Елена почти радостно улыбнулась в ответ.

Ведь и Евдокия Федоровна, с ее больной печенью, с резкими морщинками у глаз и этим перманентом — для представительства! —тоже из «небросаемых». В прошлом году, когда «загулял» ее муж, дядя Вася, «взяла его в руки», переломила, наладила жизнь. Старший сын у нее моряк, дочка кончает школу... Твердо идет корабль семьи Фетисовых...

Но почему она с загадочно-иронической усмешкой кивнула на дверь Виталия? Неужели он еще здесь? Значит, все действительно «поправимо»?

Елена торопливо прошла в свою комнату.

Костя, как был, не раздеваясь—а это всегда ее огорчало,— спал на диванчике. На столе лежал ком мокрой глины, а рядом возвышалась чья-то горделивая голова в шлеме... Нечто вроде рыцаря, развевалось даже перо... Алиса, наверно помогала... да и у Кости к лепке с детских лет страсть. Свесившаяся до пола рука мальчика как бы хранила в себе силу все еще не остывшего созидания...

Но Елена лишь мельком взглянула на сына. Она бросилась к шкафу. Теперь безразлично, увидит он или нет. Голубенькая бумажка была все там же. Елене не сразу удалось ее вытянуть: чуть не сломала ноготь. Она ее не развернула, не перечитала.

Все в том же горячем самозабвении, даже не постучавшись, распахнула она дверь в соседнюю комнату.

Распахнула и за всю совместную, почти пятилетнюю жизнь с Виталием, быть может, впервые застала его врасплох.

Подперев свое красивое лицо кулаками, он бесцельно сидел за столом. Высились все те же пирамиды тщательно упакованных книг. Один на другом стояли чемоданы. Ремни обхватывали одеяло и подушку. Все — точно готовый к последнему выстрелу снаряд...

Но вот лицо свое он не успел подготовить — было оно не злым, а скорее мрачно-растерянным, слегка вопросительным. Даже губы почти по-ребячьи обмякли.

Увидев ее, он попытался все это спрятать.

— Ну, будет, не дури...— начал было он тихо.

Подойдя к ней, ободряюще положил на плечо свою тяжелую руку. Пожалуй, никогда не всматривались они друг другу в глаза так остро, так глубоко.

В краткое это мгновение перед женщиной пробежала вся ее жизнь с этим человеком: и та, что была, и та, что еще могла бы быть. Сейчас она точно знала, что он готов, хотел бы остаться, а быть может — ценой ее поражения,— останется, и навсегда.

Рука его такой тяжестью давила на плечо, что женщина осторожно ее сняла.

Он сразу же насторожился, на лице проступило знакомое ей выражение жесткости и упрямства.

Еще одно ее неловкое движение, а тем более неосторожное слово — он не остановится ни перед чем, порвет последнюю нить...

Но она рассматривала это мужское лицо, точно посторонний предмет.

Какое счастье, что все еще поправимо!

Как видно, и он ощущал, что с каждым мгновением все больше и больше становится для нее чем-то посторонним, ненужным.

Лицо его стало не только злым, но и глуповатым.

— Прости, Виталий, я задержала твою телеграмму. Клавдия Степановна сообщает, что Гостенко уехали в Винницу навсегда. Комната для тебя свободна.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

В предгорьях Ала-Тоо

«Не думайте, я не пропащий человек. Пройдет время, женюсь, будет у меня дом, семья, дети, словом, все, как у других. И друзья и товарищи найдутся. И лишь одного у меня не будет, того, что потеряно безвозвратно, навсегда... До последних дней своих, до последнего вздоха буду помнить Асель и все прекрасное, что было между нами...

Прощай, Асель! Прощай, тополек мой в красной косынке!..»

Так говорит Ильяс, герой новой повести киргизского писателя Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке». Повесть рассказывает о прекрасной и горестной любви, о строгой дружбе, о трудном человеческом счастье. Шофер Ильяс и дорожный мастер Байтемир любят одну и ту же женщину, но один потерял ее любовь, разбил свое счастье, а другой нашел и то и другое.

Ильяс втоптал в грязь свою любовь, сломал тополек; Байтемир поднял его, отогрел теплом своего сердца, заставил жить. Не долг, это тяжелое «надо», заставляет Асель отказаться от Ильяса. Нет, здесь решает ее сердце. Уважение к Байтемиру, сильному человеку с большой, красивой душой, победило любовь юности. И когда Ильяс предложил: «Асель! Бери сына, садись! Увезу, как тогда, навсегда!»,— она отказалась. Теперь она не та девушка, которая когда-то села в машину, поверив парню, надеясь на счастье; теперь она мать, у нее есть сын. И горькая память о прошлом. Любовь, оказывается, нельзя отбросить, разбить, а потом снова склеить так, чтобы не было видно трещин. В жизненность героев Айтматова веришь сразу и потому принимаешь близко к сердцу их радости и тревоги.

Пристрастие писателя к характерам смелым и решительным, порывистым, порой даже необузданным, к людям, не умеющим жить вполсердца, особенно проявилось в последней повести. У героев Айтматова трудная судьба, трудное счастье, но побеждают всегда душевно богатые люди.

Особенно хороши в повестях и рассказах молодого писателя женские образы. В них нежность уживается с решительностью, чуткая любовь — с твердостью и смелостью. У Асель хватило сил покинуть родной дом ради любви к Ильясу, у нее достало решимости уйти и от мужа, когда сердце не вынесло обиды. Асель, Джамиля, Сейде — женщины, которые безгранично чтят любовь и свято верят в справедливость. Это образы, в которых собраны черты новой киргизской девушки, жены, матери.

Два сильных и очень непохожих характера в повести «Тополек мой в красной косынке» — Ильяс и Байтемир. И, может быть, поэтому образ героини несколько оттеснен на второй план.

Каждый писатель «по-своему крыльями машет». Живописно и поэтично пишет молодой киргизский прозаик Чингиз Айтматов. Не случайно две его повести — «Джамиля» и «Лицом к лицу» — выдвинуты на соискание Ленинской премии.

К. ТРОШКИНА

Чингиз Айтматов. Тополек мой в красной косынке. Повесть. Журнал «Дружба народов» № 1. 1961.

Обжигающее сатириче

Работа собирателей народного творчества мне всегда представлялась сходной с профессией искателей жемчуга в морских глубинах. Чем глубже опустится искатель, тем полноценнее ему попадется жемчужина.

Конечно, это — только сравнение. Но в нем справедливо главное: поиски жемчужин народного слова так же радуют неожиданностью отысканного. Очень важно это погружение в море народного слова, в глубины народной мудрости.

Д. Молдавский не в первый раз показывает свою приверженность к народному искусству слова. Он автор нескольких работ, некоторые из них написаны совместно с такими же, как он, людьми, любящими язык народного воображения, тонкого остроумия, поэтической звучности, язык, достигающий высот великих литературных произведений.

Выход «Народно-поэтической сатиры», ее составление и издание — заслуга составителя и комментатора текстов Д. Молдавского. Для него характерно пристальное внимание к материалу, отчасти уже известному, отчасти впервые публикуемому.

Неисчислимы яростные, жгучие слова народной сатиры, которая очень неоднородна по жанрам, по способам обращения к слушателю. Распределить их на отдельные виды, нанизать этот жемчуг слова на отдельные нити — вдохновенный и вместе с тем кропотливый труд. Сатирические песни и былины, «действа», раек, лубочные тексты, присказки и сказки, частушки — разобраться в этом богатейшем материале нелегко. Нелегко отобрать смешанные зерна разной величины и разной ценности. Составитель преодолел все трудности, и книга получилась художественно ценной и цельной.

Не говоря уже о таких замечательных произведениях, как взятые из сборника Кирши Данилова, «Усы, удалы молодцы» или «Сергей хорош» (следует упомянуть, что первое из них дополнено сравнением с текстами Киреевского и Чулкова), надо отметить, что собранные при участии составителя «Что со вечера погода», «Как у бабушки козел», «Не любо не слушай» и многие другие носят остро выраженный характер народной сатиры, ее вековой мудрости.

Не только стародавние

Народно-поэтическая сатира — Большая серия библиотеки поэта. Статьи, подготовка текста и примечания Д. Молдавского. Изд-во «Советский писатель». 1960.

Горький, Октябрьская улица, дом 2. Здесь родился и провел детские годы Н. А. Добролюбов.
Фото Н. Капелюша.

На родине великого демократа

В фондах Горьковского областного государственного архива хранится немало документов о Н. А. Добролюбове. Некоторые из них были опубликованы, в частности, автографы пятнадцати юношеских стихотворений, написанных в 1850 году, и письмо к А. Крылову.

Недавно работники архива обнаружили новые документы, относящиеся к последнему периоду пребывания Добролюбова в духовной семинарии. Среди них аттестационные списки за 1853 год: Николай Добролюбов упомянут в числе учеников 2-го класса высшего (богословского) отделения. Здесь и характеристики семинаристов. Николай Александрович аттестуется так: «Прилежен, уважителен, усерден к своему делу, всегда исправен по классу, отличается скромностью и неутомимым прилежанием к учению».

В архиве найден также протокол заседания семинарского правления от 4 сентября 1853 года об исключении выбывших учеников из списков. В нем говорится, что Н. Добролюбов «отправлен в С.-Петербургскую духовную академию».

Этот документ был составлен уже после отъезда Н. А. Добролюбова из Нижнего Новгорода.

В 1853 году Н. А. Добролюбов приезжает в Петербург и вопреки воле и желанию отца поступает не в духовную академию, а в Главный педагогический институт. В Петербурге начинается блестящая литературно-критическая деятельность Н. А. Добролюбова, имя которого К. Маркс и Ф. Энгельс ставили в ряд с именами Дидро и Лессинга.

В. МАЛЮГИН

СЛАВНОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Недавно строгальщик с «Ростсельмаша» Петр Колесников с делегацией советских профсоюзов ездил в гости к машиностроителям Австралии и ненадолго остановился в Дели. Индийские друзья пригласили его в один из госхозов. И здесь, на полях далекой Индии, ростовчанин встретил «земляков» — новенькие комбайны «СК-3».

Этот случай особенно приятно вспомнить сейчас, накануне юбилея «Ростсельмаша». 17 февраля завод отмечает тридцатилетие своего существования и пятилетие со дня награждения орденом Ленина. Теперь степные корабли, на бункерах которых сияют буквы «РСМ», известны во всем мире.

А ведь ростсельмашевцы начинали свою историю с простых деревянных крестьянских ходов, конных грабель и плугов. Но уже в 1932 году завод освоил производство комбайнов. А накануне Великой Отечественной войны с главного конвейера сошла пятидесятитысячная машина «С-1».

...Когда Советская Армия вышвырнула фашистских захватчиков из Ростова, на месте красавца завода остались руины. Вся страна помогала восстанавливать «Ростсельмаш». Из Сибири шел лес, с Урала — металлические конструкции и оборудование. Рабочие сами возводили стены корпусов, монтировали станки, не считаясь со временем, забывая об усталости.

И вот в мае 1947 года с конвейера завода сошли первые пятьдесят машин «С-6». Они были намного производительнее и экономичнее, чем их старшие братья «С-1».

С тех пор минуло почти четырнадцать лет. Тот, кто не был все это время на «Ростсельмаше», теперь его не узнает. Высокие, светлые корпуса цехов не изменились, но оборудование в них совсем иное.

Канули в вечность и многие профессии. Еще три года назад в литейных цехах были выбивщики опок. Их заменили автоматы. Пространственные конвейеры, протянувшиеся по заводской территории на сотни метров, заменили целую армию грузчиков.

Да и сами комбайны уже не те, что прежде. Завод делает самоходные «СК-3», машины высокого класса точности и сложности, отличающиеся большой производительностью, маневренностью и экономичностью.

В. ГОРОДЕЦКИЙ,
заместитель редактора газеты «Ростсельмашевец».

На главном конвейере сборочного цеха «Ростсельмаша».
Фото И. Марцинкевича.

...ское слово

«сердца горестные заметы» сохранил народ. Он и по сей день не отказывается от сатиры, смелой, не боящейся расстаться с прошлым.

Деревня моя,
Деревянная,
Погубила ты меня,
Окаянная!

Так звонко расстается частушка с «идиотизмом деревенской жизни», все еще идеализируемым некоторыми авторами. Обрушивается сатира и на отрицательные черты современной жизни:

Председатель блины
пек,
Счетовод подмазывал,
Кладовщик об этом
знал,
Никому не сказывал.

Это частушечное четверостишие стоит многих фельетонных обличений. А ведь это только частушка! Нет, все-таки далеко нашим сатирикам до краткости и убийственной меткости народной сатиры!

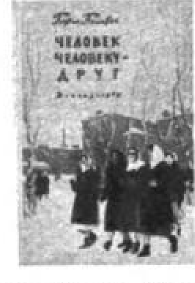
Мне часто снится один сон. Не совсем одинаковый в деталях, но все тот же по смыслу. Будто я живу где-то на курорте, в гостинице или в доме отдыха. И будто положенный срок пребывания уже истек, а я не выезжаю, так как у меня нет денег. И выехать не с чем и платить за дальнейшее пребывание тоже нечем. И вот я живу в кредит, и на меня косо посматривают то ли хозяин, то ли заведующий. А и обслуживающий персонал. А мне уж нечего делать, кроме как уверять, что ожидаю денег, что они скоро прибудут.

Шлю телеграммы в Москву, в редакции, с мольбой об авансах, но ответа нет. Отыскиваю родственников и друзей, пишу и телеграфирую — ответа ни от кого. Конечно, это во сне, но ощущение все же неприятное. И вот однажды вспомнил я о доме, о постоянном моем жительстве, не на курорте и не в гостинице. И так мне захотелось домой, к обычному труду, к обычному отдыху, а не к курортному проживанию.

Именно такое ощущение овладевает мною всегда, когда я соприкасаюсь с народным творчеством: Киршей Даниловым, пословицами, загадками, поговорками. Нет, это не литературный курорт. Это дом обжитой, угретый, освоенный. Дом основного мастерства слова, его прочный сруб, не преющий, не гниющий, сруб из красного дерева, не поддающийся непогодам.

Не подойдет ли этот мой сон для Д. Молдавского, когда он будет составлять другой, такой же замечательный сборник, какой я представляю себе под названием «Сны и гаданья». Это, конечно, шутка. Но я хочу, чтобы сон мой был в руку.

Николай АСЕЕВ

На пульсе жизни

...В те военные годы Валентина Гаганова была еще деревенской девочкой, ни разу не видавшей города, не слыхавшей гула фабричных машин. Ее характер проявился в том, что в день получения похоронной, извещавшей о гибели отца, смешливая Валя, проказница и певунья, как-то неожиданно переменилась: «За одну ночь повзрослела, стала другой...»

С этого Борис Полевой начинает рассказ о Валентине Гагановой в своей книжке «Человек человеку — друг», посвященной простой и богатой жизни «настырной» прядильщицы.

Валентине нелегко было решиться на переход в отстающую бригаду. Ее туда никто не посылал, никто не звал. В старой бригаде девчата обиделись, в новой встречали настороженно. Уменьшался и заработок.

В книге с большим тактом показано зарождение в сознании нашего современника важнейшей черты будущего — бескорыстия. Здесь вновь вспоминается, как гениально предвидел Ленин человека, который в узком и строгом смысле слова будет бесплатно трудиться на пользу общества.

На последней странице книги — авторская пометка: «Вышний Волочек — Клуж». Борис Полевой начал свой рассказ о русской прядильщице на родине гагановского движения, в Вышнем Волочке, а закончил книгу в пути, в румынском городе Клуже. Такова уж счастливая судьба писателя-журналиста, который не хочет «выдумывать жизнь» в своем кабинете. Писатель исколесил тысячи километров, чтобы ощутить теплоту рук друзей у нас и за рубежом. Так родилась еще одна книга Б. Полевого — «Близко и далеко», — вышедшая почти одновременно с повестью о Гагановой.

Полевой говорит о себе: «Я сам газетчик до мозга костей. Люблю журналистскую работу, позволяющую литератору постоянно держать руку на пульсе жизни».

«Близко и далеко» — записки об интересных встречах в Латинской Америке и Румынии, в Сибири и Пензенской области. Такую книгу не перескажешь в короткой заметке. О главном хорошо сказал сам автор в предисловии: «Никогда еще слова «советский человек» не звучали так гордо на всех языках земли, как сегодня».

Н. КУЗЬМИН

Малышам

Среди многих книжек для малышей не затеряются книжки Евг. Пермяка.

Обязательно почитайте своим Андрейкам и Наташкам «Пичугин мост». Это подлинная находка. В прозрачной и вовсе не назидательной форме узнают впервые малыши о труде.

А вот «Первая вахта» Евг. Пермяка. Это тоже сборник небольших рассказов. Забавно и просто поведал писатель своим маленьким читателям-слушателям о профессиях, каждая из которых почетна у нас.

Романтикой труда овеяны сказки из книжки «Кто мелет муку»: об удальце-мельнике, о всемогущей и вездесущей нитке, которая «весь свет одевает», да «про торопливую куницу и терпеливую синицу».

Хорош пермяковский «Сказ про газ» — по-народному бесшабашный и лукавый, с рифмованными и яркими заголовками.

О трудной, увлекательной истории мореплавания — от простого плота к современному кораблю — предельно кратко повествует книжка Евг. Пермяка «Как Человек покорил Море».

Творческая активность, изобретательность писателя достойны самого доброго слова.

Т. АЛЕКСАНДРОВ

Возмужание

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Совсем недавно, собираясь в поездку в Казахстан, в город Рудный, на действующий и строящийся железорудный гигант — Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат, я полистал записную книжку, помеченную февралем — мартом 1959 года. Тогда впервые довелось побывать в тех местах.

...На дымящейся снежными вихрями плоской притобольской равнине причудливо вставали горы с голыми глинисто-желтыми склонами. Горы были молоды: их насыпал шагающий экскаватор.

Окрест лежал город, которому едва минуло два года, город невысоких деревянных и каменных домов, город-стройка, где автобусные остановки назывались «Шагающий», «Энергопоезда», город ватников, сапог и заляпанных краской комбинезонов. Его рудники уже давали пищу домнам.

Где-то между карьером и дробильно-сортировочной фабрикой, на строительстве ветки железной дороги, работала группа юных добровольцев — выпускников одной из средних школ Северного Казахстана. Прибыли они в Рудный еще летом 1958 года целым классом. Их-то я и искал.

Никто не мог сказать точно, где эта бригада, разбитая на звенья: работают на разных участках.

Я то взбирался на груды вскопанной земли, то брел по кочковатой равнине. Сквозь неплотный покров снега торчали стебли ковыля...

Наконец я увидел впереди, на насыпи, мотовоз-путеукладчик, платформы со щебенкой, фигуры в ватниках.

Что-то было не в порядке с полотном — мастер сердито говорил: «Я же вам показывал, как рихтовать путь и ставить на ось...» Девушки с обветренными лицами, в сырых варежках, трамбовали просевшие места полотна и подсыпали щебенку. Парни ставили на место сместившиеся шпалы и забивали костыли.

В конце смены все собрались в дощатой будке, где посредине топилась обмазанная глиной печь.

Я заносил в блокнот имена, фамилии, штрихи для памяти.

Тамара Першина. Голубые глаза с печалинкой. Окончила школу с серебряной медалью. Здесь выбрана в комсомольское бюро управления «Желдорстрой». Дома у нее осталась младшая сестренка, она за нее беспокоится.

Надя Долгих. Недовольна, что в общежитии и красный уголок занят под жилье,— негде заниматься, а хочет готовиться в институт. Цель жизни — стать преподавателем литературы, которую любит больше всего.

Валерий Прытков. «Малолеток». Умеет хорошо рисовать. Мать хотела, чтоб учился на художника, а он твердо решил посвятить жизнь технике. Мать и сейчас в письмах зовет домой, все боится за его здоровье.

Саша Попов, сын погибшего на фронте солдата. Рослый, спортивно-подтянутый юноша. Ругает «Желдорстрой» за плохую подвозку балласта. Считает, что надо решительней бороться с хулиганами и лодырями.

Джамбул Еленбаев. Осенью призовут его в армию. «Отслужу срок — вернусь в Рудный. Интересно, каким будет город через два-три года?»

Люба Юрченко и Тоня Темощукова. Сердито спрашивают: «Всю правду будете писать? А то о нас по радио передавали одно хорошее, а что плохое — все выбросили». Плохим они считают, что нет лыж («Тренировались на обломках, щепки сзади оставались»), на спортивных соревнованиях заняли последнее место — ведь это стыд и позор.

Я спросил, кто первый подал мысль поехать всем классом на стройку.

— Газета «Правда»!

И пояснили. 21 мая 1958 года — они точно помнят эту дату — в «Правде» была напечатана заметка, что выпускники Черемшанской средней школы едут из Татарии на строительство Братской ГЭС в Сибирь. Вот эта заметка и решила их судьбу. Потому что как раз в эти дни они у себя, в селе Николаевке, Ленинского района, Североказахстанской области, обдумывали, куда пойти после школы. Долгими теплыми вечерами сидели на берегу Ишима и разговаривали, спорили. Конечно, можно найти дело и дома, в совхозе. Но здесь все налажено. Хочется туда, где еще почти ничего нет. Наконец сошлись на Рудном: ведь это «железная целина». Большинство родителей было против их замысла. С учителями же получилось так. Сначала классный руководитель пообещал, что отправится вместе с ними. Но потом передумал. И вот тогда другой учитель, Каирке Буркутович Буркутов, преподававший казахский язык и литературу, секретарь парторганизации школы, сказал: если ребята едут, так и я с ними.

— А он теперь в Рудном, Каирке Буркутович?

— В Рудном! С нами! — сразу раздалось несколько голосов.— Он сегодня на другом участке... На Сарбае... Его на экскаватор поставили... Вы обязательно с ним поговорите.

Все оживились, повеселели. О себе ребята говорили неохотно, затрудненно. Но об учителе каждый старался сообщить все подробности.

Он еще не такой старый, но повидал уже на своем веку много. Всю войну прошел солдатом — осколок у него в спине. Отец у него сельский кузнец, неграмотный, а Каирке Буркутович после войны окончил институт в Алма-Ате. Спорт любит. Веселый. Встает в общежитии раньше всех и обязательно делает зарядку. Если кто из девчат заспится, стучит в дверь: «Доброе утро, девочки! Шесть часов, мальчики уже спешат на работу...»

Однажды осенью случилось такое. Девушки-балластировщицы намокли,— весь день шел дождь, а переодеться на участке было не во что и негде. На обед поехали в город, в общежитие, но оттуда на участок не вернулись. В общем, подвели бригадира. А он так старался для них! Пришлось молча выслушать от Каирке Буркутовича довольно неприятные слова. По натуре он веселый и добрый, но таких вещей не прощает... «Мы же на собраниях других критикуем, в газеты статьи пишем,— сказал учитель,— а сами? Где наш пример?» Больше таких случаев в бригаде не было ни разу.

* * *

...И вот спустя полтора года я снова приехал в Рудный и решил узнать о судьбе школьников из села Николаевки и обязательно встретиться с Буркутовым, что не удалось сделать в первый раз.

Утром я бродил по знакомым улицам, кварталам. Повсюду молоденькие ясени, тополя, акации. На улице Пионерской открыт широкоэкранный кинотеатр. Прибавилось много домов — фундаментальных, четырехэтажных. На спуске к Тоболу — здания большой школы-интерната.

Рудный стал как бы светлее. Не так чадили энергопоезда,— число их сокращается с каждым месяцем, а скоро, когда войдет в строй почти уже готовая ТЭЦ, последняя электростанция на колесах уйдет отсюда на какую-нибудь другую далекую стройку.

Горы, насыпанные шагающим, поднялись выше.

Я шел мимо искусственной гря-

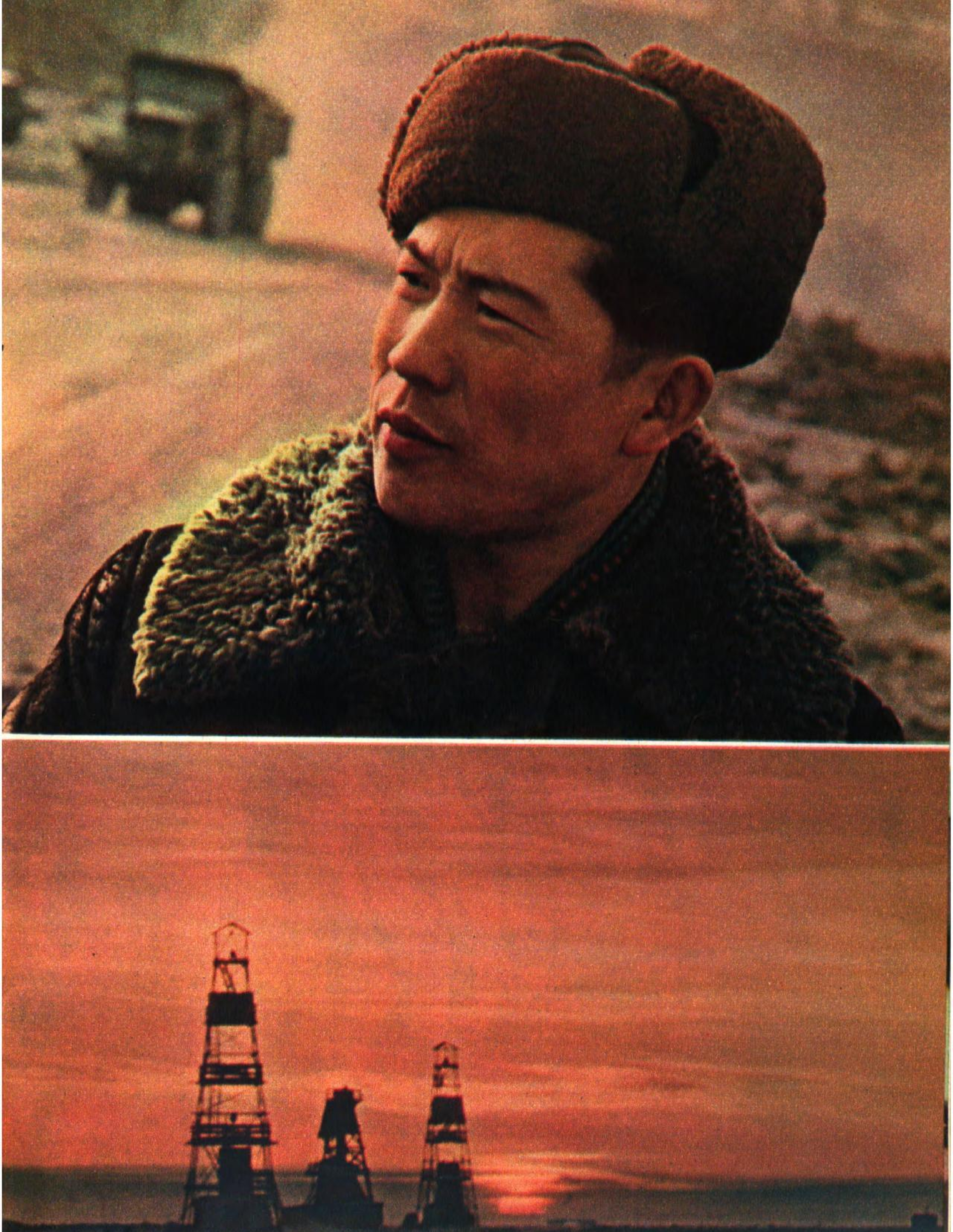

Квалифицированными работницами большой стройки семилетки стали мотористка Катя Шабанова, крановщицы Люба Юрченко, Зоя Грязнова, Тамара Першина.

НА ЦВЕТНЫХ СНИМКАХ:

Каирке Буркутович Буркутов — экскаваторщик, учитель, коммунист (вверху).

Разведка огромных рудных богатств месторождения продолжается. Буровые вышки в степи еще не разобраны.

Маша Белоконь приехала строить Сарбай еще в 1958 году.

Ночью гигантский амфитеатр карьера полон движущихся огней...

Экскаваторщики Валерий Прытков (справа) и Алексей Майстренко.

Днем и ночью на дорогах...

«Обув железом острым ноги...»

ды и видел, что на склонах гор разрослись кустики ковыля. Природа как бы смягчала резкость индустриального пейзажа.

Гигантская овальная чаша Соколовского рудника стала еще глубже. Горняки спускались в карьер по удлинившимся трапам. И здесь тоже заметны были перемены к лучшему. Тогда, весной пятьдесят девятого, на нескольких горизонтах прорывались грунтовые воды. Теперь в уступах было сухо. И уже не самосвалы вывозили из карьера руду, а юркие составы электропоездов: дешевле и быстрее. Все огромное предприятие — карьер, дробильная фабрика, подстанция, отвалы,— все было связано ныне в единый комплекс нитями стальных путей.

Я стоял и смотрел, как новенький состав думпкаров легкой змейкой скользил по рельсам. А память рисовала метельный февральский день, платформы с мерзлой щебенкой, мокрые рукавицы, совковые лопаты и ломики в еще неумелых, но верных руках молодежи. Где-то здесь, неподалеку, ребята рихтовали путь, балластировали полотно, отказываясь прерывать работу даже в непогоду.

Как радостно было встретить первого из буркутовцев!

Саша Попов! Тот самый рослый юноша, что ругал «Желдорстрой» за плохую подвозку балласта. Теперь он уже не путеукладчик, а экскаваторщик — так же, как и учитель. На возмужалом лице темнеют усики. Солидно сообщает, что зарабатывает не меньше полутора тысяч в месяц. Состоит в штабе дружины. Хулиганья в городе куда меньше стало, чем два года назад. Многие из ребят учатся. Сам он решил еще учиться на водителя и механика. Недавно ездил в отпуск в родную Николаевку — все встречали с уважением.

— Кольку Самойлова видел,— рассказывает Саша.— Это из тех, что сдрейфили. Были и такие. Он, конечно, тоже не пропал. Но живет скучно. Ни то, ни се. Спрашивает меня: «Все путя ложите?» А я ему: «Путя уже все уложили... Без тебя...»

— Южный въезд видели? — спрашивает Саша, меняя тему разговора.— Ветку на Обогатительную? Станцию «Железнорудную»? Это все наша работа. Как выйду на пути — вижу: какой костыль где забивал, какую ямку копал... У нас тут чуть беда не случилась. В понедельник — сдавать участок пути до Обогатительной. В субботу почти все закончили. Вернулись в общежитие, легли отдыхать, а в будке остался дежурить Павлик Бондаренко. Вдруг он прибегает: «Тревога! Юзом паровоз потянуло, тендер сошел с рельсов, порезало шпалы». Мы сразу собрались. У кого билеты были в кино, кто к девочкам собирался, — все побоку. Бегом на базу. Погрузили на машину шпалы. Костер разожгли. За какой-то час-два разобрали порезанные шпалы и настлали новые. А уже совсем темно. Один держит головешку вместо факела, другой держит шаблон, а третий ставит костыль и пришивает рельс к шпале. Все аккуратно заделали. Приняли четыре вагона со щебенкой, забалластировали. Утром в понедельник приехал главный инженер: «Где же тут авария была? Не вижу никакой аварии». А Каирке Буркутович только хитро усмехается. На душе было, как на Первое мая: по ветке пошел первый состав...

У Попова я узнал адрес его друга Валерия Прыткова — тоже стал экскаваторщиком. Помнится, это был худенький паренек, самый молодой из всего класса. Родители не хотели его отпускать.

...Во дворе двухэтажного дома на улице «40 лет Октября» женщина средних лет развешивала на веревках белье.

— Вам Валерика? Он на работе. Я его мама...

Вот как! Такого, так сказать, «поворота сюжета» я никак не ожидал. Но жизнь всегда интереснее того, что мы знаем о ней по рассказам других.

Нина Васильевна, мать Валерия, провела меня в комнату, где жила теперь вся семья Прытковых. Тут было тесно от кроватей. На подоконниках, на самодельных полочках лежали школьные учебники.

— Мы тут недавно устроились. Переехали из-за Валерика,— стала рассказывать Нина Васильевна.— Он у меня уважительный, отзывчивый. Не жалуюсь. Даже теперь, когда самостоятельным человеком стал, не пойдет из дому, не сказавши — куда. Но характер настойчивый. До сих пор помню, как он мне сказал тогда, в мае пятьдесят восьмого, негромко, но твердо: «Мама, хоть глину буду месить на стройке, а все равно уеду». Так и уехал... На грузовике. А у меня сердце болит. Осень, зима... Правда, письма он аккуратно писал и никогда не жаловался, а я-то знаю: одеяла в общежитии тонкие, в фуфайках спят. Деньги ему послала — вернул обратно: «Я зарабатываю достаточно, а у вас с отцом еще трое». Муж взял отпуск, поехал к нему. Возвращается в хорошем настроении: «Ничего, здоров, живет в одной комнате с Каирке Буркутовичем... Это учитель ихний, плохому не научит. Человеком становится наш Валерка. Мне там тоже понравилось: все быстро растет, строится, рабочие руки нужны». Муж у меня — хвалиться не буду — работящий, непьющий, он и по слесарному знает и по кузнечному — от скуки на все руки. «Да ты что,— говорю,— может, тоже надумал туда ехать?» «А почему бы и нет?» «Зачем нам где-то скитаться, когда тут и дом и огород?..» «Да, с квартирами там плохо». Так ничего и не решили. Но тут Анатолий — другой мой мальчик, младший, он школу заканчивал — вдруг объявляет: «Уеду к Валерке. Хочу тоже на стройку!» Что делать? Всего не буду рассказывать. Были и слезы. Но решились... Тронулись сюда всем семейством. Помучились поначалу. Ютились кто где. Тут нам, спасибо, Каирке Буркутович помог. Сам-то он до сих пор в общежитии проживает. Но это такой человек!.. Пошел в горисполком и сказал: «Я могу подождать, а Прыткову комнату дайте!»

Нина Васильевна призадумалась.

— Раньше зло на него держала. Зачем ребят наших куда-то увез? Теперь вижу: на правильную дорогу вывел.

Я дождался Валерия. Бывший «малолеток» раздался в плечах. Как быстро взрослеют дети, подумалось мне, когда рано принимают на себя ответственность за судьбу доверенного им дела!

Мы сидели за обеденным столом. Не спеша вел со мной юноша обстоятельный разговор о делах стройки и рудника. Сказал, что поступает на курсы. Так посоветовал Каирке Буркутович. Будет изучать горную электромеханику. Теперешнюю работу полюбил и неплохо зарабатывает. Скоро из помощников переведут в машинисты.

У Прыткова я записал новые адреса. И шел по ним — в общежития, в бригады... А иногда случайное, казалось бы, обстоятельство давало вдруг ниточку к еще одной человеческой судьбе.

Просматривая в читальне комплект местной газеты, я обратил внимание на снимок: спортсменка стремительно рвет грудью ленточку на финише. Заметка сообщала, что крановщица завода железобетонных изделий треста «Соколоврудстрой» Люба Юрченко с успехом защитила честь Рудного на спортивных состязаниях в Алма-Ате.

Я сразу вспомнил ее.

Люба Юрченко, сердитая девушка, которая печалилась, что нет лыж и прочего спортивного инвентаря!

Спешу в женское общежитие. Коридор белеет дверьми. Стучусь в одну.

— Любу Юрченко можно видеть?

— Она у Тони Темощуковой. Через дверь.

В комнате готовятся отметить какое-то радостное событие. Стол накрыт свежей скатертью. Тоня, невысокая, подвижная, озабоченно расставляет тарелки. А вот и Люба. Первый раз я ее видел в ватнике и платке. А теперь — в светлом платье. Оно к лицу этой стройной девушке.

У девушек сегодня маленькое торжество. Приказом по автоконторе треста Тоне Темощуковой объявлена благодарность за отличную работу и экономию горючего. Тоня — водитель.

Входят в комнату знакомые Темощуковой автомобилисты, соседки по общежитию,— все ее поздравляют. Вошли и две девочки-подростка.

— Это моя сестра Рая,— говорит Люба Юрченко.— А это — Галка, Тамары Першиной младшая... Помните, Тамара все беспокоилась за сестренку?

— Припоминаю. А где же сама Тамара?

— Еще на заводе. Скоро придет. Я раз и говорю ей: «Что ты все грустишь, Тома, видишь, какую школу-интернат отгрохали... Дворец! Давай попросим, чтобы твою Галку устроили в эту школу». «А примут?» «Разве мы не заслужили? Я тоже свою сестренку сюда возьму». И вот видите... Учатся уже. Сегодня их отпустили.

— Не так все просто было,— вставляет Тоня.— Заявлений в школу подали много. Мест не хватало. Каирке Буркутович помог...

До всего есть дело их бывшему учителю. Не забывает он их.

— Он к нам приходил в школу, Каирке Буркутович,— рассказывает большеглазая бойкая Галка.— Спрашивает: «Двойки есть?» А мы: «Даже троек нет!» «А как спать, удобно? Кормят как?» «Все хорошо!» «Ну, смотрите, учитесь тоже хорошо!..»

Да, до всего есть дело бывшему учителю. И до того, как Люба Юрченко тренируется на стадионе, и как Тамара Першина готовится к экзаменам в горный институт, и что пишут девушкам ребята из бригады — те, что проходят сейчас военную службу. Недавно послали им, землякам, снимки новых зданий Рудного. Ведь они вернутся сюда после армии, им это интересно.

Девушки говорили задумчиво, словно проверяя себя. Я смотрел на их лица, на обветренные руки — сколько истинной красоты было в этих простых девчатах, понявших самое главное в жизни!

* * *

Вечером я поехал на дальний Сарбайский рудник. Ночь выдалась звездная, тихая, безветренная.

Грандиозный амфитеатр Сарбайского карьера был полон движущихся огней. На нескольких горизонтах работали экскаваторы, по дорогам скользили фары автомашин, вывозивших породу. В отличие от Соколовки тут еще не закончилась вскрыша — обнажение глубоко лежащего рудного тела.

Четырехкубовый экскаватор № 122 грыз породу в забое, к которому чередой подходили самосвалы. Тени машин то появлялись, то исчезали на освещенной прожектором груди забоя.

То была кремнистая, мощная толща, вся в длинных, узких, резких морщинах: зубья ковша оставляли на породе свои острые следы.

— Машина Буркутова?

— Да.

Помощник машиниста подал руку, и я очутился на экскаваторе.

В кресле машиниста спиной ко мне сидел невысокий черноволосый человек. Когда он обернулся, я увидел продолговатый разрез темных глаз. Блеснули в улыбке крепкие, ярко-белые зубы.

За глаза всегда трудно угадать внешний облик человека, хотя о жизни и добрых делах его ты уже знаешь немало. Почему-то я представлял Буркутова иным, этаким степняком-богатырем, с лицом, полным значительности, суровости. А он оказался маленьким, ладно сбитым, склонным к шутке, приятно общительным.

Ловко опрокидывая над кузовами самосвалов ковши с породой, Каирке Буркутович отвечал на мои вопросы.

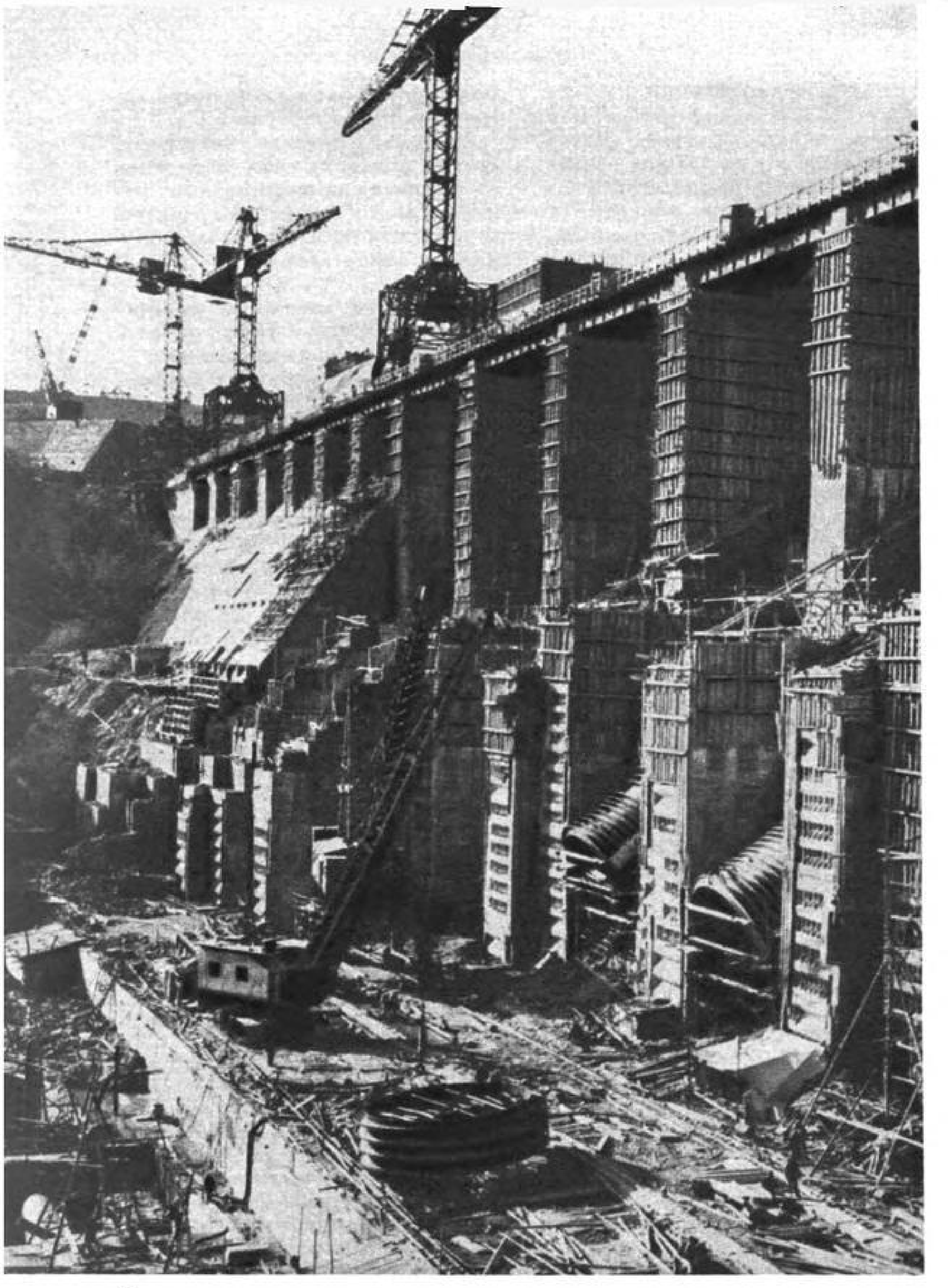
Не жалеет ли он, что оставил профессию педагога? Такой вопрос задавал ему недавно один зарубежный корреспондент. Нет, не жалеет. Собственно, его педагогические познания не лежат втуне. Он избран председателем комиссии по народному образованию при горисполкоме. Приходится вникать в методику преподавания, в постановку воспитательной работы не одной, а многих школ.

— Чудесная машина,— сказал он, погладив ручку контроллера.— Смотрите, как плавно берет. Без толчков. Получаешь от работы большое удовольствие. Я моим мальчикам и девочкам всегда говорил: чем больше умеешь и знаешь, тем интереснее жить.

Рыча, подходили под погрузку самосвалы. По скалистым обрывам бродили голубые лучи. На соседнем уступе протянул стрелу шагающий с красной точкой на конце.

— А вы знаете, что мы сейчас на дне древнего моря? — услышал я голос Буркутова.— Зубы акулы здесь нашли. Мы все эти находки передаем школам. Пусть учителя показывают ребятам. Как-то всегда думаешь о наших мальчиках и девочках... Им все интересно!

Шла ночь семилетки. Был на боевом рубеже один из миллионов и миллионов великой армии коммунистов. И где-то рядом честно делали свое дело его вчерашние ученики — его младшие друзья и товарищи.

Бетонная плотина гидроузла Саньмынься — надежная защита низовий Хуанхэ от угрозы наводнений.

пятом веке до нашей эры. А в нынешней своей трассе (Пекин — Ханчжоу) этот водный путь служит людям уже без малого семь столетий.

Проезжая сейчас по каналу, нельзя не восхищаться строительным искусством народа, который создал такой сложный по профилю водный путь.

В начале нашего века Великий канал потерял общегосударственное значение. Он распался на отдельные, обособленные участки, проходимые лишь для деревянных лодок да небольших моторных катеров.

Главные потоки промышленных перевозок движутся сейчас не по широте, а по меридиану. Почти все угольные районы в республике сосредоточены на севере. Великий канал — единственный водный путь, который мог бы помочь перенапряженным железным дорогам доставлять на юг этот самый громоздкий груз.

Сама жизнь омолодила выдающееся сооружение древности. Вот уже третий год ведутся работы на трассе.

Будет сооружено двадцать современных шлюзов, пятнадцать механизированных портов. Один из таких портов мы осмотрели у города Ханчжоу. Пока в разгаре земляные работы.

Большинство работающих — недавние крестьяне из соседних деревень. С какой пытливой жадностью интересуются они всем, стремятся постичь сложную жизнь большой стройки!

Бригадир Ли Син-цюань, круглолицый, пышущий здоровьем паренек в перепачканной глиной куртке и штанах, закатанных до колен, у себя в деревне числился в списках неграмотных. Правда, уже тогда односельчане поражались его умению считать в уме. Может быть, поэтому землекопы избрали Ли Син-цюаня десятником. Тут-то и раскрылось его подлинное призвание к строительному делу. Достаточно дать этому крестьянскому пареньку чертеж, и он уже сам расставит людей, выдержит нужную крутизну откоса, высчитает количество вынимаемого грунта.

Для таких, как Ли Син-цюань, работа на трассе — это радость познания, радость творчества. В реконструкции канала уже приняли участие более миллиона крестьян. Какой же огромной школой стала трасса!

Пройдет немного времени, и между раздвинувшихся берегов канала величаво поплывут большие корабли. Почти две трети грузов составит каменный уголь.

Стародавний канал переживает второе рождение. А страна думает уже о водном пути, еще более могучем — от Пекина до крайнего юга, до города Гуанчжоу.

Эти два великих канала, старый и новый, соединят главные речные системы Северного, Центрального и Южного Китая — Хуанхэ, Янцзы, Чжуцзян, а также рек Хайхэ, Хуайхэ, Цяньтаньцзян. Они сомкнут эти шесть бассейнов в широчайшую сеть водного транспорта, охватывающую больше половины страны. Они сделают Пекин портом трех морей, омывающих Китай.

Пересекая впервые северную границу Китая, люди порой удивляются: где же страна, знакомая по книгам, фотографиям, по картинам-свиткам китайских художников? Глаз видит голые горы, похожие на спины слонов; селения, у которых крыши, стены и даже изгороди сливаются цветом с окружающей степью. Зимой ветры почти начисто сдувают с этой рыжей равнины снежный покров. Летом за прошедшей бороной повисает облако пыли. И все ходят и ходят вокруг колодцев лошади с завязанными глазами, вращая водочерпалки.

Рукопожати

В. ОВЧИННИКОВ

Один раз, по древнему китайскому преданию, затеял дух воды схватку с духом огня, но был побежден. И тогда, досадуя на свое поражение, он со всего маху стукнулся головой о гору Бучжоу. Но Бучжоу, что уходит кручами за облака, на самом деле вовсе не гора, а один из столбов, подпирающих небо. Удар был так силен, что вышиб столб. В небе образовалась дыра, землю избороздили глубокие трещины. Сверху хлынули потоки воды, снизу потекло жидкое пламя. Равнины оказались затопленными, в горах пылали леса. Как раз незадолго до этого богиня Нюйва вылепила из глины фигурки людей, от которых пошел род человеческий. Чтобы спасти людей, богиня решила починить небо. Она залатала дыру, но поставить столб прямо ей не удалось. С тех пор светила клонятся к западу, а воды текут на восток.

Красочная легенда о том, как Нюйва починила небо, приходит на память, когда посмотришь на физическую карту Китая. Вздыбленная на западе хребтами и плоскогорьями Центральной Азии, китайская земля постепенно понижается в сторону Тихого океана. Почти все реки текут по ней с запада на восток, параллельно друг другу.

Мечта о том, чтобы взять в одну упряжку «шесть голубых драконов», то есть связать искусственным водным путем шесть главных речных бассейнов, зародилась у китайцев еще в глубокой древности. Ее воплощение — Великий канал. Самый старый участок канала, между реками Янцзы и Хуайхэ, был прорыт еще в

Крестьянского паренька Ли Син-цюаня назначили бригадиром.

Чем дальше на юг, тем пышнее зелень, тем больше блеска воды. И, наконец, у Янцзы мы оказываемся в том Китае, который существовал в нашем обычном представлении: уступы рисовых полей, пышные заросли бамбука, оловянная гладь озер с чернеющими рыбачьими челнами.

В целом Китай богат водой. По китайской земле ветвятся 1 600 рек, не считая мелких. Их общий годовой сток — 2 680 кубических километров. Такого количества влаги хватило бы на все потребности страны и сейчас и в будущем. Но три четверти водных ресурсов сосредоточено в бассейне Янцзы и южнее. А на столь же обширные просторы Северного и Северо-Западного Китая воды приходится в десять раз меньше!

Недостаток влаги всегда сдерживал хозяйственное развитие Северного и Северо-Западного Китая. Но ныне вопрос о воде приобрел там особую остроту. Коллективный труд открыл перед крестьянством новые невиданные возможности. В 1949 году в Китае орошалось 16 миллионов гектаров пашни, сейчас — примерно 60 миллионов. Ясно, что такой небывалый в мировой практике размах ирригации влияет и на режим и на годовой сток рек.

В Хуанхэ убыль воды заметна в верхнем течении. Ее разбирают для орошения полей, для озеленения пустынь. Растут запросы на воду Желтой реки и у Северо-Китайской равнины. Северному Китаю потребуется дополнительно около 100 кубических километров воды ежегодно, то есть еще две, а то и три реки Хуанхэ.

Янцзы могла бы поделиться своими богатствами с Севером и Северо-Западом: она в двадцать с лишним раз полноводнее своей сестры Хуанхэ. Но как перебросить эту воду?

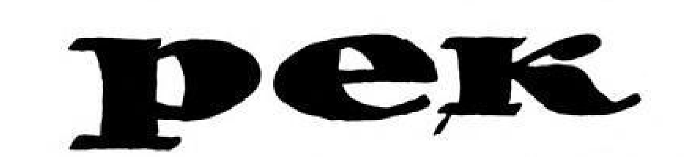
Вверх по северному притоку Янцзы, Ханьшую, открывается глазам большая стройка. Два года назад первые взрывы вспугнули там выводок тигров. Сейчас строители уже перекрыли русло Ханьшуя.

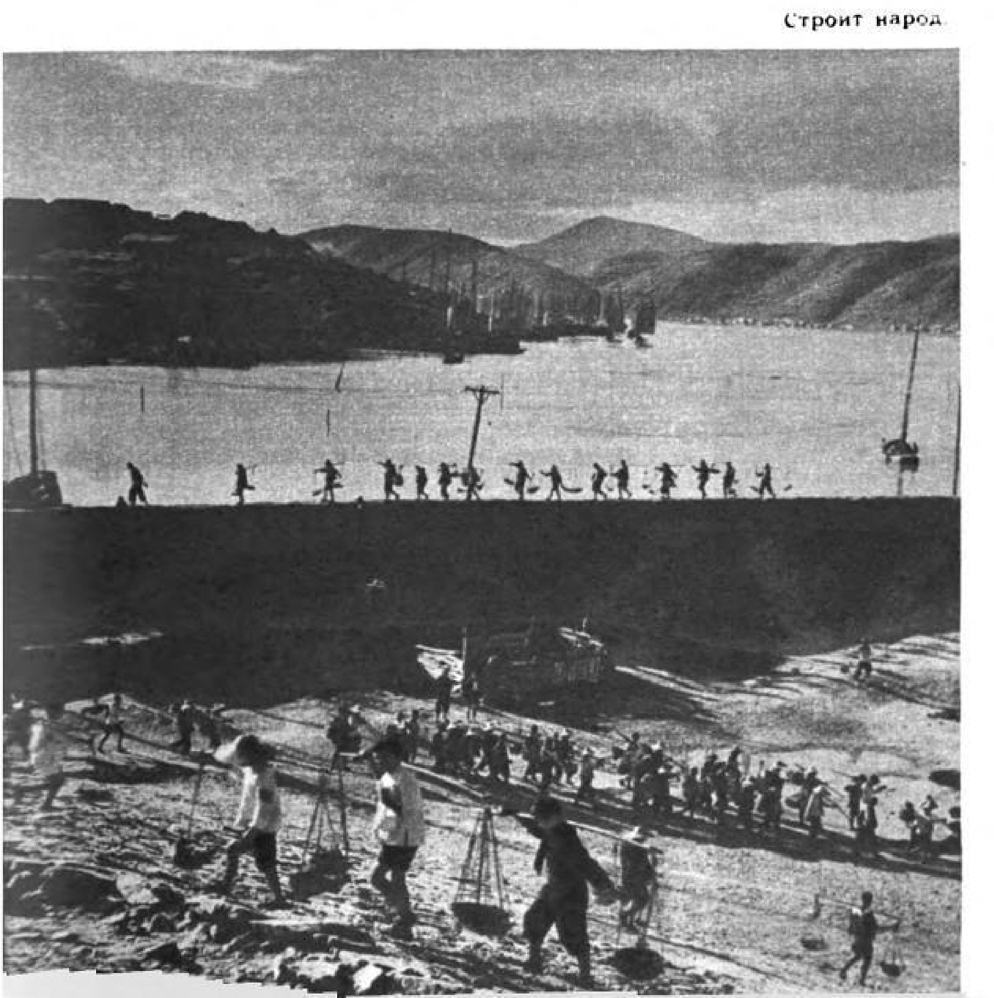
Гидроузел на Ханьшуе — первый строящийся объект в генеральном плане освоения бассейна Янцзы, разработанном в содружестве китайскими и советскими специалистами. Перекрытый плотиной, Ханьшуй частью своих вод устремится по водоотводному каналу на северо-восток, чтобы в районе Чжэнчжоу влиться в Хуанхэ. На Северо-Китайскую равнину можно уже будет перебрасывать 23—27 кубических километров воды ежегодно. Это больше, чем «половина Хуанхэ», но еще далеко не удовлетворит потребностей.

Ключ к коренному решению лежит на Юго-Западе. Заоблачные выси Тибет-Сычуаньского нагорья — вот колыбель почти всех больших китайских рек. Быстрые и многоводные, они текут здесь близко друг от друга по порожистым руслам, лежащим порой на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря.

А нуждающиеся в воде районы Северо-Западного и Северного Китая — Цайдам, Внутренняя Монголия, Лессовое плато, Северо-Китайская равнина — лежат ниже, на уровнях от трех тысяч до ста метров. Возможность пустить южные воды самотеком на север существует.

В высокогорных районах уже начаты съемочные, изыскательские работы. Десятки экспедиций, тысячи людей участвуют в них. Социализм — вот сила, которая может сделать реальностью даже самые смелые мечты. Китайские гидротехники уже думают о времени, когда на Северо-Запад, вдоль древних караванных троп Великого шелкового пути, устремятся потоки живительной влаги.

Строит народ.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

ПОЕЗД НИКУДА НЕ СЛЕДУЕТ

Эти железнодорожные вагоны, сфотографированные в Майнце репортером западногерманского журнала «Бунте иллюстрирте-Мюнхнер иллюстрирте», используются явно не по назначению. В них расположен... монастырь.

Пока идет строительство постоянного здания, монахи нашли выход: они купили у федерального управления железных дорог несколько старых вагонов и поселились в них. Там они живут, молятся. Но святым отцам не чужды и мирские развлечения. В бывшем вагоне-ресторане, переоборудованном под трапезную, они с энтузиазмом гоняют в картишки...

КОРОЛЕВСКИЕ ПЕНСИИ

Ряд пенсий, учрежденных королями Франции, до сих пор еще выплачивается правительством страны. Так, например, все наследники шевалье д'Асса получают учрежденную Людовиком XV пенсию за «бесстрашие перед врагом». Шестьдесят франков ежегодно вручаются наследникам Ива де ля Буасьер-Шамбора за то, что когда-то дофин по неосмотрительности подстрелил на охоте одного из предков этого рода.

СДЕЛКА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Страховой бизнес на Западе поставлен чрезвычайно широко. Помимо названий обычных вещей, вроде автомобилей и домов, в страховых полисах появляются нередко самые неожиданные записи. Знаменитый тенор страхует свой голос, кинозвезда — бюст, владельцы стадионов — хорошую погоду в день состязаний и так далее.

И все же недавно произошел случай, который был в новинку даже бывалым работникам страхования. 66-летний английский миллионер Эрнест Вуд, сообщает выходящий в Гамбурге журнал «Кристалл», хотел застраховать на сумму в 20 тысяч фунтов... верность своей жены, которая ровно втрое моложе супруга.

Представитель фирмы Ллойд, куда обратился Вуд, потребовал встречи с объектом страховки, после чего заявил, что сделка не состоится. «Риск слишком велик», — разъяснил он.

КАК ПОПАДАЮТ В РАЙ

В церковных канцеляриях Англии можно увидеть странное зрелище: молодые люди щелкают фотоаппаратами, делая репродукции с книг записи умерших. Нет, это не сотрудники знаменитого Скотланд-Ярда, а представители религиозной секты мормонов. По учению секты, умерший может попасть в рай лишь в том случае, если его могилу освятит мормонский священник. Но в наши дни священникам трудно угнаться за паствой, разъезжающей по чужеземным странам. Тогда секта решила упростить процедуру и освящать не сами могилы, а переснятые на фотопленку записи из книги регистрации умерших. Снимки пересылаются в США, где находится главное управление секты. И там уже окончательно оформляют переход в «царство небесное».

«ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН»

Помните кинофильм с таким названием, в котором известный французский комик Фернандель сыграл роль добросовестного служаки-полицейского? Недавно Фернандель выступил в совершенно противоположной роли, причем не на экране, а в жизни. Находясь в Милане, он стал нарушителем правил уличного движения: пересек улицу в неположенном месте. Раздался свисток блюстителя порядка, и актеру пришлось вытаскивать из кармана бумажник. Никакие уговоры не помогли. «Закон есть закон», — сказал полицейский.

Он, вероятно, смотрел фильм.

Ник. ПОГОДИН

Фото В. Кислухина.

Два

Чаплин... При этом имени мгновенно возникает перед глазами удивительно живой образ, и кажется, что он, этот образ, перешел из царства кинематографии в твою действительность, повседневность, сроднился с тобой. Мне думается так, что многие миллионы людей чувствуют то же самое, что им, как и мне, кажется, что они давно и очень хорошо знают этого бесконечно милого маленького человека. А знать хорошо — значит, по крайней мере, представлять себе характер человека, его привычки, его жизнь.

И вот мы с Львом Романовичем Шейниным, чуть торопясь и чуть волнуясь, едем на условленный час свидания к великому артисту мирового кинематографа и каждый по-своему думаем, что нечего торопиться и нечего волноваться: давным-давно мы отлично знаем этого человека и встретимся с ним, как со старым другом.

Но жизнь редко вполне совпадает с нашими мечтами. Друга мы встретили. Видимо, у этого человека так уж заведено, он старается встречаться с людьми, с которыми надеется дружески держаться... Так вот, повторяю, друга встретили, но он оказался человеком, мало знакомым нам.

По возрасту он принадлежит к тем людям, кого называют старыми людьми. Но нас не удивило, что на пороге своей виллы нас встретил человек, пронизанный светом молодости с ее радостью и весельем. У него кипенно-белая голова, но глаза не тронуты «сединой времени»... С такими глазами, полными блеска, резких переливов, неугасающих огоньков, он может играть молодого влюбленного, буйного солдата, испанского кавалера.

Нас удивило другое.

С нами разговаривал очень воспитанный и оттого бесконечно простой человек, ничего общего не имеющий не только с великим Чаплином его бессмертных ролей, но и далекий миру кинематографии. Этот мир своеобразен, как своеобразно все, что резко влияет на облик человека и даже его характер. Иными словами, мы не увидели в Чаплине артиста кинематографа. Устоял, не надломился от громадной славы, не сделал свою профессию второй натурой, не изломался, остался первозданным, немного американизированным англичанином. И оттого, может быть, большой семьянин (на фотографии не вся семья Чаплиных), с детьми, которые с обожанием смотрят на своего отца. И оттого, может быть, частный житель этой тихой и скучноватой страны, или, точнее, человек, желающий жить своей частной жизнью... Удается ему это или нет, я не знаю, и спросить не мог по той очевидной причине, что сами мы вторглись к Чаплину.

А потом идут подробности, от которых просто становишься в тупик. Все пишут о малом росте Чарльза Чаплина. Не знаю. Я никак не мог соединить вместе того Чаплина, которого до сих пор знал, с тем, который стоял рядом со мной. У них разный рост. Я даже не выдержал и сделал наивный вопрос:

— Как это получилось?.. Вы гораздо выше ростом.

Чаплин смеялся и лукавил. Не мог же он, как могли бы другие посредственные актеры, начать говорить о том, что в этом-де вся суть тайны перевоплощения... Нет! Он сказал, что операторы кино умели так его снимать, что он

Чарли Чаплин.
←

В семье Чарльза Чаплина.

часа у Чаплина

был меньше своего роста на экране. И хорошо, что я задал этот наивный вопрос: наш хозяин мягко, умно и весело отводил разговоры о его персоне, и я не замечал, как он нравится мне все больше и больше, как легко с ним.

К тем же подробностям, начисто уничтожающим сходство Чаплина на экране с Чаплином в жизни, относятся взгляд, манера держать голову, чуткая привычка слушать собеседника, жестикулируя. О походке, само собой, не говорю.

Но главное было в том, что мы встретились с одним из редких людей, встречи с которыми бывают неизъяснимо значительны и, как большие жизненные вехи, остаются в памяти.

А вообще-то говоря, ничего значительного не происходило. Топился камин. Ярко горел свет в большой и красиво устроенной комнате, служитель принес любезно чай с домашними трубочками, мы сидели в креслах, как сидят все гости во всех домах. Но не многие гости в подобных обстоятельствах получают такой прием, от которого с первой минуты они чувствуют себя в незнакомом доме и непринужденно и весело.

Чаплин — богатый человек. Я не считал его состояния и все же уверен, что живет он не на последнюю тысячу франков. Не от радостной жизни он уехал из Америки в Швейцарию. В этой стране, как мне думалось, присматриваясь к ее жизни, нельзя найти второй родины. В Швейцарии чисто, как под праздник, но настоящего праздника здесь никогда не бывает. И хорошо ли здесь Чарли Чаплину, этому чуткому сердцу, тоже не знаю. Но из нашей непроизвольной, полной неожиданных переходов беседы (оттого она и не годится для печати) я понял, что Чаплин себе не изменил. Не надо записывать его в коммунисты, как это делали дураки в Америке. Он, видимо, ненавидит многое из того, что ненавидят коммунисты, но эта ненависть присуща современной прогрессивной интеллигенции западного мира.

Он человек громадного ума — в этом весь фокус. Талант актера в соединении с таким недюжинным умом и дал нам Чарли Чаплина. И радостно сейчас писать о том, как семидесятилетний Чаплин ни на шаг не отошел от молодого Чаплина.

Работает?.. О, да!.. Было бы неуместно лезть с вопросами о том, бросил ли он кино, — все-таки за плечами пятьдесят лет актерского каторжного труда. Сейчас он компонует книгу, в которой, как он сказал, «весь я». Хвалит своего секретаря. Диктуя, он иногда над фразой думает минут по десять.

— Знакомо,— говорим ему.

И он рад...

— И у вас это бывает?

— Бывает...

Он нас задерживает. Предлагают в стаканах джин. Там алкоголя на копейку, но остро. Появляется маленькое существо, как елочный ангел. Пришла детвора. Будем фотографироваться самым любительским образом. В этом доме нет киноаппарата, нельзя посмотреть картину и нельзя ничего заснять. Старшая дочь — ей лет 17 — учится балету. Ее мечта, понятно, Большой театр, наши балерины, Уланова... Но мечта, а не то, что в просторечии часто называют этим словом. При словах о Большом театре ее лицо меняется от волнения. Она шепчет отцу:

— Дорогой мой...— И это значит: «Поедем!»

Я понимаю отца: как подняться с такой семьей — семеро детей, и маленькому лишь год.

...Вокруг предполагаемой поездки Чаплина в Москву пошла какая-то сплетня в западной прессе. Пишут, что Чаплин из любезности дал согласие советским писателям. Потом оказывается, что Чаплин ничего подобного никаким представителям прессы не говорил. Тогда сообщают, что это чье-то мнение. Хочу сказать, что Чаплин никакого согласия не давал, потому что мы не просили его давать согласия. Мы думали пригласить его в Советский Союз, и было бы странно, если бы мы этого не сделали, но случилось так, что в первые же минуты он сам заговорил о своем намерении поехать к нам.

— В каком месяце лучше это сделать?.. Можно ли сделать так, чтобы поездка не была парадной?

Прибавлю, если уж речь зашла о сплетне, что телеграмма о желании Чаплина поехать в Советский Союз была послана с его ведома.

Обо всем этом можно было бы не писать, но противно, когда врут и шипят.

За эти два часа мы заново узнали неузнаваемого Чаплина. Мне кажется, этот мудрец нас перехитрил. Мы думали повыспросить его, а он легко играл темами. Стал выспрашивать нас, при этом темы были отнюдь не пустяковыми. Например: о будущих отношениях Советского Союза с демократической партией Америки, которая тогда приходила к власти...

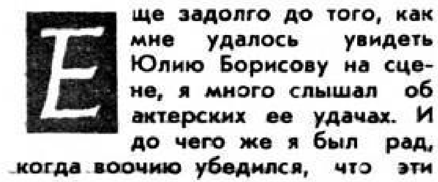
Но так как эти темы выражали наши частные мнения, то было бы излишне их касаться. Нас тронула широта тем, международная осведомленность артиста, его эрудированность в самых неожиданных вопросах, далеких его профессии.

Словом, в мире искусства, в мире передовой, радикальной, по-современному мыслящей интеллигенции Чарльз Чаплин — жемчужина, и жемчужина эта сияет.

Юлия Борисова

В. ТОПОРКОВ,
народный артист СССР

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Еще задолго до того, как мне удалось увидеть Юлию Борисову на сцене, я много слышал об актерских ее удачах. И до чего же я был рад, когда воочию убедился, что эти слухи нисколько не преувеличены!..

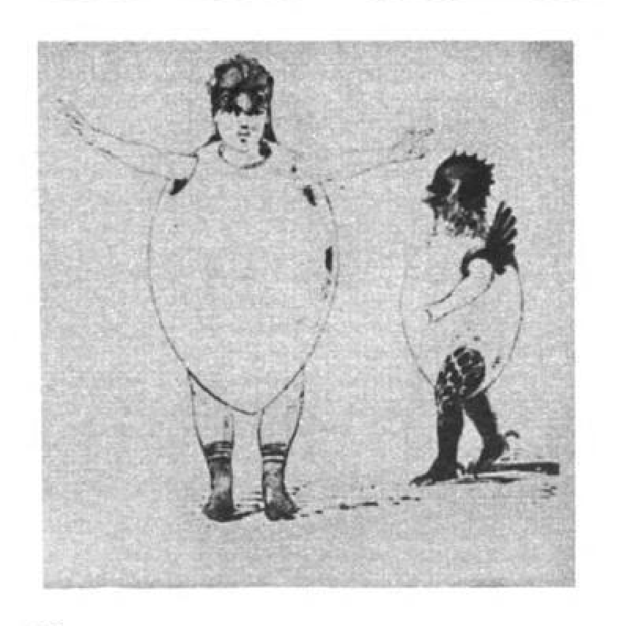
Я хорошо помню Борисову в пьесе Мамина-Сибиряка «На золотом дне», где она исполняла роль Анисьи. Этот спектакль очень взволновал меня. Почему-то все вспоминалась Мария Гавриловна Савина. Нет, конечно, у меня не возникала мысль, что Борисова подражает Савиной. Она не могла этого делать хотя бы уж просто потому, что никогда не видела Савину по молодости своей. И все же мне чудилось, что творческий дух великой артистки прошлого как бы незримо присутствовал в этот вечер в Театре Вахтангова, оживая и по-новому своеобразно отражаясь в великолепном мастерстве молодой советской актрисы.

Быть может, Борисова напомнила мне М. Г. Савину своими неповторимо свежими интонациями. Порой они до неправдоподобия неожиданны и в то же время всегда чрезвычайно жизненны и верны. Борисова так же, как Савина, обладает драгоценным даром восприятия сценической жизни как жизни подлинной, действительной. Этот процесс обостренного творческого восприятия и рождает у Борисовой удивительно отчетливое, яркое видение внутреннего мира героини, непрерывно возникающий поток мыслей, трепетный ритм сценического поведения...

Мне захотелось немедленно увидеть молодую актрису и сказать о своем отношении к ее игре. Я отправился за кулисы. Гордая Анисья сразу превратилась в скромную, милую женщину, которой, кажется, доставили удовольствие мои искренние слова привета и благодарности.

Вскоре я пошел смотреть Борисову в роли нашей современницы — продавщицы Вальки из «Иркутской истории». Исполнение это стало настоящим событием в театральной жизни. Заслуженному успеху артистки в «Иркутской истории» способствовало в равной мере и тонкое мастерство актрисы и глубокое ощущение современности. Ведь Юлия Борисова родилась и выросла в советские годы. Образы современниц ей всегда близки и понятны. Она проникается ими на сцене и живет с такой силой чувства, что захватывает душу зрителя целиком, без остатка. Все волнения становятся вашими, все переживания — родными. Они доставляют вам либо радость, либо горе, но равнодушными не оставляют никого...

И вот я смотрю ее в роли Настасьи Филипповны...

Акварели и музыка

Прекрасная сюита М. П. Мусоргского «Картинки с выставки» сочинена под впечатлением посмертной выставки художника-архитектора В. А. Гартмана. Что же это за произведения?

Две репродукции мне удалось найти в старых архитектурных журналах. Это акварели Гартмана «Богатырские ворота» и «Избушка бабы-яги», которым соответствует часть сюиты под названием «Баба-яга». Но остальные нигде не воспроизводились.

Разыскать одну из акварелей мне помогла Елена Дмитриевна Стасова. Как известно, ее дядя В. В. Стасов высоко ценил Гартмана, считая его преждевременную смерть большой потерей для искусства; он был инициатором посмертной выставки Гартмана. Е. Д. Стасова посоветовала обратиться в Русский музей. Оказалось, что там хранится одна акварель Гартмана. Научные сотрудники музея считают, что она называется «Катакомбы» и ей посвящена одна из частей музыкального сочинения.

В музее музыкальной культуры при Московской консерватории я обнаружил репродукцию с рисунка Гартмана «Балет невылупившихся птенцов», которая здесь воспроизводится. Это проект костюмов для балета «Трильби».

Искусствовед
В. ОСОКИН

Бесшу

Про бесшумный цвет мне рассказывал маляр Василий Егорович Звонков.

Как-то ему пришлось ремонтировать московскую мастерскую старого, известного художника. Когда они договаривались, художник сказал:

— А стены ты сделай бесшумного цвета, чтобы не мешал мне писать.

Боясь уронить свое профессиональное достоинство, Звонков с фасоном ответил: «Пожалуйста, это можно», — а сам удивился: о таком цвете он никогда еще не слыхал.

Приступил Звонков к ремонту. Все прокупоросил, выбелил потолок, дошла

Есть роли, которые являются неким камнем преткновения в театральной практике. Эти трудные роли обычно требуют от исполнителя, с одной стороны, всего обаяния молодости и красоты, с другой же,— отточенного и продуманного, зрелого мастерства, глубокого знания жизни и человеческих страстей. Мы, актеры, знаем, как редко это совместимо. Сценическое воплощение подобных ролей в большинстве случаев решается компромиссно: либо молодость, либо мастерство. К очень трудным ролям относится образ Настасьи Филипповны в «Идиоте». Но Юлия Борисова, играя эту роль, решила задачу без всяких компромиссов. Она бесспорно молода, прекрасна, обаятельна. И так же бесспорно достоверна в выражении самых глубоких психологических изгибов и бурных страстей, которыми наделен один из сложнейших образов Достоевского.

В этой роли актриса снова пленяет своим драгоценным дарованием, снова удивляет неожиданными интонациями — то озорными, то трагическими, то безыскусно трогательными, снова покоряет умением беспредельно раствориться в образе.

Посмотрите на снимки Юлии Борисовой. Только что окончился спектакль. Отгремели аплодисменты. Разошлись зрители. Актриса пришла к себе в артистическую уборную снять грим и костюм Настасьи Филипповны.

Но долго еще в ней живет та женщина, про которую князь Мышкин сказал: она очень несчастна, она много страдала.

Актрисе нелегко расстаться с образом. То скорбь, то гнев на ее лице. Сколько воли и страсти в выражении глаз и губ!..

И словно с сожалением начинает она наконец снимать грим. Медленно, медленно уходит Настасья Филипповна. Последнее движение руки, и вот мы лицом к лицу с нашей простой, милой современницей, чудесной актрисой Юлией Борисовой.

...Недавно Юлия Константиновна навестила нас — меня и мою жену. Мы были очень рады этому визиту. Так приятно было убедиться, что поразительный успех не вскружил голову молодой артистке. Она удивительно скромна и проста в общении. Ее манеры лишены малейших признаков актерской аффектации. Однако и в жизни Борисова своеобразно грациозна и полна прелестного женского обаяния.

Завязалась оживленная беседа. Больше всего мы говорили, конечно, о нашем любимом искусстве — о театре. Рассказывая о себе, о Вахтанговской школе, о своих педагогах, Юлия Константиновна проявила большую пытливость к вопросам актерского мастерства. Мою высокую оценку ее новых успехов смущенно восприняла как любезность хозяина или как забавную шутку...

Разговор касался и самых простых житейских тем. С большой любовью и юмором Юлия Константиновна рассказывала о своем десятилетнем сыне. Передавая тот или иной эпизод из жизни Саши, она смешила нас удивительно яркими мальчишескими интонациями.

Прощаясь, Юлия Константиновна застенчиво протянула мне книгу «Станиславский на репетиции», сказав, что давно мечтает получить мой автограф. От всей души я написал: «Юлии Борисовой — артистке, которая удивила меня своим прекрасным искусством. С искренней любовью. Автор».

До новых встреч, Юлия Борисова! До новых радостных встреч!

Теперь уж я твердо знаю, что не разочаруюсь. Ибо Юлия Борисова — актриса действительно редкого таланта и неисчерпаемых творческих возможностей.

ный цвет

очередь до стен, а он так и не знает, чем их крыть. Даже старинные маляры ничего не могли ему сказать, они только разводили руками да посмеивались, а сам он перебрал в памяти множество известных ему колеров — теплых и холодных, веселых и мрачных, глухих, ярких и бесцветных, но бесшумного среди них не было. Стал Звонков посреди залитой мелом мастерской, уперся подбородком в длинную ручку кисти и думает: как быть? В это время зашел художник, осмотрел все и спрашивает:

— О чем раздумываешь?

— Совестно признаться,— говорит Звонков, — а ведь я хоть и старый мастер, а не знаю, что это за бесшумный цвет.

Спросил голландской сажи, подсыпал ее немного в ведро с разведенным мелом, взял у Звонкова кисть, размешал, еще подсыпал самую крошку чего-то, махнул кистью по стене и говорит:

— Вот он, бесшумный цвет, так и крой...

Когда стены высохли, они стали спокойного серого цвета, легкого и приятного, который не лез в глаза и оказался самым подходящим фоном для любой картины.

Меня заинтересовал этот рассказ, и я спросил фамилию художника, но Звонков ее забыл.

Через некоторое время я встретил перемазанного красками Звонкова на улице, и первое, что он мне сказал, было:

— Вспомнил я того художника: Юон.

Б. АЛЕКСЕЕВ

ГЕРОЙ «ХАДЖИ МУРАТА»

Как известно, Л. Н. Толстой написал повесть «Хаджи Мурат» на основании фактического материала. Генерал Викентий Михайлович Козловский, описанный в повести, — личность историческая. Его солдатам и сдался Хаджи Мурат.

В Переславль-Залесском историко-художественном музее хранится большой портрет В. М. Козловского и коллекция оружия, собранного генералом на Кавказе.

К. ИВАНОВ

Переславль-Залесский.

Марки Кореи

История страны часто находит отражение в ее почтовых марках. Интересно проследить это на марках Корейской Народно-Демократической Республики. 15 августа 1945 года — знаменательная дата в жизни корейского народа. Дню освобождения Кореи посвящено 10 серий марок, выпущенных в разное время. Мирная жизнь республики была прервана вероломным нападением американских империалистов и лисынмановской клики. Ряд марок КНДР рассказывает об освободительной борьбе корейского народа. Венчает эту серию марка 1953 года, прославляющая победу над захватчиками.

Отстояв независимость родины, трудящиеся Кореи вновь приступили к созидательному труду. Многие почтовые марки республики посвящены развитию сельского хозяйства и индустриализации страны.

Весьма символичны выпуски, посвященные корейско-советской дружбе. На одной из последних марок мы читаем: «Вечно с советским народом!»

М. МИЛЬКИН

Враг папы

У меня есть редкая монета, с которой связана интересная история XVII века.

Герцог Христиан Брауншвейгский в 1622 году выпустил серебряные талеры, на которых было написано: «Друзья бога — враги папы». На оборотной стороне монеты изображено облако, из которого простерта правая рука рыцаря, поднявшая меч — меч борьбы против произвола католической церкви.

Герцог Христиан был ярым врагом католической лиги и папства, против которых он воевал во время Тридцатилетней войны. В одном из католических костелов была захвачена серебряная статуя «святого». Из этой статуи Христиан и велел чеканить свои талеры. Во время чеканки лопнул штамп. Католики, конечно, усмотрели в этом «знамение божье». Но еще больше они обрадовались, когда Христиан был ранен в левую руку. Во избежание заражения крови руку пришлось отрезать, что и было сделано в боевом лагере под звуки труб и барабанов. Католическая лига опять пыталась использовать этот случай, чтобы в проповедях указать, что бог отомстил богохульнику за поругание памяти «святого».

Но Христиан совершенно резонно заявил, что на талере изображена правая рука с мечом, а потерял он левую руку, так что это простая случайность, а не «божье наказание».

Папа и католики скупали и уничтожали талеры Христиана, чем и объясняется их редкость.

Киев.

З. ПРОХ

«Столб»

В том месте, где начинается дельта Лены, поднимается из воды гранитная скала. Река, прокладывая свое русло, размывала мягкие отложения и постепенно выточила поднимающуюся со дна реки колонну-останец «Столб». Ниже «Столба» Лена разделяется на многочисленные рукава, крупные судоходные протоки и множество мелких несудоходных. Одна из крупных, Быковская, ведет к Тикси.

На другой, Туматской, недалеко от «Столба» есть памятное место — могила участников американской экспедиции Де-Лонга, трагически погибших здесь в 1881 году. Экспедиция направлялась к Северному полюсу. После того как судно «Жаннетта» было затерто льдами и затонуло к северо-востоку от Новосибирских островов, несколько участников экспедиции вместе с начальником почти без продовольствия вышли по льду на пустынные берега Лены. Все они погибли.

Профессор Н. Н. СУШКИНА

Ручная кабаниха

Этот снимок сделан в заповедном лесу севернее Варшавы. Вы видите кабаниху, прирученную охраной заповедника. Животное любит выпрашивать у людей угощение и относится к ним вполне дружелюбно.

И. МИНОРСКИЙ
Варшава.

Евгения ЖАРОВА

Фото Я. ХАЛИПА.

Нет зрителей, пуст амфитеатр, накрыты холщовыми чехлами барьеры, чинно стоят ряды пустых кресел. На неярко освещенной арене репетируют артисты. Из конюшен и клеток доносятся рев, ржание, лай. Львы и тигры завтракают, птицы хлопают крыльями, собаки радуются предстоящей прогулке.

А вечером тысячи смеющихся, восторженных людей готовы воскликнуть вместе с Теофилем Готье: О изумительные фигляры, чудесные прыгуны! После того, как посмотришь вас, чувствуешь нечто вроде унижения оттого, что ходишь на ногах; хочется вернуться домой на руках или делая колесо...

БУЯН И ЕГО ДРУЗЬЯ

В парадный подъезд дома деловито вошла необычная пара: черный гималайский медведь и белоснежный, в серых яблоках конь. В окошке медведь получил пропуск, и друзья поднялись по лестнице на второй этаж. Увлеченный чтением рукописи, редактор художественного отдела заметил посетителей лишь тогда, когда почувствовал за спиной тяжелое дыхание. Подняв глаза, он чуть не потерял сознание, а потом, прикрываясь стулом, забился в угол.

Так начинается передача Минской студии телевидения «Артисты цирка в кино». Главные роли исполняют неоднократные участники киносъемок медведь Митя и конь Буян. Потом зрители видят отрывки из кинофильмов «Капитан Кодр», «Лично известен», «Косолапый друг».

А где же лента «Смелые люди»? Куда-то затерялась. Зрители ждут. И вот артист Ирбек Кантемиров и Буян разыгрывают сценку из кинофильма тут же, в студии.

Передача шла без предварительной репетиции. Это и понятно: лошади джигитов Северной Осетии Кантемировых привыкли понимать хозяев с полуслова. Рано утром с легкостью юноши садится в седло руководитель группы Али-Бек. Трудно поверить, что ему 80 лет. На горячих кабардинских скакунах выезжают на манеж его сыновья Хасанбек, Ирбек и Мухтарбек. Три всадника на полном скаку проскальзывают под брюхом своих лошадей. Казалось бы, вершина джигитовки достигнута. Но Ирбек стал выполнять этот трюк с завязанными глазами!

Лет пятьдесят назад Али-Бек исполнял номер, который до сих пор вспоминают знатоки и любители конного цирка. Всадник проскальзывал у мчавшейся во весь опор лошади не под брюхом, а между ее задними ногами. Повторит ли кто-нибудь это?..

«БРАВО, БУЛЯ, БРАВО!»

В зоопарке клетка со львами обнесена дополнительной оградой: подходить к «царям зверей», даже когда они за обычной решеткой, небезопасно. Но Тамара Буслаева большую часть времени проводит так, как показано на цветном снимке,— внутри клетки. И вопреки скептикам, утверждающим, что цирковые львы — это перекрашенные ягнята, что у них нет зубов, а любимая пища их — манная каша, львы Тамары и Александра Буслаевых очень молоды, здоровы, обладают нечеловеческим аппетитом, и вообще ничто львиное им не чуждо...

Но есть в цирке существа, работа с которыми считается почти такой же опасной, как работа с хищниками. Об этом свидетельствует пара стареньких коричневых рукавичек на толстой байковой подкладке, которая бережно хранится в ящике туалетного столика Елены Алексеевны Шкуновой. Изорванные рукавички — память о днях, когда она знакомилась со своими новыми партнерами по номеру — попугаями.

Двенадцать диких разноцветных попугаев, привезенных из Индонезии, даже близко не подпускали людей к клетке. Немало досталось и пуделям, с которыми они должны были подружиться и «работать». Лишь врожденным благородством собак можно объяснить их терпеливость. Пудели жалобно и вопросительно посматривали на дрессировщицу, когда попугаи били их и щипали.

Птицы не только рвали рукавички, а все норовили клюнуть в глаза. Стоило птицам остаться без присмотра, как они начинали развинчивать гайки, вытаскивать гвозди и воевать с замком. А если попугай вырывался из клетки, он разбрасывал и расклевывал все, что попадалось под клюв.

Теперь белоснежный какаду старательно переворачивается через голову, делает стойку

— Браво, Буля, браво! — раздается чей-то голос.

Елена Алексеевна подает Буле маленький нарядный зонтик, и попугай, бережно держа его, поднимается по лестнице.

— Буля, браво! — опять слышится одобрительный возглас.

— А теперь твоя очередь, болтушка Леди, — говорит дрессировщица и берет со стойки другого попугая.

Шкунова не ставила перед собой цели научить попугаев «говорить». Такие номера в цирке обычные. Заставить попугаев подружиться с собаками, сделать с ними общий номер — это уже труднее. Но Леди быстро переняла фразу дрессировщицы и не упускает случая блеснуть своим

Вверху: Выступает воздушная гимнастка Валентина Суркова.

Внизу: В клетке со львами — Тамара Буслаева.

умением. Кроме того, Леди, сидя на высокой стойке, ловко ловит мячики и бросает их белому пуделю Арто.

Заканчивается репетиция настоящим пиршеством. Вся крылатая труппа усаживается вокруг круглого столика, где перед каждым артистом уже приготовлены блюдечки с лакомствами — яблоками, орехами, печеньем, сахаром, конфетами.

Попугаи не жадны. Не торопясь, не роняя кусков, аккуратно едят они прямо с блюдечек. А Буля отличается и тут. Стоя на левой лапке, он правой берет кусок яблока и неторопливо отправляет в рот. Наблюдательная Леди замечает это и кричит: «Браво, Буля, браво!»

КЛОУНЫ

Униформист Митя Альперов еще точно не знает, каким клоуном он будет. За свою недолгую жизнь он уже успел повидать множество самых разных клоунов. Он наизусть знает программы любимца детворы Карандаша, изобретательного, неутомимого весельчака Б. Вяткина, добродушного, немного наивного и доверчивого латвийца А. Шлискевича, комического толстяка на ослике Акрама Юсупова, украинца Д. Середу с его «говорящей» собакой. Но, пожалуй, главная мечта Мити — стать таким, как дед и дядя — Сергей и Дмитрий Альперовы, известные русские клоуны. Но для этого сначала надо окончить школу, а потом цирковое училище.

Конечно, охотнее всего помогает Митя клоунам. В их костюмерной на столе такое разнообразие носов, что невольно представляешь себя на фруктовом базаре; на вешалке — целая коллекция шляп, брюк, пиджаков, жилетон, рубах, галстуков. Здесь бутафорские огромные ведра, стаканы и бутылки, башмаки, какие можно увидеть только на клоунах, и дрессированные собачки, которых «готовят» к полетам «в космос с арены».

А когда клоун на манеже, униформист — у форганга. Он не пропускает ни одного движения артиста, и хотя лицо униформиста серьезно, он радуется успеху вместе с публикой. Между тем Олег Попов выводит на манеж норовистую «корову» и «усмиряет» ее, пародируя штампы в работе дрессировщиков. После выступления жонглеров над клоуном взлетают кастрюли, крышки, тарелки, картофелины, вилки. Все это делается так, как будто клоун только вот тут решился на эксперимент и сам еще не знает, получится ли это,— такое удивленное у него лицо.

Наблюдаешь упорные репетиции Олега Попова на проволоке, и невольно вспоминаются слова Гете о театре: «Я бы хотел, чтобы сцена была так же узка, как веревка канатного плясуна: это отбило бы охоту у многих неискусных поступать на сцену».

На манеже Олег Попов.

Михаил ДУДИН

СОЛОВЬИ В ЯНВАРЕ

I

Дорогая моя!
Я тебя наяву
В эту зимнюю ночь
Дорогой назову.
Этот снег,
Эта снежность метельной зимы,
Словно нежность,
Которую прятали мы
От друзей,
От себя,
От тревог и обид.
Белый снег.
Белый свет
Полушалком обвит.
Снег горит хрусталем
И звенит хрусталем.
И мороз по долинам
Идет кустарем.
На кустах снегири
Фонарями зари.
О любви говори
И опять повтори.
Мне не след в эту ночь
Расставаться с тобой.
Наша юность
Военной отпела трубой.
Нашу юность
В сугробах метель замела.
Наша юность,
Как первая песня, была,
Как признанье в любви,
Как сиреневый дым.
К синим звездам
Лететь предстоит молодым
И твоею мечтой
И моею мечтой,
Словно звездной,
Ликуя, дышать высотой.

II

Над туманной водой
Прокричал козодой.
Ты была мне далекой
И верной звездой.
Средь далеких светил
Мне огонь твой светил.
Я любовью своей
Твой огонь освятил.
Я тебя сторожил,
Как земной старожил.
Я одною тобою
И грезил и жил.
Над туманной водой,
Над седой лебедой
Ради встречи с тобой
Я встречался с бедой.
Ты пришла, чтоб уйти
По другому пути,
Мне другого пути
За тобой не найти.
Я с тобою вдвоем
В древнем сердце моем
Согреваюсь твоим
Отраженным огнем.

III

Ты мне всегда писала: «Будь!»,
Заканчивая письма.
И всей земной тревоги жуть
Тогда лишалась смысла.
И на распутье роковом,
Освободив ветрила,
Мела метель в сороковом
И в сорок первом била.
Снега сошли и смыли след,
Но, сердцем верный чуду,
Кричу тебе сквозь двадцать лет:
— Я был! Я есть! Я буду!
Я на полслова не солгу
Пред тем, что в песне спето.
И крик теряется в снегу
И глохнет без ответа.

IV

О песня — служба связи,
Союзница любви!
Как сказано в приказе,
Все нити оборви.
Оставь хоть только волос,—
Я вновь его совью.
И на морозе голос
Вернется к соловью!

V

Сегодня молодость моя —
Грядущего паломница —
Ушла в далекие края
И не дала опомниться.
Не запятнала свой престиж
И словом не ославила.
Кустарник рыж. В снегу от лыж
Лишь только след оставила.
Метет метель на след в снегу,
А я по следу следую.
Я задыхаюсь, но бегу,
Как спринтер за победою.
Лишь только звездный
пересверк.
И некогда опомниться!
Идет дорога только вверх
И наверху — виновница.

VI

В природе опять перемена:
С утра начинается снег.
И хочется крикнуть: «Елена!»
В горбатых сугробов разбег.
Дрожит придорожная веха.
Лесная молчит полоса.
И прячут ответное эхо
В морозном узоре леса.
Снегурочке — вольная воля:
Летучей поземкой пыля,
Лететь через снежное поле,
Сугробы огнем опаля.
И только над ночью глубокой
Высокой звезды острие,
Как свет твоей жизни далекой,
Проходит сквозь сердце мое.

VII

Успехи и потери.
Звезды высокой цель.
Опять стучится в двери
И ломится метель.
Я выхожу наружу,
На белое крыльцо,
И окунаю в стужу
Открытое лицо.
И снова верю в лето
И повторяю вновь,
Что песня не допета,
Не кончена любовь.
Грохочут сквозь тоннели
Ночные поезда.
И манит к дальней цели
Высокая звезда.
Ну, что ж! Мети, поземка,
Неистовствуй, балу́й!
И на морозе звонко
В открытую целуй.

VIII

Как длинны морозные ночи!
Как жутко в морозной ночи
В седом буреломе хохочут
И гибель пророчат сычи,
В разладе, без склада и слада,
Кричат с обгорелой сосны!
Кошмарами Дантова ада
Земные наполнены сны.
Прислушался лес корабельный,
И тихо, без просьбы помочь,
Возникнув, мотив колыбельный
Вплывает в совиную ночь.
И греет морозные ночи,
И страх отгоняет в ночи,
И тушат совиные очи
Спокойного солнца лучи.

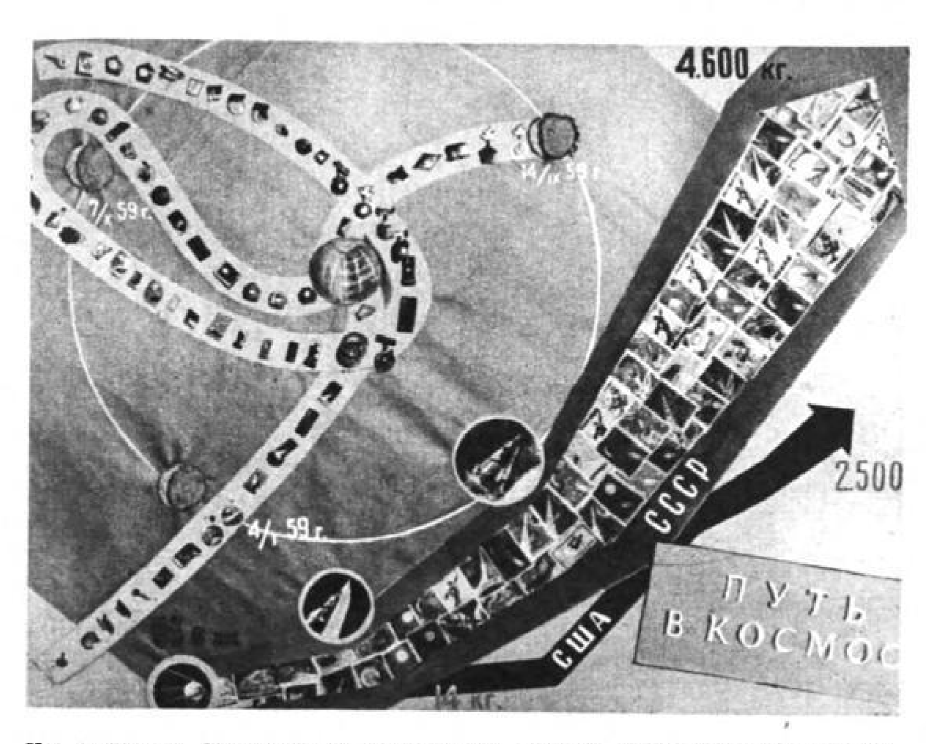
IX

Ты не смейся.
Я с детства люблю чудеса.
В шапках снега — леса,
И в заре — небеса.
Пусть разбудят тебя
На холодной заре
Соловьи в январе
И леса в серебре.
Соловьиная песня
В морозном снегу.
Здравствуй, сердце мое!
Я тебя сберегу.
Я тебя охраню
От разлук и обид.
Окоем
Алой лентой восхода обвит.
И слюда на стекле,
И в слюде резеда,
В резеде
Полуночная тает звезда.
И с тобой обручен,
И тебе обречен,
Я стою за твоим
Потеплевшим плечом.
Поцелую плечо
Горячо,
Горячо,
Столько раз
Выручавшее песню плечо.
Ты услышишь опять
На холодной заре
Соловьев в январе,
Соловьев в январе.

X

Разбудит нас с тобой
И окалует нас
Тишайшей тишиной
Передрассветный час:
Ни свет и ни заря,
Ни полночь и ни день;
Как стих из букваря,
Как легкой тени тень,
Как первый взмах ресниц,
Как удивленный взгляд,
Нетронутых страниц
Насущный мед и яд.
И сердце позовет
Сумятицей дорог
Идущий день забот,
Грядущий день тревог.

НЕОБЫЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

На стенде в Московском планетарии значки коллекции расположены по траектории движения советских космических ракет, а спичечные этикетки наглядно показывают увеличение веса советских искусственных спутников Земли и космических кораблей. Скоро в коллекции появятся новые экспонаты, показывающие выдающийся успех советской науки и техники,— запуск тяжелого спутника Земли весом в 6 483 килограмма.

Фото А. Гостева.

Коллекции бывают разные. Одни люди всю жизнь собирают марки, другие — открытки, третьи — монеты. Лектор Московского планетария В. К. Луцкий подчинил свою коллекцию одной теме — завоевания советскими людьми космического пространства.

В его собрании находятся все виды марок, открыток, конвертов, плакатов, выпущенных в Советском Союзе в связи с запусками искусственных спутников Земли и космических ракет, более ста различных значков, модели спутников, медали, отлитые в честь их запуска...

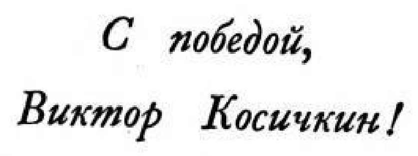
На проходившей недавно выставке работ коллекционеров собрание Луцкого получило диплом с отличием.

Сейчас часть его материалов выставлена в Московском планетарии. В дни, когда мир облетела весть о запуске советского тяжелого спутника Земли, около экспонатов «космической» коллекции особенно людно.

Этот снимок сделан в Хельсинки 4 февраля вечером, в снегопад. Наш замечательный скороход Виктор Косичкин мчится к золотой медали чемпиона Европы.

Старт Косичкина был не совсем удачен. На первой же дистанции ледового многоборья — 500 метров — молодой спортсмен, выступая в паре с одним из главных своих соперников, голландцем Ван дер Грифтом, потерял на повороте равновесие и финишировал со слабым для себя результатом — 45,3 секунды.

Победу на дистанции 500 метров одержал другой советский спортсмен, Евгений Гришин. Его время — 42,3 секунды — никто не смог превысить. Что же оставалось делать Косичкину? Лишь то, что он и сделал: наверстывать потерянное на своей коронной дистанции — 5 тысяч метров. Косичкин прекрасно справился со своей задачей. Его результат — 8 минут 17,4 секунды — был очень высоким для оттепели, и по сумме двух дистанций наш спортсмен стал лидером чемпионата. А на следующий день он показал второе время в беге на 1 500 метров и, лучше всех преодолев 10 тысяч метров, завоевал золотую медаль абсолютного чемпиона Европы!

Фото специального корреспондента ТАСС В. Соболева (принято по фототелеграфу).

НА ФИНИШЕ

Сильнейшие шахматисты страны прошли финишную прямую. Впереди, казалось бы, желанный отдых, но вот мы слышим от М. Тайманова: «Жаль, что турнир кончается». В чем же дело? После восьмого тура Тайманов шел одним из последних, но блестящим рывком в середине турнира обеспечил себе место в гроссмейстерской десятке.

Хорошо финишировал и В. Корчной. Прекрасно переиграв Э. Гуфельда, чемпион СССР, отстававший от лидеров, значительно продвинулся вперед. В 14-м туре на Корчного работал и В. Симагин, который нанес поражение Б. Спасскому. Спасский раскрыл нам небольшой «производственный секрет»: вместе с тренером он решил начать партию ходом ферзевой пешки. Однако уже усевшись за доску, вдруг захотел начать партию ходом королевской пешки. О своем намерении гроссмейстер собирался по телефону поставить в известность тренера, но, не застав его дома, решил действовать на свой риск и страх... Чем кончился этот риск, мы уже знаем: экспромт Спасского закончился потерей очень важного очка.

Казалось бы, что мастера должны радоваться тому, что один из них, Л. Штейн, вклинился в лидирующую гроссмейстерскую компанию. Оказывается, это не так: С. Фурман «железной рукой», не колеблясь ни минуты, попытался затормозить победное движение молодого чемпиона Украины. Но это ему не удалось, хоть партию он и выиграл.

В. Смыслов и Е. Геллер за последние десять лет неоднократно портили друг другу нервы и шансы в турнирах. На этот раз Геллер очень сильно провел ответственную партию. Поражение В. Смыслова отбросило экс-чемпиона мира в опасную зону, где он имел все шансы оказаться «пятым лишним».

В итоге этих событий в одном туре В. Корчной убил сразу «трех зайцев»: Смыслова, Спасского и Штейна.

В. Симагин на старте перехитрил Т. Петросяна и В. Корчного и спас критически сложившиеся для него партии с этими грозными соперниками. На финише Симагин заговорил во весь голос: после Спасского он в пятнадцатом туре «обидел» еще одного гроссмейстера, Л. Полугаевского. Но Симагин считает, что лучше всех он «перехитрил» И. Болеславского. Симагин родился на шесть дней раньше гроссмейстера, и поэтому роль старейшего участника чемпионата была предоставлена Болеславскому...

Общая суматоха, всеобщая турнирная «рубка» устраивала Т. Петросяна, который шутя обыграл А. Хасина. Тигран Петросян — заядлый болельщик футбола и вернейший спартаковец. Гроссмейстер решил компенсировать неудачу в прошлом футбольном сезоне «Спартака» и старался изо всех сил, чтобы спартаковец стал хотя бы чемпионом страны по шахматам. Во встрече с Л. Полугаевским лидер чемпионата загнал противника в невероятный цейтнот. Это был «цейтнот цейтнотов»: на 16 ходов две минуты! И зрители не могли удержаться от аплодисментов в адрес Полугаевского, когда он все же успел сделать все 40 ходов. Но Петросяна не выбило из колеи достижение Полугаевского. Сам Тигран предпочел другие аплодисменты, которыми зрители встретили его победу над Полугаевским при доигрывании. Этот успех позволил лидеру турнира «убежать» от своего друга Е. Геллера на целое очко вперед.

17-й тур был, в сущности, решающим для определения чемпиона страны. Тигран Петросян, добившись победы над Марком Таймановым, практически обеспечил себе первое место. Таких блестящих успехов достигали лишь немногие. В последние годы на чемпионатах СССР шла упорная борьба за первенство до конца турнира.

Когда читатель узнает о победе Тиграна Петросяна, ему уже будут известны имена и трех его попутчиков на межзональный турнир. Сейчас же, когда пишутся эти строки, можно только предполагать, что ими станут В. Корчной, который добился в предпоследнем туре важной для себя победы над Б. Спасским, Е. Геллер и Л. Штейн.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Разговор в заводском клубе

Рижский вагоностроительный завод. Кто не знает его продукции! Многие наши читатели ежедневно ездят на «электричке» в вагонах, сделанных на этом заводе. Другие пользуются удобными трамваями, построенными рижанами. В большом заводском коллективе много постоянных читателей и подписчиков «Огонька». Недавно они собрались на конференцию, чтобы обсудить работу нашего журнала. Конференцию открыл секретарь парторганизации завода Н. Ф. Хорун.

После сообщения о планах журнала на 1961 год выступили конструктор Л. Н. Капитановский, электросварщик Я. М. Болковский, заместитель главного технолога А. Р. Волченков, заведующий клубом Б. А. Блинков, начальник планового отдела В. Подымин.

Читатели внесли ряд интересных предложений, касающихся содержания и оформления журнала.

Ник. КРУЖКОВ

Путевые заметки

Бухарест. Вид центральной части города.

Вернувшись из Румынии

Видный американский чиновник административного округа Колумбия Дэвид Б. Каррик, посетивший в 1959 году Румынию, перед отъездом делился своими наблюдениями. «Каждого приезжающего в Румынию иностранца поражает какая-то особая прелесть, — сказал он, — а также жизнерадостность, которая читается на лицах ее жителей. Накануне отъезда моим умом и сердцем владеет самое глубокое желание вернуться в Румынию, чтобы еще лучше познакомиться с этой страной, с ее жизнью».

Дэвид Б. Каррик принадлежит к среде тех людей, которых трудно назвать друзьями Румынской Народной Республики. В США официальные пропагандисты из кожи лезут вон, чтобы доказать недоказуемое: румынский народ, свергнувший иго иноземного господства, самостоятельно строящий свою жизнь, избавившийся от паразитарных классов, добившийся огромных социальных и хозяйственных успехов, стал, оказывается, «порабощенным».

Логики тут нет решительно никакой, но заокеанские пропагандисты нисколько этим не смущены — тем хуже для логики. Признание Дэвида Б. Каррика великолепно опровергает утверждение бардов мирового империализма.

1

Поезд пришел в Бухарест рано утром. Огромный Северный вокзал шумел многолюдьем. Так же, как у нас, суетились носильщики, гремели автокары, люди обнимались, целовались, обменивались рукопожатиями. Только жестикуляция казалась более энергичной. И речь звучала кругом незнакомая, хотя и слышались в ней сочетания слов, известных со школьных лет: румынский язык уходит своими корнями в меднозвучную латынь, и черты ее настойчиво проступают сквозь ткань современного румынского языка. Молодежь с рюкзаками и лыжами собралась группами. Только куда же она собралась? Ни одной снежинки кругом, над Бухарестом висит серое небо и моросит дождь, хоть и январь на носу. Едут они далеко в горы, там снег, а значит, и зимние спортивные радости.

Двери вокзала захлопнулись, и огромный город возник перед глазами: кварталы новых, очень изящных и красивых домов раскинулись у самого вокзала со своими многоцветными балконами; во все стороны побежали улицы, вперемежку новые и старые, замелькали витрины магазинов, полные товаров, запестрели неоновые вывески; автобусы, троллейбусы, трамваи, такси, автомобили разных марок везли народ на предприятия, в учреждения по разным делам. Бухарест — город трудовой и просыпается рано...

Вот он каков, Бухарест, столица Румынии, ее крупнейший индустриальный и интеллектуальный центр. Город развертывался все шире и шире, парки и бульвары сменяли улицы, переплетались с ними. У бывшего Королевского дворца часовых, естественно, не было: Национальный художественный музей, разместившийся в нем, не нуждался в вооруженной силе, а Гогенцоллернов, владычествовавших в Румынии, как известно, давно выдуло ветром истории.

2

Первое впечатление от города и страны, ранее незнаемых, всегда очень сложно и вместе с тем точно. Новые краски слепят глаза, новые шумы оглушают, но когда стараешься определить свое отношение к виденному, всегда обращаешься к первому впечатлению. Бухарест своим обликом напомнил мне красивого человека, умеющего и работать и радоваться жизни. Какое-то обаяние разливал этот город! А тут еще неожиданно выглянуло солнце, разогнало тучи, рассыпало щедро золотые блики на окна домов, на лица людей, на глянцевитый от недавнего дождя асфальт. Все засияло вокруг — и Бухарест стал поистине прекрасен.

Но как же мне разобраться в этом громадном, полуторамиллионном городе и как описать его, много раз воспетого самыми различными перьями? Тут на помощь мне пришли добрые и славные товарищи из журнала «Флакара» («Пламя»), румынского брата «Огонька», Надежда Степановна Цинця и молодой литератор-переводчик Николай Стоян. Это были остроумные, приветливые и выносливые люди. Они решительно взяли меня под свою опеку. Передвигаясь всеми доступными средствами, мы в течение нескольких дней объехали и обошли почти весь город. Мы смотрели замечательный новый румынский фильм «Даркле», посвященный творчеству оперной певицы Хариклеи Хартулари (Даркле), являющейся гордостью не только национальной, но и европейской сцены. Фильму этому, несомненно, предстоит славный путь по всем странам, ибо он поэтичен, музыкален, отмечен игрой талантливых актеров. Объемный по широте чувств, вызываемых у зрителей, он в какой-то степени воскрешает в памяти знаменитый «Большой вальс».

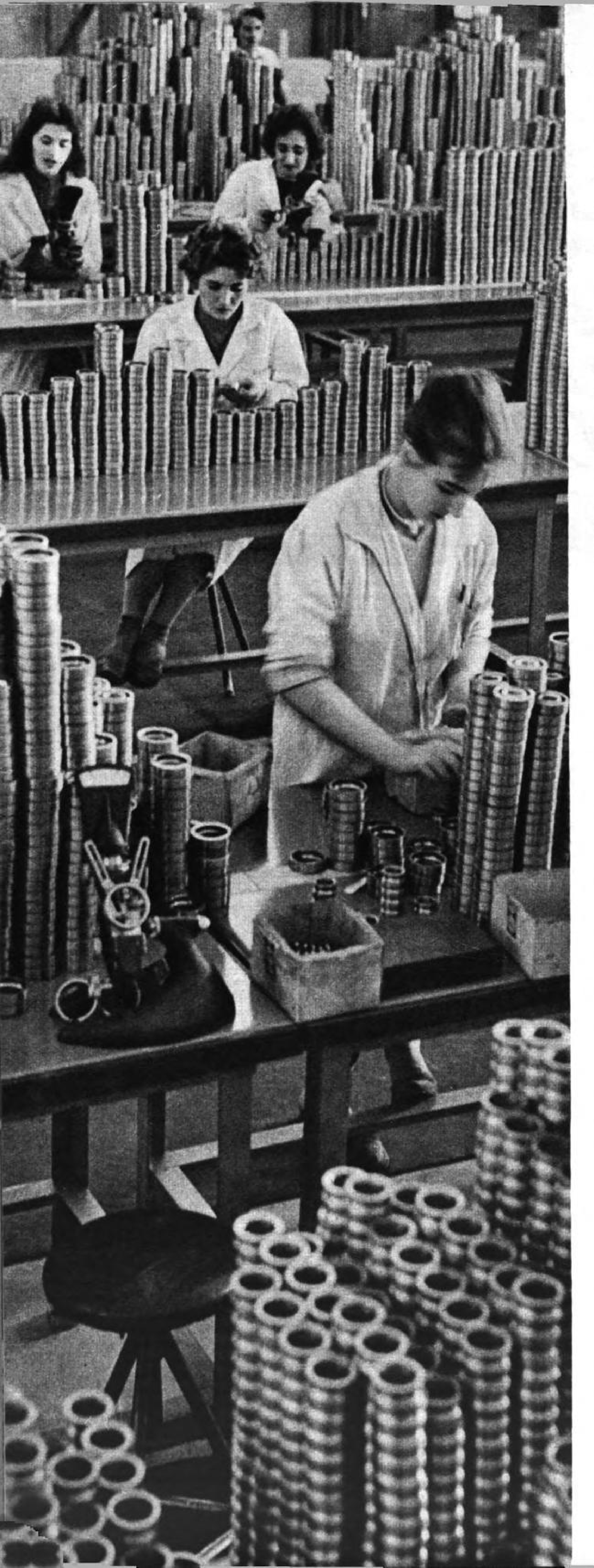
Мы побывали в оперном театре и слушали «Богему»: голоса красивые, постановка изящна, художественное оформление превосходно; в театре оперетты шла премьера «Лизистраты», известная тема которой в новом тексте остроумно повернута против тех, кто разжигает войну, и потому звучит вполне современно (кстати, по-румынски «война» — «разбой»); в эстрадном театре, где было оживленно и весело.

В Национальном художественном музее мы любовались картинами старых художников и современной румынской графикой, очень талантливой и сильной; с удовольствием посетили Военный музей, многие разделы которого посвящены традиционному русско-румынскому боевому содружеству, истоками своими уходящему во времена Грюнвальдской битвы, укрепившемуся в освободительных войнах с Турцией и нашедшему свое завершение в совместной борьбе против гитлеризма.

Совершенно очарователен Бухарест вечером, когда толпы гуляющих заполняют его нарядные улицы, когда всюду оживление, веселье, смех. Множество ресторанов и кафе гостеприимно открывают свои двери — и кругом полно: в Румынии вечером не любят сидеть дома. В каждом ресторане — танцы, причем в танцевальной толчее вы увидите и старых и малых, веселящихся с полной непринужденностью.

Действительно, дух жизнерадостности царит над городом.

Утром следующего дня мы забрели в новый район Бухареста. Недавно это была пустынная окраина, где паслись овцы. Теперь мы увидели красивые дома в два-три этажа строго современного стиля, легкие и светлые.

Все улицы здесь названы именами композиторов, что невольно создает представление об одухотворенной жизни обитателей этого района. Мы шли по улице Доницетти, потом оказались на улице Пуччини, по соседству располагались улицы Шопена, Моцарта, Баха, Глинки, Чайковского. Выпутавшись из лабиринта композиторских имен, мы, подавив стеснительность, зашли в первую попавшуюся квартиру. Это была квартира № 4 в доме № 116 по улице Флоряску.

Нас встретили так, словно мы были век знакомы. Главой семейства оказался Августин Хулпуш, старый механик, бодрый человек 60 с лишним лет. Добродушно улыбаясь, он представил нам всех своих домочадцев: жену Анну, зятя Николая, дочь Марию и гордость семейства — трехлетнюю внучку Монику.

— Хорошо! — сказал он по-русски.

На этом его знания русского языка и кончились, что, впрочем, не помешало дальнейшей оживленной беседе.

Живет семья дружно и славно. Работают трое: сам Хулпуш, зять, дочь. Мать, естественно, хлопочет по хозяйству.

— Внучка Моника!.. О, вы сами увидите, какая это хорошая девочка! Конечно, мы ее балуем, да что поделать: она у нас одна. Теперь у нас хорошая трехкомнатная квартира со всеми удобствами. Мебель и ковры купили в рассрочку. Сама квартира обходится нам в 90 лей в месяц, а со всеми расходами — 200 лей. Наш заработок? Я получаю 700 лей пенсии и немного работаю, прибавьте 500 лей — итого 1200. Зять служит в милиции, его зарплата — 1 300 лей, дочь — бухгалтер, ее оклад — 1 100 лей. Этих денег хватает не только на жизнь, но и остаются сбережения, как говорят, про черный день. Черных дней мы не опасаемся — их у нас было немало в прошлой жизни, — но...

Тут старый Хулпуш стал серьезным.

— Чтобы только не было войны! — сказал он.— Народ у нас стал жить хорошо. Война может разрушить все, что создано. Этого нельзя допустить.

Моника принесла свои игрушки и молча разложила их перед нами.

Старик погладил внучку по голове.

— Хочется, чтобы она росла спокойно. Ваша страна борется за мир, Румыния — вместе с вами... Да нет, что же я так сижу!.. Анна, Мария, Николай — за стол!

На столе появились домашнее печенье, фрукты и, конечно, графинчик цуйки — местного напитка, изготовляемого из слив.

— За мир и дружбу! — воскликнул старый Хулпуш.

Все присутствовавшие энергично поддержали этот тост.

...Казалось мне, что я нахожусь не в Бухаресте, а где-нибудь в Москве, на Малой Бронной, у старинных добрых друзей. Одинаковые чувства, одинаковые стремления и желания, одно солнце над головами.

Хулпуши всех стран хотят мирно трудиться и мирно жить!

←
Румынские шарикоподшипники (г. Брашов).

3

Для того, чтобы понять нынешнюю жизнь страны, надо хоть в малой степени знать ее прошлое.

Румыния, одно из самых богатых государств Европы по своим естественным ресурсам, жила до народной власти в вопиющей нищете. Ее промышленность более чем на 80 процентов принадлежала иностранному капиталу. Главным богатством страны — нефтью распоряжались англичане, немцы, американцы — кто угодно, только не румыны. Румыния была страной «лишних ртов». В промышленности и сельском хозяйстве имелась постоянная резервная армия безработных в 2,5 миллиона человек. Шестая часть крестьян вовсе не имела земли, огромное большинство вынуждено было арендовать землю у помещиков и кулаков. Представители румынской буржуазии официально провозгласили Румынию «в высшей степени аграрной страной», цинично утверждая, что единственным национальным видом промышленности является «индустрия зубочисток».

В 1939 году в Румынии вышла брошюра, посвященная вопросам здравоохранения. Вот что в ней писалось: «Кто у нас не знает, что младенца в возрасте до одного года крестьянка одурманивает цуйкой, чтобы усыпить его до своего возвращения с полевых работ? Кто не знает, что, едва научившись ходить, ребенок уже пасет скот, голодный, а иногда опьяненный подобием вина, изготовляющегося в равнинных районах страны? Известно ли, что в большинстве случаев в двух комнатах сельской школы набито по 150 ребятишек? Когда же дети заболевают распространившейся в районе заразной болезнью, почти нет возможности изолировать больных. А жилища! Из них почти пятьдесят процентов имеют глухие, нераскрывающиеся окна, сквозь которые солнечный луч почти не проникает в дом. Грудные дети, пока их родители в поле, спят в корыте рядом с новорожденным теленком или наседкой с цыплятами. Что же удивительного в том, что сыпной тиф прочно укоренился в нашей стране? А скарлатина, дифтерия и другие болезни, которые ежегодно уносят столько детских жизней? Наша страна — одна из тех стран, где отношение к человеку характеризуется полным пренебрежением, где с ним никто не считается».

Кто же автор этой брошюры? Коммунист? Нет, это написал министр здравоохранения в правительстве короля Кароля II генерал Маринеску.

...Бухарест хорош, но надо ехать дальше, смотреть страну, знакомиться с ее жизнью. Времени так мало, только десять дней, а хочется увидеть все, а все увидеть невозможно.

Мы приехали в город Брашов, крупный индустриальный центр, поздно вечером, и красоту его сразу распознать было невозможно. Позади остались горы, исхлестанные дождями, укрытые пологом свирепых туч; Синайя, в прошлом королевская летняя резиденция, а теперь всенародный курорт; долина капризной и шумной реки Праховы; станции и полустанки; наши спутники: молодой военный врач, увлеченный проблемой сер-

дечно-сосудистых заболеваний, юноша спортсмен, спавший всю дорогу и оживлявшийся только при звуках девичьих голосов; солидный инженер, ехавший на консультацию в Сибиу.

Мы — это писатель-переводчик Николай Стоян, старый репортер, «волк журналистики» Фредерико Урсяну и я. Урсяну поехал с нами потому, что он знает Румынию как свои пять пальцев: вся страна изъезжена им вдоль и поперек. «И уж лучшего попутчика и знатока вам не найти»,— сказали мне в редакции «Флакары». Это оказалось чистой правдой. К тому же Урсяну захватил с собой гигантской величины фотоаппарат, а без этой машины, как известно, никакое порядочное путешествие не обходится.

Утром Урсяну вошел в номер гостиницы сияющий и радостный.

— Смотрите, как нам повезло! — сказал он, открывая занавес.

Яркое солнце било в окна. Свежий горный воздух ворвался в комнату. Город раскинулся своими улицами в узкой теснине, двумя сторонами упершись в горы, а третьей выходя на широкую, ровную гладь. Окраины дымили трубами многочисленных заводов, улицы, обставленные красивыми домами, шумели народом. Море черепичных крыш лежало перед нами. До ближайших гор, казалось, можно было дотянуться руками. Вдали синели мощные отроги Южных Карпат.

— Пойдем смотреть Черную Церковь, ей семьсот лет. И остатки старинной крепости. Ей тоже примерно столько же,— сказал он.

— Но надо побывать на каком-либо из новых заводов,— робко попросил я.

— Завтра,— непреклонно ответил Урсяну.— А сегодня — город, улицы... Вы знаете, какие тут улицы? Средневековые — пальчики оближете. Впрочем, послезавтра мы будем в Сигишоаре и Сибиу. Вот там, я вам скажу...

Глаза Урсяну горели огнем решимости. Возражать ему было невозможно.

Название Брашов мне раньше не было известно. Зато со школьных лет, изучая географию, я запомнил город Кронштадт, а неподалеку от него — Германштадт. Названия эти рифмовались, а потому и застряли плотно в памяти. Брашов и есть Кронштадт, входивший в свое время в состав лоскутной австро-венгерской монархии.

— А Германштадт — это Сибиу,— заметил Урсяну.

Все стало ясно. Мы пошли в город. Он был и впрямь очень красив и своеобразен, с причудливым переплетением старого и нового — узких переулков и вполне современных широких улиц. Но что было самым приятным — это дух, вкус жизни, который ощущался в движении народа, в бойкой торговле, в веселых лицах жителей.

Так же, как и в Бухаресте, царило над всем ощущение жизнерадостности.

Мы любовались зданием театра, лазали на крепостные стены, осматривали почтительно Черную Церковь — величественное готическое сооружение, набожно вознесшее свой шпиль к самому небу, бродили по переулкам, видели новые, отличные школы.

К вечеру вернулись в гостиницу, не чуя под собой ног. Но Фредерико Урсяну был неутомим.

— На улицу! В город! — кричал он громовым голосом.— Я покажу вам, как отдыхает и веселится вечерний Брашов...

И он снова потащил нас за собой, непреклонный, как судьба. Он знакомил нас с образцами румынской национальной кухни, а также заодно и венгерской, мы слушали народные песни и оркестры всех категорий, мы видели, как действительно весело умеют отдыхать брашовцы после трудового дня: всюду было полно, но не тесно, всюду оживленно, но не пьяно.

А Урсяну ел перец. Он ел его во всех видах, словно вкуснее ничего не было на свете. Мне казалось, что вот-вот наш Фредерико вспыхнет синим огнем. К этому перцу русскому человеку невозможно и прикоснуться: он испепеляет.

Я попросил Урсяну объяснить причину такой привязанности к столь острому блюду, и он рассказал мне следующее:

— В конце двадцатых годов служил я граничаром (пограничником) в румынской королевской армии. Одеты мы были, как оборванцы, а голодны, как церковные крысы, еле волочили ноги. Чтобы окончательно не пропасть, мы воровали перец с огородов, рубили его, превращая в кашу, и ели. С тех пор привык.

Моника — любимица семьи механика Хулпуша.

4

Из всех многочисленных предприятий Брашова мы выбрали самое новое — завод шарикоподшипников «Рументуль». Производство это очень важно для промышленности Румынии. Кроме того, всем известно, что эта продукция требует высокой квалификации как инженерного состава, так и рабочих.

На заводе работает около трех с половиной тысяч человек. Большинство из них — молодежь.

Генеральный директор завода Думитру Пуря встретил нас с искренней приязнью. Молодой инженер Сандеску, главный конструктор завода, взялся сопровождать нас.

Мы увидели хорошо организованное предприятие, работающее ритмично и четко. Был разгар рабочего дня, и все кругом кипело в труде. Удавалось только на ходу перебрасываться приветствиями и задавать вопросы.

На заводе много молодых женщин. Они сосредоточены главным образом в отделе технического контроля. Здесь требуются зоркость и чисто женская аккуратность. Одетые в белые халаты, они работают в перчатках. Кажется, что попал в больницу, в окружение медицинских сестер.

Завод разместился в ангарах бывшего аэродрома. Когда-то здесь служили богу войны, а теперь служат миру.

И Думитру Пуря и Аурела Сандеску с гордостью, понятной для инженеров, рассказывали, как завод выполняет план, снижает себестоимость продукции, с восторгом говорили о деятельном, творческом рабочем коллективе. Примерно треть рабочих учится на разных курсах усовершенствования, а 80 человек — в вузах.

«Сейчас приступили к постройке автоматических линий — это дело для нас новое, ничего, осилим! Заметьте, наш, социалистический рабочий думает о производстве, старается его всемерно улучшить, только рационализаторские предложения дают нам около миллиона лей экономии в год».

«А заводской клуб! Оркестр, хор, танцевальный ансамбль клуба славятся на весь город».

«Всюду на заводской территории сажаем деревья и цветы, хотим, чтобы у нас был завод-сад».

Как в нашей стране, так и здесь, в Румынии, в Брашове,— те же чувства, стремления и радости! Все знакомо, все родное.

Забросали вопросами и нас. Как Москва? Как там живут люди? Думитру Пуря только недавно вернулся из Москвы, советская столица оставила у него неизгладимое впечатление. Конечно, он был на московском Подшипниковом заводе, знакомился с постановкой дела. Да и сейчас несколько инженеров завода находятся в Советском Союзе, обогащают свой опыт. Москва — отличный город, его забыть невозможно...

Так протянулись зримые связи между заводом «Рументуль» и московским Подшипниковым, между Брашовым и Москвой, и я почувствовал себя связанным с брашовскими товарищами чем-то более тесным и крепким, чем простое знакомство.

Окончание следует.

Подарено Якутии

Крупный ученый в области экономики сельского хозяйства профессор Михаил Федорович Габышев был знатоком и ценителем изобразительного искусства. Все свое свободное время и средства он затрачивал на поиски и реставрацию редчайших произведений искусства. В коллекцию, собранную им на протяжении жизни, вошли произведения живописи, скульптуры, графики и прикладного искусства западноевропейских мастеров XVI—XVIII веков, а также произведения античного искусства.

Ученый не оставил завещания. Однако при жизни он в кругу своих родных и друзей не раз изъявлял желание передать коллекцию в дар родной Якутии, сыном которой был.

Благородный замысел профессора осуществили вдова Ксения Николаевна и сыновья Лев Михайлович и Густав Михайлович. Свыше 250 произведений из ценнейшей коллекции, собранной М. Ф. Габышевым, уже доставлены специальным рейсом на самолете из Минска в Якутск.

Правительство Якутской автономной республики с благодарностью приняло прекрасный подарок своего земляка, который был одним из активных организаторов Советской власти в Якутии. В Якутске создан филиал республиканского музея, где размещается коллекция М. Ф. Габышева. Перед зданием музея будет установлен бронзовый бюст ученого. Народный художник БССР скульптор-академик Заир Исаакович Азгур работает над портретом своего друга.

М. МОРОЗОВ

Я. Желли «Натюрморт с рыбами».
Из коллекции М. Габышева.

ГОРДИМСЯ ВАМИ

Воспитательница прочитала нам журнал «Огонек» [1], где рассказано о вашем подвиге. Вы, рискуя своей жизнью, спасали товарища на дне моря. Нам очень хочется быть похожими на вас!

В новом, 1961 году мы стали пионерами. По учебе, дисциплине и труду завоевали переходящее красное знамя училища. Через 9 лет станем электрорадиотехниками.

Напишите нам, как ваше здоровье, что у вас нового.

По поручению класса отличники:

Жадан Таня
Певицын Боря
Резниченко Оля
Панов Леня
Шилкин Коля
Синтищева Таня
Корсеня Коля
Щербина Света

Херсонская область, Белозерский район, профтехучилище № 6, 3-й класс «А».

1 См. № 51 за 1960 год, очерк А. Старкова «Двое на дне моря» о подвиге В. И. Ворожейкина.

ШУМА МНОГО...

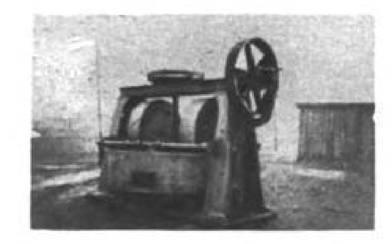
Хочу рассказать вам о столовой и очковтирательстве. Когда начали строить новую столовую, председатель нашего Джамантузского рабочего кооператива Гиленко дал слово, что к 1 мая 1960 года столовая будет готова. Но к сроку ничего не получилось. Вместо того, чтобы покритиковать руководителей, в газете помещают фото Гиленко и новое обязательство: к 1 октября открывается столовая. И еще раз репортаж с фотографией Гиленко в областной газете — 7 ноября открытие столовой. И снова срываются все сроки. Наконец, 12 декабря мы перебрались в новое помещение. Перебрались и не обрадовались. Плита кухонная дымит, парового отопления нет. Сняли плиты, поставили «буржуйки». А самое главное, у нас пока нет посетителей, и будут они не раньше марта — апреля. Не лучше ли было бы без шумихи доделать по-настоящему столовую и сдать бы ее в марте или апреле?

Е. Наумова,
повар Джамантузского совхозрабкоопа
Кокчетавской области

КТО ВИНОВАТ!

Дорогая редакция! Обращаю ваше внимание на снимок. Я сфотографировал механизм, который стоит, как мне сказали рабочие, уже около восьми лет на станции Ровеньки. Вероятно, он будет стоять еще столько же, если не вмешаться. Кто виноват в такой бесхозяйственности?

В. Крыжановский,
помощник паровозного машиниста станции Ровеньки

Ю. Морозов прорвался к воротам сборной США.

Интервью «Огонька»

ОРЛЯТА РАСПРАВЛЯЮТ КРЫЛЬЯ...

Николай ЭПШТЕЙН,
тренер сборной молодежной команды СССР

Теперь, когда мы вернулись домой с пятью победами из пяти возможных и можем спокойно глядеть в глаза знакомым и согражданам, хочется оглянуться и вспомнить наше спортивное турне по США.

Напутствуя нас на «ратный подвиг», в федерации хоккея дали понять, что главная цель поездки — обстрелять молодежь, и если случится неудача (а она возможна), надо не теряться, а делать из нее выводы.

Создание молодежной сборной предусматривает не сегодняшние, а завтрашние победы. Кто из любителей хоккея не помнит тех трудностей, которые возникли в нашей сборной команде, когда в 1957 году прославленное поколение пионеров советского хоккея во главе с Бобровым попрощалось с коньками и клюшками! Уже тогда стало ясно, что готовить смену сильнейшим игрокам надо заранее, исподволь, шлифуя мастерство молодых спортсменов не только на тренировках, но и в спортивной борьбе. Именно с этой целью и отправлялась молодежная команда в страну олимпийского чемпиона. Ведь сборная команда США завоевала золотые медали на VIII Олимпийских играх в Скво Вэлли. Теперь нам предстояли три встречи со сборной командой США.

В молодежную команду вошли хоккеисты не только Москвы, но также Воскресенска и Горького. Почти все игроки выдвинулись так недавно, что многим еще не были даже присвоены «сержантские нашивки». Подготовка команды была поручена мне, тренеру воскресенского «Химика», и Дмитрию Богинову, тренеру горьковского «Торпедо». Задача наша была ясна: спаять в единое целое хоккеистов из «Химика», «Торпедо», «Крылышек», ЦСКА, «Динамо», подготовить их к напряженной силовой борьбе, которая является одним из главных козырей американских хоккеистов, верных учеников канадцев... Но как ни ясна была цель поездки, мудрые наставления, продиктованные стратегией дальнего прицела, нас не успокаивали. Мы подолгу рассматривали карту США, услужливая фантазия рисовала картины предстоящих схваток, и предстартовая лихорадка началась у ребят еще в Москве.

Хоккеисты старшего поколения, закаленные рыцари ледяных турниров, исколесившие весь свет, быть может, улыбнутся, прочитав эти строки. Но пусть они вспомнят свои первые шаги, когда каждому из них было меньше двадцати. А молодежную сборную смело можно назвать «командой моложе двадцати». Для подавляющего большинства игроков это был первый вылет из родного гнезда.

Мы прилетели в Нью-Йорк вечером, а по московским часам — под утро, усталые и разбитые, однако не могли отказаться от возможности посмотреть матч профессиональных хоккейных команд «Детройт» — «Роджерс». Так мы с аэродрома попали на трибуны. Игра была захватывающей, а игроки показали такое высокое мастерство, что усталость и сонливость как рукой сняло. Особенно нам понравилась «девятка» из «Детройта» — Хоу. Матч оказался поучительным: после второго периода «Роджерс» вел 3 : 1, и игра казалась сделанной. Но в третьем периоде «Детройт» забил три шайбы подряд и победил, показав, что в хоккее до самой последней минуты нельзя складывать клюшки. Эта истина была нам, конечно, известна и раньше, но напоминание, как вы увидите, оказалось полезным. А вскоре после нашего первого знакомства с американским хоккеем мы сами вышли на лед.

Произошло это в Гранд-Форксе — маленьком городке, вроде нашего родного Воскресенска. Встретили нас там с широко раскрытыми глазами, потому что русских из СССР не видали. О них много слышали, читали, а живых увидели в первый раз. Кажется, мы немного разочаровали грандфорксцев. Не было с нами самоваров,

не играли мы на балалайках, не пили водку, не носили бород.

Первая игра была трудной. Команда, выступавшая против нас, состояла из пятнадцати канадских студентов, обучающихся в США. Они хорошо владели клюшками, и только в третьем периоде нашим ребятам удалось забросить решающую шайбу и выиграть с весьма скромным счетом 4 : 3.

Следующий наш противник, команда Миннесотского университета, с которой нам предстояло встретиться в Миннеаполисе, по утверждению прессы, была значительно сильнее первой. Газетные прогнозы отмечали, что на сей раз советские хоккеисты могут и проиграть.

И вот мы знакомимся с новым американским городом. Миннесотский университет — крупный спортивный центр. Он располагает стадионом на 60—70 тысяч зрителей, двумя бассейнами и другими спортивными сооружениями.

В Миннеаполисе нас принимали очень радушно. Вообще должен сказать, что отношение к нам со стороны рядовых американцев было приветливым, доброжелательным. Зрители вели себя объективно и хотя поддерживали своих, но и на нашу долю приходилось немало аплодисментов.

В Миннеаполисе мы еще раз побывали на матче хоккеистов-профессионалов, но уже второй профессиональной лиги. Какой контраст по сравнению с первой! Там — удивительное, захватывающее мастерство, здесь — больше драки, чем хоккея. Нет, такому «мастерству» мы учиться не собирались, и наши ребята показали игру иного уровня. Отдохнув и отоспавшись, они действовали весело, с азартом, а моментами вдохновенно. Не успела стрелка пробежать первые двадцать минут, как счет стал 3 : 0 в нашу пользу. Второй период прошел в равной борьбе, а в последние двадцать минут сказалась наша лучшая физическая подготовка, и мы выиграли матч с внушительным счетом 10 : 2.

Результаты двух встреч не могли не радовать, но мы отлично помнили, что подводить итоги рано. Первые две встречи можно было считать лишь разминкой перед тремя предстоящими нам играми с национальной командой США. Номинально это была та команда, которой сборная СССР проиграла в Скво Вэлли год назад. Но команда ведь состоит из игроков — они определяют ее реальную силу. А вот состава сборной команды США мы и не знали. Было над чем призадуматься.

И вот мы в Колорадо-Спрингс — красивом горном курорте, расположенном на 1 500 метров выше уровня моря. Здесь в 1962 году будет проходить мировой чемпионат.

Мне очень хочется отметить настоящее спортивное отношение Американской хоккейной ассоциации к предстоящим матчам. Конечно, она имела полную возможность послать свою команду в Колорадо-Спрингс заранее, с тем, чтобы игроки акклиматизировались. Но ассоциация решила предоставить обоим соперникам равные шансы. Американская команда прилетела в Колорадо-Спрингс в одном самолете вместе с нами. А в вестибюле отеля мы увидели знакомые лица. На стенах среди портретов знаменитых людей, посетивших отель,— фотографии Николая Сологубова, Вениамина Александрова и других советских хоккеистов, отдыхавших и тренировавшихся здесь перед поездкой в Скво Вэлли.

Нашим гидом по Колорадо-Спрингс стал наш капитан Игорь Деконский, который тоже был здесь в прошлом году. Он и познакомил ребят с тремя старыми приятелями, игроками олимпийской сборной США: Диком Барғом, Джимом Уэтсби и Бобом Тэрком. Они трое и запасной вратарь Ларри Палмер — это все, что осталось от той команды, которая выступала столь блистательно на VIII Белой олимпиаде. Остальные разбрелись кто куда, тренер Джек Райли вообще ушел на покой. Кто же сменил прежних игроков? Нам назвали несколько имен — Дэвиса Фрэнка, Дэна Дилворна, Джерри Норена, Лена Линкольна. Да, сборная США сильно изменилась, но стала ли она слабее? Это мы могли узнать не из разговоров, а из борьбы на льду.

По заведенному в Колорадо-Спрингс обычаю в нашу честь устроили пляски индейцев в их старинных костюмах, а всех гостей облачили в ковбойские шляпы и прокатили в старинной карете.

Но это не смягчило нервного напряжения перед матчем. Оно исчезло лишь в первые минуты игры, когда нашим хоккеистам сразу же удалось добиться тактического преимущества. Играть было тяжело: не хватало кислорода, — но именно в этом матче наши орлята показали свою лучшую игру. Мы переигрывали противника по всем статьям, и особенно в быстроте. Только в третьем периоде игра пошла ровнее, но исход матча уже не вызывал сомнений. Счет 10 : 1 — лучший результат, показанный командой СССР в США,— вполне заслужен.

После этой игры американцы, падкие на пышные прозвища, стали называть нашу команду «русский вихрь», а нам, ее руководителям, пришлось по телевидению рассказывать о том, что «вихрь» зародился на берегах Волги и Москвы-реки, что в составе команды четыре горьковчанина, пятерка из Воскресенска, а остальные — москвичи. Рассказали мы и о том, что молодежная сборная подбиралась по клубным звеньям. У нас была горьковская тройка — Роберт Сахаровский, Игорь Чистовский, Лев Халаичев и вратарь Виктор Коноваленко, воскресенская — Юрий Морозов, Юрий Борисов, Валерий Никитин, а в остальных двух тройках основу составляли армейцы — Валентин Сенюшкин и Игорь Деконский и динамовцы Владимир Юрзинов и Вячеслав Орчаков.

Чтобы снять нервное напряжение матча, весь следующий день хоккеисты катались на лыжах, купались, гуляли. Им очень хотелось утащить с собой в горы своих соперников, американцев, с которыми они по-настоящему сдружились, но те объяснили им, что тренеры возражают. Видимо, руководители команды США боялись расходовать лишние силы своих игроков в надежде на реванш.

Вход на каток стоил немало — семь долларов, но, несмотря на это, следующая игра прошла при переполненных трибунах. На этот раз американцы играли значительно лучше, но победа все же осталась за нами со счетом 8 : 3.

Лучшую свою игру сборная США показала в Нью-Йорке. Этого мы ждали. Американские хоккеисты злились и не скрывали этого от наших ребят. Как всегда бывает в таких случаях, если верить проигравшим, им мешали проявить мастерство не их соперники, а разные второстепенные неполадки. Американцы утверждали, например, что их выводили из равновесия слишком длинные речи и паузы перед играми: в Колорадо-Спрингс мы ждали долго губернатора, а потом мэра. Мы лишь молча улыбались, слушая эти объяснения, но в Нью-Йорке эти улыбки очень скоро исчезли с наших уст. В первом периоде американцы заиграли так, что нам было не до смеха. Счет 2 : 0 в их пользу целиком соответствовал ходу игры. А в перерыве вместо того, чтобы обсуждать наши дальнейшие действия, нам пришлось перетачивать коньки. Но по мере того, как коньки становились острее, менялось и настроение ребят, они становились увереннее.

Когда советская команда снова вышла на лед и почувствовала себя вновь на «своих» коньках, картина переменилась. «Русский вихрь» начал действовать.

На поле горьковская тройка. Она «включает третью скорость». Великолепная подача Льва Халаичева — и Роберт Сахаровский открывает наш счет. На смену горьковчанам с бортов прыгает на лед тройка Валентина Сенюшкина. Игорь Деконский замечает выдвинувшегося вперед защитника Владимира Данилова. Пас на клюшку, бросок — 2 : 2! Трибуны аплодируют, от души немножко отлегло. Проходит еще минута. Владимир Юрзинов улучает момент, и вот уже шайба на клюшке Игоря Деконского. Сверкнула лампа за воротами. Мы ведем — 3 : 2!

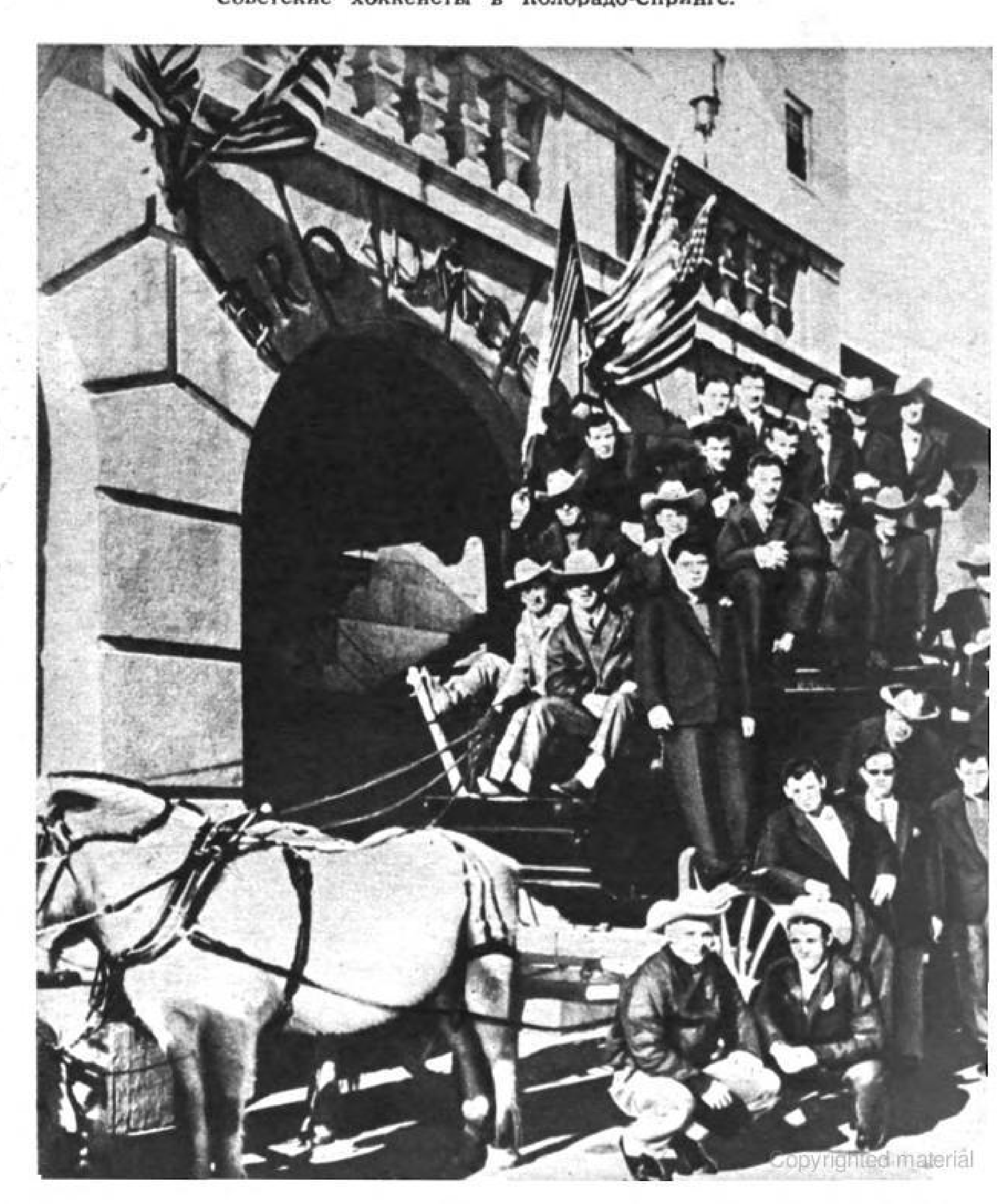
Я смотрю на часы. С начала периода прошло шесть минут. Наши продолжают «давить». Американцы немножко растерянны. Они пытаются перехватить инициативу. Но вот снова вступает в дело горьковская тройка, и снова Лев Халаичев великолепно передает шайбу защитнику Владимиру Данилову. Счет 4 : 2.

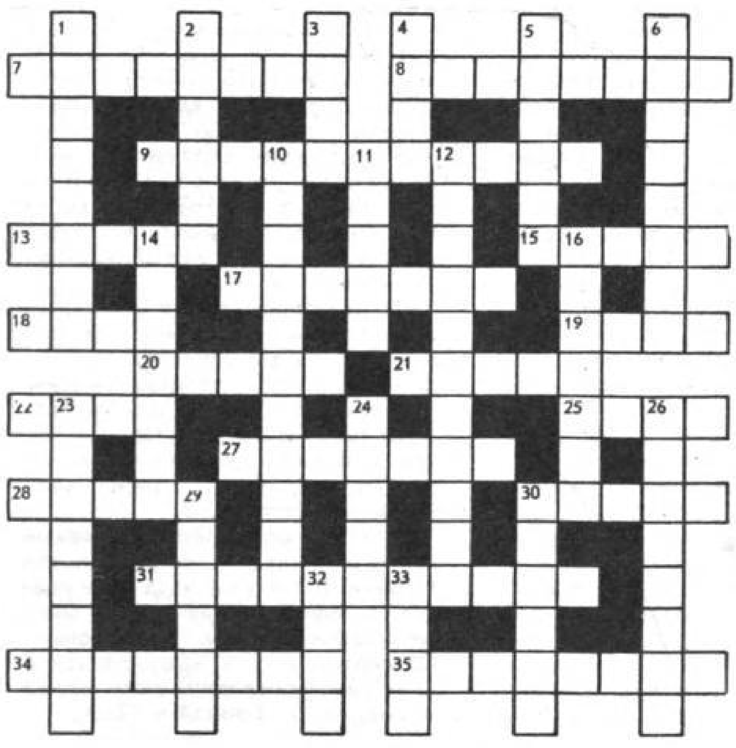
На некоторое время американцам удалось освободиться от давления. Игра выравнялась, и наши соперники, воспользовавшись этим, провели свою третью шайбу. Трибуны неистовствуют. Но еще до конца периода другой наш защитник, Эдуард Иванов, забил свой «сольный» гол — 5 : 3.

Этот второй период, самый яркий в матче, и решил исход встречи. В третьем игра шла ровнее, и единственная шайба была заброшена Юрием Морозовым. Со счетом 6 : 3 в нашу пользу и закончился последний матч нашей молодежной сборной в США.

Джон Плебен, тренер американской сборной, не скрывал своего удивления прогрессом советского хоккея, а Джек Райли, бывший тренер олимпийской сборной, даже заявил, что молодежная команда играла лучше, чем сборная СССР на VIII Олимпийских играх. Я думаю, что это не так. Конечно, хоккеисты первой сборной команды улучшат свою игру к чемпионату мира в Швейцарии и станут еще более грозными соперниками. Но ясно одно: со многими игроками молодежной сборной СССР сильнейшие американские хоккеисты встретятся на IX Белой олимпиаде в Австрии. Тогда наступит наше время! А пока молодые орлята расправляют крылья.

Советские хоккеисты в Колорадо-Спрингс.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Роман Жорж Санд. 8. Первая народная артистка республики. 9. Певчая птица. 13. Фруктовое дерево. 15. Часть перекрытия зданий. 17. Бобовое растение. 18. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 19. Экспедиционное судно Ф. Нансена. 20. Термическая обработка металлов. 21. Защита, покровительство. 22. Хищное животное. 25. Изгиб края седла. 27. Музыкальный инструмент. 28. Высокая ограда. 30. Приток Припяти. 31. Смягчение удара, толчка. 34. Остров в Тихом океане. 35. Глубоководный океанографический снаряд.

По вертикали:

1. Государство в Центральной Америке. 2. Первая в России женщина-офицер. 3. Сорт картофеля. 4. Денежная единица некоторых государств Латинской Америки. 5. Основоположник физиологического направления в клинической медицине. 6. Баллада В. А. Жуковского. 10. Окно на корабле. 11. Движение воздуха. 12. Запись особыми знаками. 14. Советский композитор. 16. Строительный материал. 23. Типографская машина. 24. Жанр азербайджанской народной песни. 26. Советский цирковой артист. 29. Простейшее соединение азота с водородом. 30. Могущественное явление природы. 32. Короткая конская рысь. 33. Осенняя вспашка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 3. Грохот. 6. Старов. 8. Рубка. 9. Гималаи. 10. Медиана. 11. Брезент. 13. Абака. 15. Алдан. 17. Вратарь. 18. Глазурь. 20. Токио. 22. Калар. 25. Воронка. 28. Чичиков. 29. Океания. 30. Апорт. 31. Нарвал. 32. Акцент.

По вертикали: 1. Ромашка. 2. «Архимед». 3. Глинка. 4. Триер. 5. Абхазия. 6. Саман. 7. Вонсан. 11. Баталов. 12. «Тачанка». 14. Бордо. 16. Аорта. 19. Аполлон. 20. Тициан. 21. Колибри. 23. Лазарев. 24. Радист. 26. Отвал. 27. Квота.

На первой странице обложки: Заслуженная артистка РСФСР Юлия Борисова, выдвинутая на соискание Ленинской премии за исполнение роли Вали в спектакле «Иркутская история» (Государственный академический театр имени Евг. Вахтангова).

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: В горах Западного Кавказа.

Фото В. Гукова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02034. Подписано к печати 8/II 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 900 000. Изд. № 220. Заказ 245.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ИСТОРИИ АЛМАЗОВ

Каждый крупный алмаз имеет свою историю.

Известны факты, когда правители государств выменивали драгоценные камни за жизнь тысяч своих подданных.

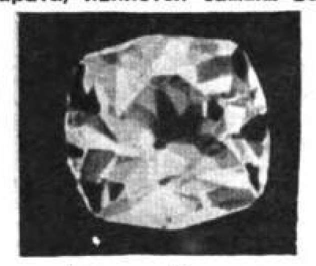
Алмаз «Регент», или «Питт», был найден невольником в одном из рудников Индии в начале XVIII века. Чтобы скрыть от надсмотрщиков свою находку, индиец разрезал ногу и спрятал алмаз в глубокой ране. Затем он поведал свою тайну одному матросу и попросил помочь бежать. Моряк согласился, но на корабле отобрал алмаз и столкнул невольника в море. В порту убийца продал алмаз за бесценок некоему Питту, а узнав истинную цену камню, с отчаяния повесился.

По другим сведениям, Питт купил этот алмаз в Индии, а затем продал его регенту Франции герцогу Орлеанскому. Комиссия ювелиров оценила бриллиант в 12 миллионов франков. В 1792 году «Регент» был похищен шайкой воров. Но один из злоумышленников сообщил правительству, где был спрятан алмаз.

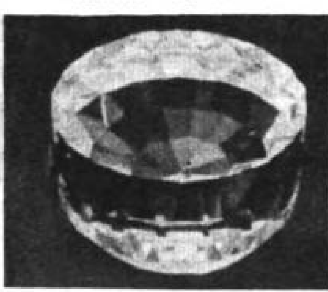
Некоторое время бриллиант «Регент» красовался на рукоятке шпаги Наполеона I.

У нас в стране хранятся алмазы «Шах» и «Орлов». Об алмазе «Шах» рассказывалось в журнале «Огонек» (№ 35, 1958 год).

Алмаз «Орлов» известен еще под названиями «Амстердамский алмаз» и реже — «Лазаревский алмаз». «Орлов» был найден в начале XVII века в Индии. Он по чистоте и весу (194,8 карата) является самым величественным из алмазов, обнаруженных когда-либо на индийской земле. Форма его сохраняет старинную огранку в виде высокой розы. По преданию, этот замечательный камень был глазом священной статуи. Тогда алмаз носил название «Дериа-нур» — «море света». Другим глазом идолу служил бриллиант «Коинур» — «гора света». «Коинур» считается самым старым алмазом.

Алмаз «Регент».

Алмаз «Орлов».

В 1737 году столицей Индии Дели завладел шах Надир. Алмазы «Орлов» и «Коинур» засверкали в его троне. В дальнейшем камни разошлись, и у каждого сложилась своя судьба. Предполагают, что алмаз «Орлов» был похищен у Надира его солдатом. Затем через ряд лиц алмаз попадает к какому-то кавказцу, который по поручению купца Лазарева вывез камень из Индии, спрятав его в ране на своем теле. Граф Орлов в 1773 году купил этот алмаз в Амстердаме и преподнес Екатерине II.

Т. АЙРАПЕТЯН

В январе в Польской Народной Республике отмечали знаменательное событие — 300-летие польской печати.

Польская пресса, имеющая большие демократические и революционные традиции, пользуется заслуженной любовью трудящихся республики.

В эти январские дни в Варшаве был отмечен и другой, более скромный юбилей — 25-летие польского юмористического журнала «Шпильки».

В одном из залов Министерства культуры ПНР была развернута выставка. На ее открытие собрались польские сатирики, писатели, журналисты, художники и все те, кто ценит и любит острое, меткое слово, забавный рисунок.

Главные экспонаты выставки — политические карикатуры. Интересно было проследить, как художники журнала на протяжении всей 16-летней истории народной Польши метко разоблачали тех, кто мешал народу строить социализм.

Интерес посетителей выставки вызвали материалы журнала, относящиеся к тридцатым годам. «Шпильки» едко высмеивали лживую сущность буржуазной демократии, разоблачали предательскую роль национальной буржуазии. Смело и остро выступал журнал против фашизации страны.

Характерно, что первый номер «Шпилек», вышедший 15 декабря 1935 года, был полностью конфискован, а второй номер удалось распространить лишь наполовину.

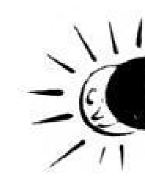
Уже с первых лет существования «Шпилек» в журнале активно сотрудничали крупнейшие польские сатирики, писатели и художники: Тувим, Галчиньский, Бронислав Линке, Слонимский и другие.

Советские читатели знакомы с творчеством нынешних талантливых сотрудников «Шпилек»: Стефании Гродзенской, Януша Осенки, Анатолия Потемковского, с рисунками Эрика Лепинского, Ленгрена и других художников.

В гости к «Шпилькам» приезжали представители сатирических журналов братских социалистических стран: «Ойленшпигеля» (ГДР), «Лудаш Мати» (Венгрия), «Крокодила», «Стыршела» (Болгария), «Урзики» (Румыния). Они сердечно поздравили юбиляра и пожелали «Шпилькам» стать еще более массовым, боевым и злободневным журналом, активно помогающим народу строить социализм.

М. СЕМЕНОВ, редактор журнала «Крокодил»

ЛУННАЯ ТЕНЬ

Много сказаний и легенд сложили люди в старину о солнечном затмении, не зная, как его объяснить. Страх вызывало оно. Во время затмения 840 года баварский король Людовик умер, испугавшись «божьего знамения».

В наше время хорошо изучена природа солнечного затмения. Астрономы могут предсказать его с точностью до секунд и используют это явление для изучения Солнца. 15 февраля произойдет очередное солнечное затмение, которое представляет особый интерес для наших астрономов, потому что оно является последним в двадцатом столетии затмением, проходящим на европейской части территории Советского Союза.

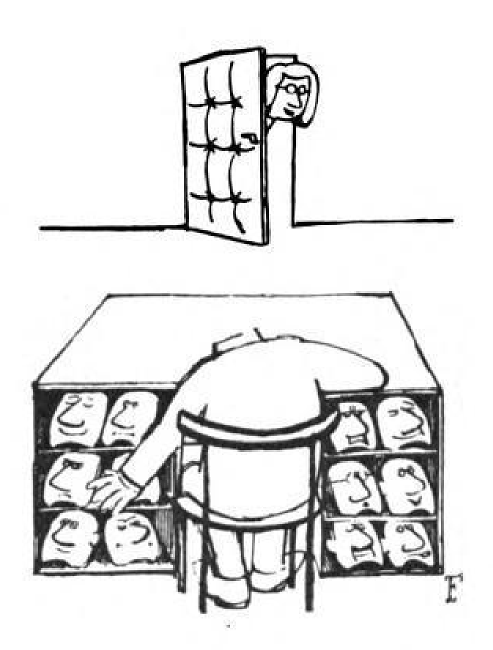
Лунная тень попадет на поверхность Земли в 10 часов 30 минут по московскому времени в районе Бискайского залива, затем, пройдя через юг Франции, север Италии, Адриатическое море, Югославию, Румынию, северную часть Черного моря, в 11 часов 5 минут достигнет Евпатории и проследует через Азовское море на северо-восток — к Ростову, Сталинграду, Уфе, Свердловску, Нижнему Тагилу. Кончится солнечное затмение в 12 часов 7 минут на Таймырском полуострове.

В Москве можно будет наблюдать лишь частичное затмение (в максимальной фазе — до 91 процента диаметра) с 10 часов 12 минут до 12 часов 36 минут.

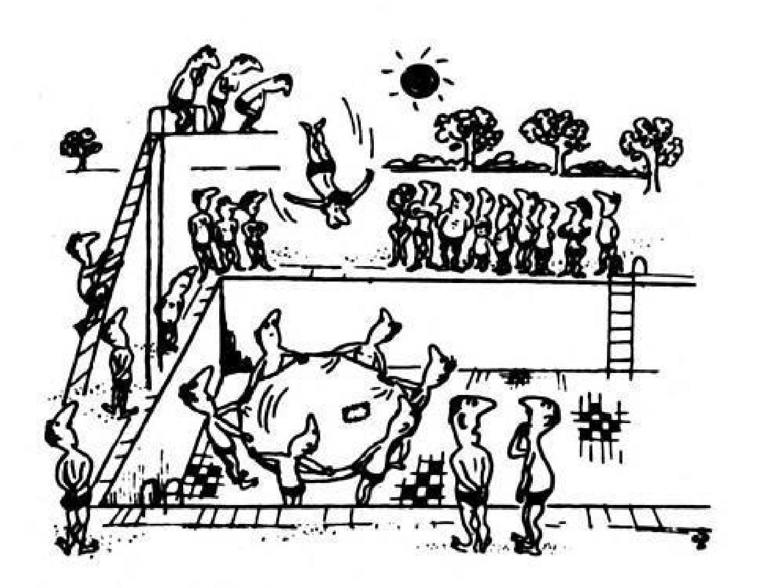
Экспедиция Государственного астрономического института имени Штернберга, которой руководит кандидат физико-математических наук Э. В. Кононович, работает в Ростове, где солнечное затмение будет полным.

И. АРХИПОВА

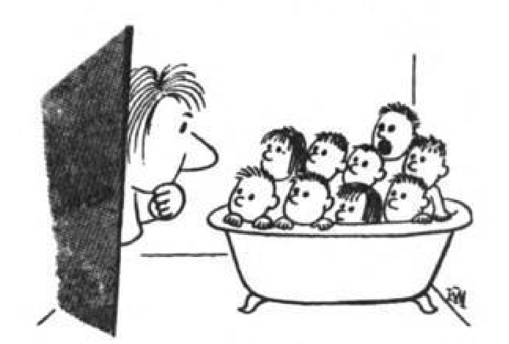
— Пан директор, могу ли я впустить посетителя?
— Минуточку...
Рисунок Е. Флисака.

В бассейне:
— Опять затруднения с водой!
Рисунок З. Кьюлина.

Без слов.
Рисунок Е. Флисака.

— А мы играем в пляж...
Рисунок К. Мозолевского.

— Не огорчайся, мы увидим этот фильм по телевизору. (Надпись: «Детям до 18 лет смотреть воспрещается».)

Рисунок Я. Гошлиновского.

В радиостудии:
— А теперь послушайте нашу польскую Иму Сумак.

Рисунок Я. Федоровича.

— Почему ты так поздно приходишь в школу?
— Учиться никогда не поздно.

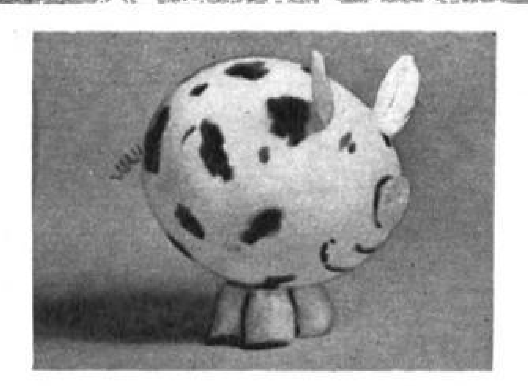
Рисунок З. Кьюлина.

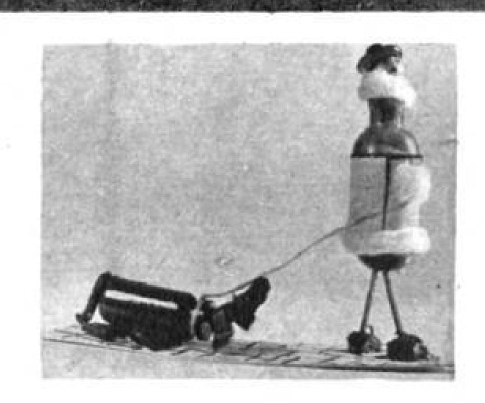
Без слов.

Рисунок Е. Флисака.

ИГРУШКИ

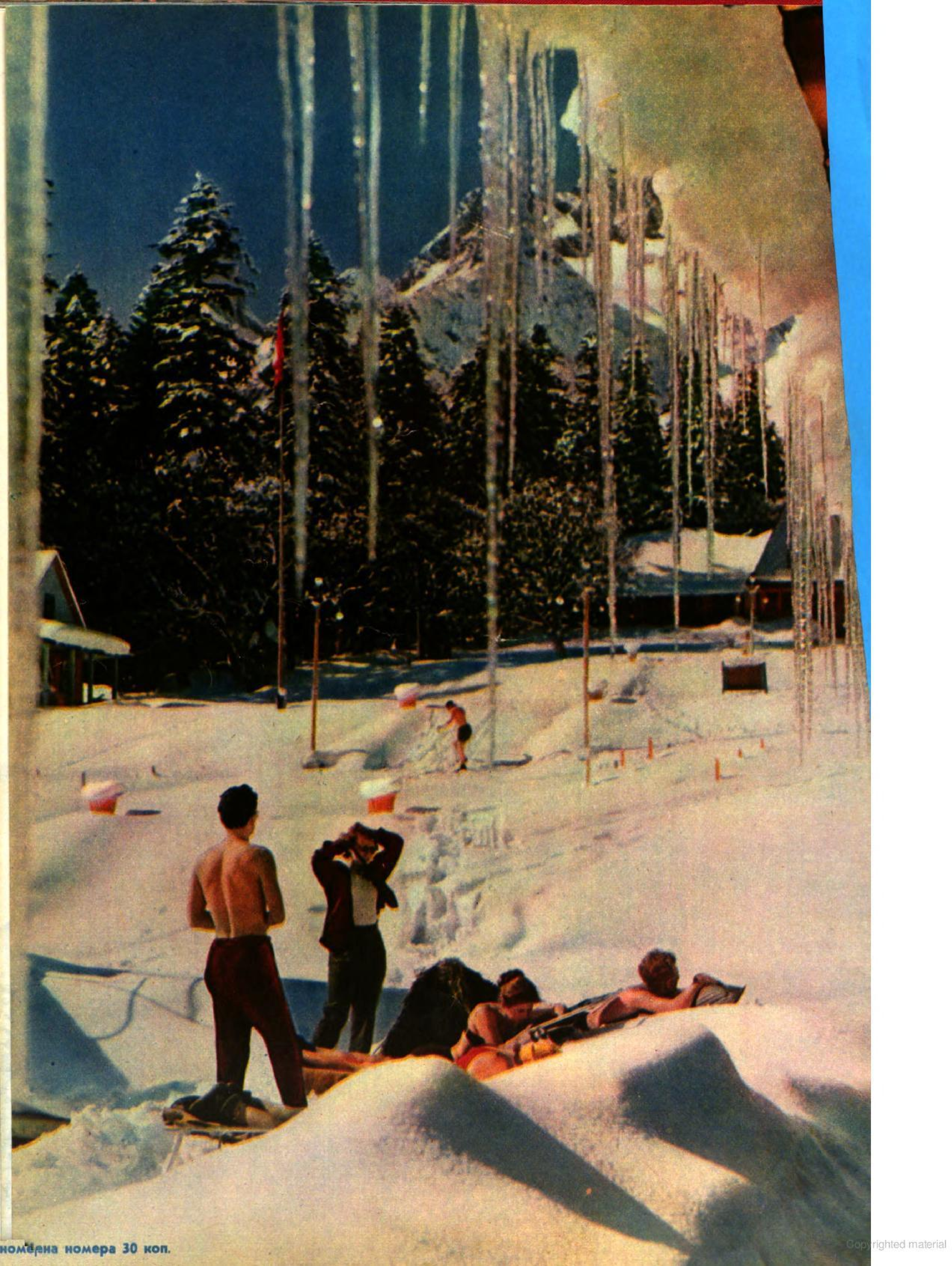
Эти веселые игрушки из электропровода, пузырьков, катушки, пробки, яйца, охотничьего патрона сделала литератор Э. Б. Александрова.

номерна номера 30 коп.